

ДЕВСТВЕННИЦА

АМИРА АНІ ЕЈІУС

Девственница. Ангелос Амира

Цикл: Братья Валиевы

В тексте есть: Романтическая эротика, очень откровенно, властный герой, любовь вопреки

Аннотация

Думала ноги моей не будет в родном городе, но нужда заставила. Цена моего возвращения — жизнь невинного ребенка. Я должна спасти свою крошку, вот только для этого нужна огромная сумма денег, которой у меня нет. Но эти деньги есть у человека, с которым думала больше никогда не пересекутся пути. Он изменился. Стал жестоким, опасным, держащим в страхе и подчинении весь город. Мне нельзя попадаться ему на глаза, но на закрытом аукционе, на котором я оказалась абсолютно случайно, именно этот человек купил меня.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)

- [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Эпилог](#)
-

Глава 1

— Извини, Вилен, мне правда очень жаль, но банк отказывает в кредите. На данный момент на тебе висят две задолженности. Обеспечения нет у тебя. Мне очень жаль...

Стискиваю руки в кулаки. Этого следовало ожидать. Меня не удивил отказ. Но бесит, с каким показным, нарочитым сочувствием он произнесен. Виталий Николаевич Антонов, старший специалист банка, мой бывший одноклассник. У меня глубокое ощущение, что он испытывает удовольствие, отказывая мне. Когда-то в школе я была самой популярной, самой богатой, за мной ухлестывали парни, не помню, кажется, аж с пятого класса. Сейчас же я, нищая, растерянная и разбитая. Приехала в родной город — последняя надежда найти хоть какую-то помощь здесь. Ну, или по крайней мере спрятаться от кредиторов, пересидеть.

Нас приютила бывшая домработница моего отца, Варвара Сергеевна. Не знаю, что бы я делала без нее. Хоть какая-то крыша над головой. Но долго без денег мы не протянем, выплачивать долги все равно надо, иначе объявят в розыск. Я так устала чувствовать себя загнанной. Когда уже все закончится? Почему мне все время приходится бежать? Ведь за свою жизнь я не совершила ни единой подлости...

Кроме одной...

О которой запрещаю себе вспоминать. Как говорят адвокаты: это к делу не относится.

Мне нужно достать деньги, без них никак. Но теперь еще один вариант рассыпался в прах...

— Ты даже побледнела, Виленка, — голос Виталика становится сочувствующим. Так еще хуже. Могу разреветься. — Что у тебя случилось, красавица? Может я смогу помочь?

— Спасибо. Мне нужен кредит, как ты понимаешь. Но вряд ли у тебя есть такие деньги...

— Откуда тебе знать. Давай поужинаем сегодня? Я тебя в ресторан приглашаю. Все ж таки не чужие. Восемь лет в одном классе. Расскажешь, куда ты так неожиданно пропала, даже доучилась?

— Я закончила школу в другом городе. Ничего особенного, так бывает, — пожимаю плечами.

— У меня другое ощущение.

— Ты это о чем?

— О том, что с тобой никогда не бывает «ничего особенного», Виленка. Дочь главного криминального авторитета города сбегает со своим братом, бросив все. Ты хоть представляешь, что о тебе болтали тут?

Конечно представляю, Виталик. Обо мне болтали всегда. Как и о моем несчастном брате. Вот только мне эта «популярность» всегда была костью в горле. И то, что сейчас выслушиваю от тебя, такая же кость. Ты ничем не можешь помочь, но буквально истекаешь слюнями, жаждешь грязных сплетен. Думаешь, что я могу увидеть в тебе спасителя на белом коне? Черта с два. Ты жалкое любопытное ничтожество, и только.

— Говорили даже, что ты беременна от своего брата, — добивает меня очередной омерзительной сплетней бывший одноклассник.

— Виталь, у меня такое ощущение, что я не в банке, а даю интервью корреспонденту самой желтой газетенке нашего города, — морщусь как от зубной боли. — Извини, если ты там подрабатываешь — ноу комментс. Я не собираюсь обнажать перед тобой душу. Даже

если ты меня накормишь омарами.

Кажется, я отбрила его вслух ничем не хуже, чем мысленно. Кто бы мог подумать, что когда-то я была замкнутой и застенчивой. Все страхи и обиды хоронила глубоко в себе. Иначе было не выжить...

Виталик надул губы, обиделся. Заметно, что его распирает сказать какую-нибудь гадость. Но не может. Привычка — вторая натура. Он привык считать меня дочерью криминального авторитета. Неприкосновенной. Его мозг еще не впитал свежую информацию — Шаха больше нет. Он больше не держит этот город в своем стальном кулаке...

Мой отец был очень жестоким человеком, причем не только со своими «подчиненными», но и с собственными детьми. Может быть кому-то из моих друзей или одноклассников и казалось, что я живу в золотом дворце... На самом деле все было не так. Нам сильно доставалось с братом за малейшую провинность. Мы не могли жить как обычные дети, нас все время прятали, за нами ходили телохранители, потому что мы могли стать «оружием» против отца в случае похищения.

Если бы Глеб Шахов, мой отец, не погиб месяц назад в результате очередного на него покушения, мне бы и в голову не пришло сюда приехать...

С такими невеселыми мыслями возвращаюсь к дому Варвары Сергеевны, старой покосившейся хибаре на окраине города. С отчаянием понимаю, что денег осталось совсем немного, скоро не хватит даже на продукты... Не могу себе позволить объедать пожилую женщину, которая конечно же не станет попрекать куском хлеба.

Что делать? Где достать деньги бывшей принцессе? — конечно же это горькая ирония, никогда не относилась к себе как к принцессе. Даже наоборот, это отвращало. Иногда я вела себя так, надменно, с папиными охранниками, его подобострастными прислужниками. Не знаю почему, может от отчаяния, может от глупости. За некоторые поступки мне очень стыдно...

— Ох, хорошо, что вернулась, — встречает меня на пороге Варвара Сергеевна. — У Настюши высокая температура. Я извелась вся, не получается сбить, только вверх ползет.

По телу пробегают ледяные мурашки. Только этого не хватало... У меня на еду денег почти нет, на лекарства — тем более.

— Вы чем-то сбивали температуру? — спрашиваю сиплым от страха голосом. Боже помоги мне, я так мало знаю о детях! С чего я вообще решила, что смогу стать матерью? Иногда мне становилось жуть как страшно, я спрашивала себя, зачем ввязалась во все это... Но потом смотрела в огромные голубые глаза своей трехлетней дочери, и приказывала себе заткнуться. Она — единственное оправдание моей никчемной жизни. То, ради чего я существую. Надо взять себя в руки.

Ночь мы не спали, все пытались успокоить плачущую девочку, температура то снижалась, то снова ползла вверх, приводя меня саму почти в состояние истерики. Утром я не выдержала. Вызвала такси, одела ребенка и отправилась в больницу.

— Мы не можем вас принять без полиса, как вы не понимаете, девушка, — раздраженно заявляет тучная медсестра, сидящая в регистратуре.

— У ребенка температура под сорок, а вы меня про бумажки спрашиваете? Мы потеряли все документы, поймите. Нам сейчас не до этого!

— Вы беженцы что ли? — сдвигает брови медсестра.

— Да, мы беженцы! — подтверждаю с отчаянием.

Женщина оглядывает меня с ног до головы критически. Видимо не находит мою внешность достаточно замученной или грязной для беженки.

Я не спала всю ночь, синяки под глазами, волосы рассыпаны по плечам — не нашла чем их завязать, не до того было. Накинула на себя первое попавшееся платье — то в котором ходила в банк, элегантное, белое, прямое до колен, без рукавов. Наверное, беженцы не носят белое — не практично. Но мне не до имиджа, я на грани отчаяния!

— Девушка, тогда давайте справку, что вы беженка, я не знаю прямо, — разводит руками медсестра. У нас нельзя вот так вот с улицы.

— Вы понимаете, что у ребенка температура, высокая? Вы вообще нормальная?

— А вы мне тут не хамите! — сразу встает на дыбы противная баба. — Ишь, деловая нашлась! Бомжиху из себя строит, и на те, туда же, права качает! Сказано не положено. Какая ты мать, если полис ребенка потеряла? И не восстановила? Или не знаешь, что дети болеют? Беги давай в паспортный стол, в администрацию города, не знаю, куда. Быстро оформляй и возвращайся с документом, ясно тебе?

Понимаю, что через эту сволочь мне не прорваться. По щекам слезы, хотя глупо — это точно ничем не поможет. Снова заказываю такси, уже на последние сбережения. Называю адрес частной клиники. Ее владелица — бывшая любовница Глеба Шахова. Она должна меня вспомнить... Только бы застать ее... Она вроде бы неплохая женщина. С отцом была не один год, уж не знаю, что Вероника Геннадьевна Астафьева в нем находила... Папа точно красавчиком не был. А Ника — наоборот. Шикарная, изысканная. Я втайне пыталась подражать ее манерам, походке. Она всегда была добра ко мне... Вся наша семья обслуживалась в ее медицинском центре, оборудованном по последнему слову. Если и оттуда нас выкинут, останется... Боже, я не знаю, что буду тогда делать!

Настя крепко уснула по дороге. Кажется, лоб стал чуть менее горячим... Появилась предательская мысль вернуться к Варваре... Но страх за ребенка победил. Мне страшно не хотелось появляться перед Астафьевой в столь жалком виде — вспотевшей, лохматой, зареванной. Представляю, что она про меня подумает... Но Настя — вот что главное. Сделав глубокий вдох, захожу в стеклянные двери пятиэтажной клиники.

□

Здесь пытаться давить на жалость и умолять принять без нужной суммы денег даже не пытаюсь. Сразу говорю симпатичной девушке в окошке регистратуры, что я приехала к Веронике Геннадьевне, называю свое имя и фамилию, стараюсь держаться уверенно и надменно — именно так ведут себя клиенты этого заведения, далеко не бедные люди.

— Вероники Геннадьевны нет на месте, — девушка смотрит на Настю, спящую на моих руках. Конечно, как бы я не старалась соответствовать, выгляжу довольно нетипично для данного заведения. Явно привлекаю внимание, персонал с любопытством поглядывает на меня, от проходящих мимо врачей до уборщицы.

— Тогда я подожду, — заявляю твердо, и направляюсь к белоснежному дивану. Опускаюсь на него, с тревогой трогаю лобик Насти. Горячий! Внутри все противно дрожит, остается лишь молиться про себя, что Вероника появится в скором времени. — Принесите мне кофе, — окликаю девушку, идущую мимо с подносом.

— Да... сейчас, минутку.

Девушка явно опешивает, переглядывается с той, что сидит в регистратуре. Но спорить или что-то спрашивать не решается.

И в этот момент в помещение wpłyвает Вероника. Как всегда в облаке дорогих духов, на ней изысканный костюм бежевого цвета, волосы уложены в идеальный пучок. Она ничуть не изменилась за эти годы.

Я вскакиваю с дивана, как в тумане направляюсь к ней. Замечаю на ее лице удивление. Взгляд падает за спину Вероники, и меня начинает вести... перед глазами плывет. Узнаю спутника Астафьевой, и мне становится дурно. Из всего города, меньше всего я хотела бы столкнуться именно с ним...

Его взгляд цепко впивается в меня, сканирует с головы до ног, особенно пристально он смотрит на ребенка на моих руках. Которые слабеют, приходится сделать огромное усилие, чтобы не дай бог не уронить Настю.

Тагир Валиев... Когда-то он работал на моего отца... Когда-то он едва не погиб из-за меня, уж не знаю каким чудом выжил. Мужчина, которого я по глупости, по молодости подставила... С ним сделали жуткие вещи из-за меня. Первым человеком, из-за которого я сбежала был мой жестокий отец. Вторым — Тагир. И сейчас его холодные черные глаза затягивают в свою бездну, не обещая ничего хорошего...

Если бы помощь нужна была мне, если бы я даже со сломанной ногой сюда приехала, я бы убежала, сверкая пятками. Только Настя, маленький ангел, заставляет меня сцепить зубы и встретить черный взгляд, даже вздернуть подбородок как раньше. Пусть не думает, что я боюсь! Первое правило — хищнику нельзя показывать свой страх...

— Вилена! — восклицает Астафьева, за что я ей безумно благодарна — это позволяет прервать зрительный контакт с Валиевым. Перевожу взгляд на нее.

— Привет, Вероника. Мне нужна помощь. У дочери высокая температура...

— Да, конечно, пойдём дорогая.

Вероника отходит от шока и начинает раздавать указания подчиненным. Нас ведут в кабинет на втором этаже, сразу трое врачей суетятся вокруг Насти, берут анализы, делают укол и кладут под капельницу.

Чувствую, что меня немного начинает отпускать. Все это время я стояла, обхватив себя

руками, неотрывно следя за тем что происходит. И вот чувствую слабость в ногах. Прижимаюсь к стене. Вероника вышла пару минут назад, а перед незнакомыми врачами мне ни к чему притворяться сильной. И тут чувствую, что ведет, головокружение усиливается. Последняя мысль — падение неизбежно. Но не происходит. Сильные руки подхватывают, вместо пола и удара, понимаю, что парю в воздухе, чувствую жар сильного тела. Открываю глаза. Меня держит Тагир. Черные глаза впиваются в мое лицо.

— Мне привет не скажешь? — спрашивает хрипловато.

— Поставь меня, — отвечаю холодно.

Подчиняется. Ставит на ноги. Он успел вынести меня из палаты, мы стоим в пустом коридоре друг напротив друга. В венах бьется пульс, волнение зашкаливает. Делаю шаг к двери, чтобы вернуться в палату, но мужская рука в дорогом пиджаке, с золотым Брайтлингом на запястье, преграждает мне путь.

— Значит, ты вернулась? — холодно спрашивает Тагир.

— Почему тебе это интересно?

— На похоронах отца я тебя не видел.

— Меня там не было. Странно, что ты был, — вырывается фраза, и тут же понимаю, что зря я это сказала. Ворошить прошлое — смертельно опасно.

— А ты совсем не изменилась, — задумчиво произносит Валиев, продолжая пристально меня разглядывать. — Помню, какой надменной сучкой ты была, детка. Думал, что возраст сотрет эту извращенную избалованность. Глеб, конечно, сильно покалечил вашу с Павлом психику. Кстати, твой брат тоже вернулся?

— Почему тебя это интересует? — спрашиваю с горечью.

— Спросил из любопытства. Сбежали вы вдвоем. Не разлей вода были...

Молчу... Прежде всего, потому что ответить мучительно больно. Брата нет в живых... Наш побег... мы решились на него прежде всего ради Павла. Ему от отца доставалось куда сильнее. Меня, можно сказать, отец лелеял и баловал, как принцессу. Единственный раз, когда гнев его был страшен и мне сильно досталось — от пощечины до месячного домашнего ареста, был связан как раз-таки с Валиевым... Но я запрещаю себе вспоминать то безумие, что было между нами...

— Ты, оказывается, та еще шлюха, сбежала в пятнадцать... Родила, получается, в шестнадцать? — жестокие слова Тагира бьют наотмашь.

Я настолько ошеломлена его грубой прямоотой, его взглядом, раздевающим донага... Хочется прикрыться, спрятаться от его осмотра. Почему мы должны были встретиться вот так, когда я лохматая, потная, голодная — боюсь, что желудок громко заурчит, что тоже добавит неловкости. Если уж мне суждено было предстать перед Валиевым, я бы предпочла идеальный наряд, прическу... Максимально закрытые... Потому что только этот мужчина умеет смущать меня как никто.

Не выходит придумать язвительный ответ на его грубость, наш разговор к моему облегчению прерывает появившаяся Вероника.

— Ну как там наша пациентка, — голос Астафьевой звучит недовольно, словно ее уже начинает раздражать наше присутствие, то что отвлекаем ее своими проблемами. Мне становится не по себе. Бросаю на нее взгляд и тут до меня доходит. Веронике не нравится то, что я наедине с Тагиром! Она ревнует! Получается, эти двое вместе? Валиев «подобрал» обеды моего отца?

Меня шокирует это открытие. Нет, я конечно не уверена на все сто процентов, что все так. Но взгляд Астафьевой явно демонстрирует ревность.

— Мне самой интересно, пойду посмотрю, — бормочу себе под нос и спешу в палату. Я должна быть рядом с малышкой, а не с тенью из прошлого. Насколько я слышала, Тагир стал очень авторитетным человеком в городе. Мой отец не смог сломать его. Валиев сбежал, присоединился к конкурирующей группировке. Видимо, преуспел в этом. Хотя подобное в криминальном мире редкость... Как бы я хотела ничего не знать о криминальном мире, вот только родителей мы не выбираем...

— Температура спала, девочка спит, — говорит мне медсестра с улыбкой. — Тоже поспите, вы такая бледная. В соседней палате есть кровать, там никого нет.

— Огромное вам спасибо...

— Дорогая, пойдём ко мне, выпьем кофе, — в палату входит Вероника, лишая меня надежды на сон. Конечно я не могу ей отказать.

Когда выхожу вслед за Астафьевой, с облегчением отмечаю что в коридоре никого нет.

— Тагир уехал, — говорит Ника, видимо прочитав мои мысли.

— Вы встречаетесь?

Зачем, ну зачем я это спросила? Настолько злюсь, самой себе пощечину залепить хочется.

— Да, что-то вроде того, — пожимает плечами Астафьева, пока идем к лифту. — Знаешь, он не из тех, кого можно запихнуть в рамки какого-либо формата отношений. Он этого не терпит. Но нам хорошо вместе.

— Ясно, — захожу следом за Вероникой в лифт, опускаю глаза в пол. Не знаю, что еще сказать. Поздравляю? Благословляю? Смешно. В конце концов, какое мне дело до их отношений! Сейчас самое главное решить вопрос с оплатой медицинских услуг...

Кабинет у Астафьевой очень просторный, дорого обставленный, с большим панорамным окном, больше походящий на офис какого-нибудь крупного менеджера, нежели врача больницы. На стене репродукция Кандинского, к слову, мой отец особенно любил работы именно этого художника, возможно — это его подарок. Кресло за большим столом из очень дорогой кожи, сделано явно на заказ, как и диван напротив, возле стены. Меня не шокирует вся эта красота — пару раз я бывала здесь, но это было очень давно и мне хочется стереть те воспоминания. Когда-то деньги на эту клинику дал Веронике Астафьевой мой отец. Но это не значит, что сейчас, после его смерти, тут должны бесплатно обслуживать его дочь. Тем более блудную, вычеркнутую из завещания. Если оно вообще есть. Отец умер внезапно — покушений на него было много, и вот как э то обычно бывает, одно из них стало последним. Удачным. Банальным. Под машину заложили радиоуправляемую взрывчатку.

— Знаешь, мне немного неловко в этом признаваться, но у меня сейчас сложное материальное положение. Нас не приняли в государственной поликлинике, нет полиса, поэтому пришлось в голову попытать счастье здесь. Я была в отчаянии, — начинаю свою речь.

— Прекрати Вилена, тут даже говорить не о чем, — резко обрывает меня Астафьева, садясь в свое кресло. — Конечно же, я не возьму с тебя денег.

— Что ж, должна признаться, я именно на это и рассчитывала, — решаю действовать предельно откровенно. Вероника проявила себя с очень благородной стороны, это очень приятно, что еще остались на этой земле бескорыстные люди...

— Может быть, мы уже давно не близкие люди, не родственники, но ты, можно сказать, выросла на моих глазах. Я всегда относилась к тебе как к младшей сестре, Вилена, —

произносит Вероника. — Лучше расскажи, где ты пропадала эти годы. Что с тобой случилось? Неужели ты правда родила в столь юном возрасте? Это правда твой ребенок?

— Да, это мой ребенок, — говорю глухо.

— Я так понимаю, именно поэтому ты сбежала? Глеб, конечно, такого бы не потерпел...

— А что он терпел? — спрашиваю грустью.

— Ты права... Он ничего не терпел, — вздыхает Астафьева. — Не знаю, что сказать, дорогая. С одной стороны, хотелось бы посочувствовать тебе, выразить соболезнования, что твой отец умер, и у тебя не осталось родителей. Мать свою ты не знала, отец был очень сложным человеком... Кстати, как Павел? Вы же в месте сбежали. Он тоже приехал, вместе с тобой?

— Нет, он не приехал. Слушай, я очень тебе благодарна, но давай отставим тему семьи. Расскажи лучше, что говорят твои врачи, что с ребёнком? Надеюсь, ничего страшного? Знаешь, Настя никогда не болела за эти годы, всегда была очень крепкой. Даже если у неё появлялись сопли, то приходили буквально за пару дней. Никогда ни животик, ни кашель не беспокоил. Что там еще у детей бывает...

— Значит, тебе очень повезло с дочерью, — улыбается Вероника.

— Да, точно, хоть в чем-то повезло, — улыбаюсь в ответ, хотя на душе совсем не весело. Есть облегчение, но проблем впереди еще выше крыши.

— Насколько я поняла, у твоей дочери обычная простуда, но я бы её по наблюдала пару дней. К сожалению, в нашей клинике не предусмотрено детского отделения. Приняв Настю я по сути нарушаю закон. Но мы подержим её в палате для эксклюзивных больных. Ты можешь остаться с ней.

— Спасибо огромное! Надеюсь, мы надолго не задержимся, и не создадим тебе никаких трудностей. Я навсегда запомню твою доброту.

Настю и правда поместили в очень комфортную палату, явно предназначенную для самых богатых клиентов клиники. Нам повезло, что эта палата в данный момент пустовала. Нам с дочерью принесли роскошный ужин на двоих, выбор блюд был очень разнообразный, и на Настин вкус нашлись продукты, и на мой, впрочем, я привыкла быть непривередливой. Взглянув на поднос, я поняла, что целые сутки не ела и набросилась на еду. Также мне удалось выспаться, впервые за много дней я спала как убитая. Меня разбудила утром медсестра, которая пришла проверить температуру. Оказалось, все в норме, так что через два дня нас выписали.

□

— Тут, пока тебя не было, несколько раз кавалер звонил, — сообщает мне Варвара, не успеваем с Настей в дом зайти.

Девочка сонная, дорога утомила ее, она почти засыпает у меня на руках. Отношу ее в кровать, в комнату которую выделила нам Варвара и сразу возвращаюсь. Внутри все трепещет, неужели Валиев решил разыскать меня? Ну и дура же я, мне бояться этого надо, а у меня горячая волна по всему телу! Совсем с ума сошла! Он же с Астафьевой встречается! С той, которая сделала для нас так много добра, даже машину от клиники выделила, довезли нас сюда совершенно бесплатно.

— Кто звонил? — спрашиваю охрипшим голосом, продолжая внутренний монолог, обличающий мои тайные надежды. Ругаю себя последними словами. Да и не может у Валиева быть ко мне интереса, кроме мести. Хотя, такой человек как он, думаю, до мести женщине не опустится...

Закрываю глаза и воспоминания накатывают страшной волной, мучают и будоражат. Все эти годы я гнала от себя мысли о Валиеве, о том, что произошло между нами и чем закончилось. Запрещала себе вспоминать. И в то же время, все что происходило со мной, все невзгоды и лишения, иногда даже в голод, я принимала как наказание за то, что сделала с Тагиром.

Валиев появился в особняке отца, когда мне исполнилось четырнадцать. Папа нанял новых телохранителей, новая команда из трёх человек, которые приехали из Чечни. Три боксёра, двое из которых — огромные амбалы, Тагир рядом с ними казался не особенно внушительным. Он был худощав, но на самом деле, на всех спаррингах, что они проводили в спортивном зале (а я тайком подглядывала), он всегда брал верх, потому что был самым подвижным, а удар у него был смертельным. Его мускулы, бицепсы, конечно привлекали мое внимание. Именно Валиев поразил мое воображение, своей красотой, мрачной, и в тоже время притягательной внешностью, широким размахом плеч. Ко мне в то время часто приходила в гости школьная подружка, Вика Морозова, и мы часами наблюдали в окно за охранниками, придумывали разные предлоги, чтобы поболтать с ними, пококетничать. Ровесники казались нам ужасно противными и скучными, наверное, в этом возрасте так бывает со всеми подростками...

Тагир, разумеется, никак не реагировал на наши хихиканья, ужимки, заигрывания и глупые вопросы. Но даже простой его взгляд подстегивал мое воображение до небес. Я напридумывала себе, что у него тоже есть влечение ко мне, угловатой малолетке с косичками.

Разумеется, даже если бы я была красива как Мисс Мира, смотреть на дочку своего босса, криминального авторитета, было бы безумием. И даже будучи наивной малолеткой, я это понимала. С другой стороны, Тагир отличался крутым нравом, он всегда говорил, что думает, даже перед моим отцом не заискивал. Конечно, это тоже романтизировало его в моих глазах... Он был именно тем самым прекрасным принцем, которому все нипочем, никакой огнедышащий дракон не страшен. Если кто и мог вырвать меня из золотой клетки, то только Валиев. Он нравился мне с каждым днём все больше. Постепенно это перерастало в навязчивую идею. Я засыпала с его именем и просыпалась, это была та самая, настоящая первая любовь. Незабываемая, отчаянная. Я каждый день придумывала новые истории, как

заговариваю с ним, рассказываю о своих чувствах. Как мы убегаем из особняка, уезжаем далеко-далеко в какую-нибудь экзотическую страну, строим свою жизнь вдали от моего отца, ужасного, жестокого и строгого.

Но долго жить фантазиями, без взаимности, безумно тяжело. Иногда я приходила в отчаяние — мне казалось, что Тагир даже не подозревает что я существую. Тогда я начала вести себя дерзко: задирала его, провоцировала. Старалась перед ним ходить в коротких юбках, шортах, иногда невзначай касалась его. Постоянно просила его о каких-то услугах, самых идиотских... Он отвечал мне холодно, видно было, что я его раздражаю... и тогда я начинала подкалывать его перед другими охранниками, насмешничать, что ему явно не нравилось. Поэтому, он старался последнее время держаться от меня как можно дальше.

И вот однажды, когда отец уехал в командировку на несколько дней, Тагир остался в особняке за старшего, потому что всех остальных телохранителей папа забрал с собой. Я решила, что это мой шанс. Мне тогда уже было пятнадцать, я считала себя созревшей, взрослой. У меня уже были месячные, груди правда никак не хотели расти, были совсем маленькими, что меня ужасно смущало. Подружка снабжала меня любовными романами с откровенными сценами секса. Мне казалось, что я очень много знаю об отношениях мужчины и женщины. Я хотела близости с Тагиром, считала, что готова к этому. И что это единственный шанс, ведь папа редко уезжал так надолго. Конечно же, мой план был безумием, и все равно я была полна решимости добиться своего...

Я накрутила волосы на бигуди, наложила на лицо немного пудры и румян, купленных тайком, покрасила ресницы и губы, надела открытое черное платье, которое мне подарила Вика. Длинной выше колен, оно казалось мне строгим, взрослым и очень сексуальным. Туфли на каблуке, сверху накинула коротенький жакет.

Никогда еще я не выглядела такой взрослой, в зеркало на меня смотрела совершенно другая, взрослая женщина.

Сделав глубокий вдох, пожелав себе удачи, я вылезла в окно гостиной на первом этаже.

У меня не было конкретного плана, лишь смутная идея, что если попытаюсь сбежать, Тагир обязательно бросится в погоню. Ну или как минимум попытается остановить. Дальше моя фантазия не заходила. Конечно, все это было совершенно безрассудно. Но ничего другого не оставалось — так мне казалось тогда.

Неожиданно вышло выбраться из особняка незамеченной — в моих руках это был компромат на Тагира, как главный он отвечал за мою сохранность. Я вызвала такси, доехала до центра города, позвонила Вике. Мы встретились, посмеялись как две дуручки над произошедшим, и отправились в Макдональдс, посидеть-поболтать, придумать еще что-то.

— Например, приезжаешь сейчас в особняк, просишь позвать меня, тем самым устроив переполох.

— Ммм, а ты не боишься, что твоему отцу потом доложат? Ты чего добиваешься? Чтобы Валиева уволили, или чтобы внимание его на себя обратить? Чтобы он тебя схватил, ручищами своими облапал, может даже по заднице за плохое поведение влупил... — хихикает Вика.

— Ты права. Наверное, не стоит тебе ехать.

— Дуручка, конечно не стоит! Можно же просто позвонить, позвать тебя к телефону. Эффект будет тот же.

— Ты права. Я идиотка.

— Ты просто ничего не продумала.

— Так времени не было...

Время, к слову, стремительно близилось к закату. Было уже девять, мне вдруг стало не по себе. Я привыкла, что даже среди бела дня меня всюду сопровождает охрана... Вечером я никогда из дома не выходила, отец был строг, никаких поздних сеансов кино или дискотек.

— Тогда я, наверное, домой поеду. Вернусь так, чтобы только Валиев это заметил...

— Отличный план, — кивает Вика. — Никто не узнает, будет у вас своя маленькая тайна. — О Боже! — восклицает вдруг подруга. — Смотри кто здесь.

Оглядываюсь и вижу парней из соседней школы, известных на весь город хулиганов, стоящих на учете в милиции. Нам знакомы их лица, потому что недавно они появились в нашей элитной школе и затеяли драку с парнями из параллельного класса. Настоящие отморозки, и встретиться с ними за пределами школы — ничего хорошего не сулило...

— Не смотри на них! — предупреждает меня шепотом Вика.

— О, привет девчонки, знакомые лица. Вы чего потеряли в нашем районе? — парни все же заметили нас, нагло усаживаются за наш столик.

— Ты тут одна крошка? — прижимается боком ко мне тот, что покрупнее. Он симпатичный, но почему-то отталкивает его внешность, и тем более, манера общения.

— Не одна. Какое тебе дело? У нас с подругой серьезный разговор.

— Какая ты дерзкая, мне такие нравятся, — смеется в ответ.

— Может все-таки дашь нам закончить разговор?

Начинаю нервничать все сильнее.

— По-моему эти крошки слишком сильно задирают нос, — замечает второй парень.

От его взгляда у меня по позвоночнику пробегает озноб. Он выглядит опасным.

— Пойдем отсюда, — резко встав, говорю Вике. Она бледная и тоже явно перепуганная, как и я. Мы выходим на улицу, но парни следуют за нами.

— Надо вызвать такси, — произношу почти шепотом.

— Мы вас довезем.

— Спасибо, не стоит.

— Слышь, ты, шмара, ты что о себе возомнила?

Парни явно под чем-то, теперь я это понимаю. Внутри меня колотит, ругаю себя последними словами. Говорю себе, что моя тяга к Тагиру не стоила такого риска...

И тут на стоянку со свистом влетает ауди цвета серого асфальта. Свет фар падает на нашу компанию. Мотор затихает, фары гаснут. С водительского сиденья вылезает Валиев, меряет взглядом парней, на нас даже не смотрит. Он выглядит абсолютно спокойным, равнодушным. При взгляде на него у меня захватывает дух.

— Так что насчет вечеринки, девчонки? — до парней еще не доходит, что бывший боксер направляется по их душу. Вика коварно усмехается. Отталкивает руку одного из парней — теперь она смелая как лев.

— Убери грабли, — говорит насмешливо.

— Вечеринка, значит? — произношу громко, чтобы слышал Валиев.

Толком сама не понимаю, чего добиваюсь. Может, чтобы приревновал меня...

Бросаю быстрый взгляд на Валиева — он хмурится.

Я не знаю, зачем вдруг начинаю улыбаться парню. Наверное, чтобы Тагир не подумал, что мне отчаянно страшно, что нуждаюсь в его помощи...

— Да, детка. Мы снимаем тут хату неподалеку.

— А кто еще там будет?

— Тебе нас двоих мало, крошка?

Боже, ну что за пошлый разговор! Меня тошнит, и все равно продолжаю упрямо.

— Разве это вечеринка, всего нас четверо?

— А у тебя есть подружки, которым ты можешь позвонить?

— Нет. Мои подружки так поздно не гуляют...

— Какая жалость. Хорошо, что ты не такая скучная как они.

Я только вошла во вкус, мне интересно, что сделает Валиев. Это происходит, когда один из парней кладет руку мне на талию.

Все происходит настолько молниеносно, что ничего не успеваю понять. Короткий вскрик Вики, и парень улетает на пару метров. Второй бросается на Тагира, но передумывает, буквально в прыжке меняет направление. И вот уже двое незадачливых кавалеров бегут куда глаза глядят.

Тагир пристально смотрит на меня, затем переводит взгляд на Вику. Его взгляд пугает и одновременно завораживает.

— В машину, быстро, — рявкает грубо.

Вика, опомнившись первой, выполняет приказ. Причем юркает на переднее сидение.

□

Впрочем, мне все равно. Явно моя эскапада ничуть не тронула охранника. Он зол, потому что пришлось напрячься, чтобы выполнить свою работу. Не более того. Сажусь сзади и встречаюсь с ним глазами в зеркале.

Наглый, самоуверенный и абсолютно запретный для меня.

Чувствую, как душу захлестывает отчаяние.

— Адрес, — спрашивает, чуть повернув голову к Вике.

Раздается урчание мотора, и машина трогается с места.

Когда машина останавливается возле дома Вики, не говоря ни слова выскакиваю следом.

— Не оставляй меня с ним, — прошу дрожащим голосом.

— Эй, ты чего, дурында? Ты же все ради того, чтобы с ним наедине остаться сделала.

— Я передумала... он меня пугает.

— Ну, ты сама такого выбрала, — посмеивается Вика.

— Поехали ко мне ночевать! Скажи, что ключи забыла, — продолжаю паниковать.

— Вилена. В машину, — раздается холодный как лед приказ. Поворачиваю голову — Валиев соизволил выйти из машины. Даже если стрекача дам — поймают. Да и куда мне бежать, ноги ватные...

— Не трусь, ничего он тебе не сделает, — хихикнув, Вика целует меня в щеку. — Пока, подруга. Будь смелой и все получится, завтра приеду к тебе за подробностями.

С этими словами Вика скрывается в подъезде своего дома. Стою, смотрю ей в след. Мне хочется ее убить. Подруга, называется! Бросила на съедение чудовищу!

— Ты долго стоять собираешься? Ждешь, чтобы в машину запихнул?

Хочется ответить что-нибудь резкое, но как назло ничего не приходит в голову. Залезаю в машину, стараясь сделать это с достоинством. Причем автоматически занимаю переднее сидение. Потом, опомнившись, понимаю, что менять дислокацию поздно. Валиев заводит мотор, приборная доска вспыхивает огнями. Тагир выезжает задним ходом со стоянки, выруливая на центральный проспект.

— Мы разве не домой едем? — спрашиваю охрипшим от страха голосом. К Вике я приезжаю в гости довольно часто, поэтому, хорошо помню дорогу. Тагир повернул в противоположную сторону...

В голову начинают лезть всякие мысли. Отец растил меня, все время пугая похищением. Я не могла никуда ходить без охраны, моих друзей тщательно проверяли. Папа рассказывал мне о том, что делают с похищенными... И сейчас, поневоле задумалась — вдруг Валиева перекупили враги? И он воспользовался моей глупостью... Да, воображение у меня более чем развито, что поделать.

— Ответишь или нет? — снова нарушаю молчание.

— Прокатимся.

— Я не хочу!

— А мне казалось, наоборот. Так и жаждешь приключений, — кривит лицо Валиев.

Все тело аж покалывает от ужасного предчувствия, вперемишку с возбуждением. Куда он везет меня? Тагир все равно не казался мне похожим на предателя. Кто угодно, только не он. Я слышала, как другой охранник говорил о нем, что Валиев из старинного чеченского рода, очень благородного, даже влиятельного. Что охранником стал из-за юношеского упрямства, как и боксером. Что у его семьи много недвижимости в Чечне, бизнеса. И все это потом будет принадлежать Тагиру.

Мне до сих пор не верилось, что действительно сижу в его машине... Это было просто невероятно.

Валиев посмотрел на меня, потом снова перевел взгляд на темную дорогу.

— Боишься?

— Нет конечно. Почему я должна бояться своего же охранника?

— Тогда почему дрожишь как перепуганный кролик?

— Слушай, я не собираюсь выслушивать твои насмешки, ясно?

— Придется. Ты ведь теперь у меня в руках. Иначе расскажу о проделке папочке.

— Серьезно? Расскажешь, как проворонил меня? Тебя за это по головке погладят?

Ох, зря я это сказала! Все равно что войти в клетку со зверем и дернуть за усы! Машина резко сворачивает с дороги, мы теперь едем по какому-то лесу. От страха начинаю задыхаться. Не в переносном, а в прямом смысле! Мне будто сжали горло, невозможно вдохнуть, не хватает воздуха. Валиев останавливает машину на опушке, смотрит на меня презрительно, видимо думая, что разыгрываю спектакль. У меня выступают слезы на глазах, отворачиваюсь от него. Не хватало еще по-детски расплакаться при нем... От этой мысли прихожу в ужас.

— Поехали домой, немедленно, слышишь? — требую, но голос звучит испуганно и жалко.

— Ты плачешь что ли? — в низком голосе звучит насмешка.

— Нет, — отвечаю поспешно, моргая, чтобы не расплакаться. — Слушай, я не знаю, зачем ты привез меня сюда. Но правда, хочу попросить у тебя прощения, за то, что сделала. Я понимаю, что поступила ужасно...

Меня снова начинают душить слезы, нажимаю ручку, толкаю дверь и выскакиваю из машины. Направляюсь в сторону, откуда мы приехали, не могу стоять на месте, не могу больше выносить презрение этого человека!

— Куда это ты собралась? — окликает меня Тагир.

Ничего не отвечаю, продолжаю идти. Валиев хватается за руку повыше локтя,

поворачивает к себе лицом. В свете фар, падающем на него сзади, он кажется еще больше и внушительнее. Высокие сосны на поляне обступают нас, словно часовые.

□

— Что ты от меня хочешь?!

Отталкиваю его, но он тут же хватает меня за другую руку.

— Поговорить. Какая же ты еще малявка, — вздыхает Валиев, и тут меня прорывает.

— С какой стати я буду тебя выслушивать? Хочешь отчитать меня, как малолетку, бесишься что нарушила твой спокойный вечер, заставила побегать. На самом же деле, тебе на меня плевать, что бы со мной ни случилось! И ты не понимаешь, что я живу так всю жизнь, среди запретов и контроля? Раз в жизни позволила себе глупость, хоте развеяться, вдохнуть глоток свободы...

Мои ресницы мокрые от слез, сама не понимаю, что несу, выплескиваю на чужого по сути человека свои беды, проблемы, злость на отца, на то что вынуждена жить пленницей в золотой клетке.

— И кстати, не смей называть меня малявкой. Я не ребенок, ясно! Мне достаточно лет... для всего!

Выпаливаю и тут же чувствую, что заливаюсь краской. Идиотка. Не могу смотреть ему в глаза, перевожу их ниже и залипаю взглядом на его губах. Твердых, безупречно очерченных, чувственных... Боже, почему меня так сильно кроет в его присутствии? Просто с ума схожу, бросает то в жар, то в холод. Моргаю, потому что начинает все расплываться, напряжение невыносимо.

— Я знаю, сколько тебе лет, — мне кажется, или голос Валиева становится ниже, и более хриплым? — Слишком мало, чтобы ты так смотрела на меня, малявка.

Как ушат ледяной воды... Досада и обида, копившиеся во мне месяцами, хлынули наружу, как вода из шланга.

— Достаточно, чтобы я сама могла решать, что хочу делать! И я хочу, чтобы ты прекратил все это, отвез меня домой и оставил в покое! И больше не смей так поступать, ясно? Я хотела всего лишь немного погулять...

Сама не понимаю, что несу. Я на самом деле не хочу, чтобы Тагир увез меня отсюда. Это же единственный шанс побыть с ним наедине, когда все его внимание ко мне приковано. В особняке он меня и взглядом то редко достаивает! Мне просто очень страшно. Но в то же время четко осознаю — я умру, я себе не прощу, если он меня сейчас обратно в машину засунет. Меня трясет. Ощущение, что стою на пороге перед запретным... И безумно боюсь, и безумно хочу узнать, что же такое... привлечь внимание такого мужчины.

Внезапно, решившись, встаю на цыпочки и дотрагиваюсь губами до его губ, быстро и отчаянно. Его кожа невероятно приятно пахнет туалетной водой и прохладой леса. Несколько мгновений, несколько биений сердца замираю неподвижно. Меня переполняет миллион новых невероятных ощущений.

Тагир резко отталкивает меня.

— Ты совсем сошла с ума, девочка? Найти бы палку и хорошенько тебя отшлепать... Так поступают в моей семье с непослушными детьми. А вместо этого... Дерьмо... Ты не должна так вести себя. Я привез тебя сюда, чтобы показать, что бывает, когда дурочки вроде тебя решают позабавиться. Те парни могли увезти тебя. Или что похуже сделать. Ты не понимаешь? Что за выходки?

— Я... прости пожалуйста.

Мне до ужаса стыдно за свое поведение. И за то, что меня так грубо оттолкнули, словно прокаженную. Он мог бы быть хоть капельку мягче...

Я словно под действием наркотика. Конечно же, я никогда ничего подобного не пробовала, как и алкоголь, бокал шампанского на Новый год не в счет. И вот сейчас, у меня в животе лопаются те самые пузырьки шампанского. Я опьяневшая, одурманенная. Как же я его люблю...

— Ты уже пробовала поцелуи? — неожиданно спрашивает Тагир. — Или что-то большее?

— Почему ты спрашиваешь? Ревнуешь?

У меня язык прилипает к гортани, произношу это с трудом. Как же хочется, чтобы и правда ревновал меня, чтобы с ума по мне сходил, так же как я по нему...

— Ты понимаешь, что сделает с тобой твой отец, если расскажу ему о твоей выходке? — следует грубый вопрос, больно уколотивший меня. Лицо Валиева мрачное,

раздраженное. — И как часто ты поворачиваешь такие фокусы? Сбегаешь из дома чтобы найти приключение на свою голову?

Смотрю ему в глаза. Мне словно открылся какой-то новый, совсем другой Тагир. Его взгляд полон напряжения, его можно назвать суровым, но есть что-то еще...

Меня колотит от обиды. Первый поцелуй, первая влюбленность, и когда тебя вот так грубо отшвивают, ощущение, что ты распадаешься на тысячу болезненных осколков...

— Ясно! Ты боишься моего отца! Как жаль... что ты такой трус! — внутренне прихожу в ужас от собственной наглости. Мне не свойственно вести себя настолько агрессивно. Я не из тех, кто бежит за противоположным полом. И подобных сегодняшней выходок у меня еще не было... Но в этот момент меня просто переключивает.

— То, что я не воспользовался женским телом и не пощупал то, что само предлагает себя, ни о чем не говорит, Вилена. Скорее, я лишь более разборчив, чем ты.

— Ненавижу тебя!

— Жаль, это чувство разрушительно.

Меня колотит от гнева и обиды, поэтому в следующую секунду делаю нечто совершенно безумное... Подбегаю и изо всех сил бью его по лицу, тут же приходя в ужас от этого поступка. Мы в темном лесу, я беззащитная перед ним, он может закопать меня на ближайшей поляне... Именно это обещает мне его пронзительный, гипнотизирующий взгляд.

Валиев молчит. Продолжает смотреть на меня. В этот момент понимаю, что несмотря на все его жестокие слова, все равно умираю как люблю его...

Он что-то говорит глухо, на незнакомом мне языке. Этот момент настолько захватывающий, острый, что меня пронзает боль. В голове неприличные картинки: Тагир, тоже обнаженный, обнимает меня. О, как же я хочу увидеть его голым, дотронуться, чтобы он лежал на мне, хочу обнять его горячее тело. В какой-то момент зажимаю глаза. А когда открываю глаза, в них бьет луч света.

Меня ослепляет свет фар быстро приближающегося автомобиля. Нет, не одного, нескольких... Откуда в этой глуши столько машин разом? Ужасное предчувствие, но сделать уже ничего нельзя. Я даже не успеваю поднять лежащее на земле платье. Обхватываю себя руками, и машинально прячусь за Тагира...

Он сам поднимает платье с земли и кидает мне. Чувствую, как сильно он напряжен. Кое-как натягиваю платье через голову, но руки плохо слушаются.

Из черного внедорожника выскакивает отец.

— Отойди от нее! — точно удар хлыста раздается его голос. Как раз в этот момент мне удается одеться, но унять охватившую панику не получается. Нервно всхлипнув, делаю шаг навстречу отцу.

— Я все объясню, не кричи, пожалуйста... Понимаешь...

Пощечина обжигает щеку, и я падаю на землю. Из глаз брызжут слезы. Чьи-то руки поднимают меня, ставят на ноги...

— Убери от нее свои грязные лапы, мразь!

Нас окружает около десятка мужчин, все хорошо тренированные, работающие на отца. Тагир быстро оглядывает их, видимо, оценивая обстановку.

— Он тут ни при чем отец, слышишь? Я устроила ему ловушку, ясно? Мне хотелось поиграть!

Я даже пытаюсь загородить собой Валиева, что, наверное, смотрится со стороны полным идиотизмом. Свет фар нескольких внедорожников освещает все происходящее как некий спектакль...

— Ты хочешь сказать последнее слово? — рычит отец, глядя на Валиева, и меня накрывает настоящим животным ужасом от слова «последнее».

— Нет! Нет, не смейте, слышите? Отец! Я все объясню!

Уберите ее в машину, — следует холодный приказ.

— Он меня не хотел! Не хотел!

Цепляюсь взглядом за Тагира, и понимаю, что он меня не видит, не слышит. Он выглядит равнодушным и отстраненным. Спокойным. Не понимаю, как можно оставаться таким в этой ситуации? Когда у меня, кажется, вот-вот разум тронется от страха.

— Не молчи! Скажи же ему, объясни, что не было ничего! Скажи ему, что мы ничего не сделали! — грудь сдавливает от сдерживаемых рыданий, понимаю, что у меня сейчас случится истерика, уже не могу сдерживаться. Когда двое мужчин тащат меня к машине, я ору, срывая голос. Один из охранников накидывает на меня свое длинное кожаное пальто, но я сбрасываю его с отвращением.

Так страшно мне ещё никогда не было. Слышу глухие звуки ударов, треск костей, эти звуки отдаются в ушах троекратно. Визжу от ужаса, снова рвусь из рук охраны.

— Папа, пожалуйста не надо! Не делай этого!

Но ничего в ответ. Перед глазами все расплывается, все размыто. Кажется, Тагира держат двое, а отец методично избивает его... И я понимаю, что не голыми руками. Железные кастеты — любимые игрушки Глеба Шахова. Однажды он ударил такой штукой брата, всего раз, но сразу сломал ему ребро...

Избиение продолжается невыносимо долго, кажется, что время замерло. Он же убивает Тагира... и я ничего не могу сделать. В этот момент говорю себе, что и я жить не стану... просто не смогу.

— Петухом его сука, пидором сделаю, увезите тварь, чтоб глаза мои его не видели, — орет отец.

Я в полуобморочном состоянии. Меня кидают на заднее сидение, машину запирают. Прилипаю к окну, сквозь стук собственного сердца слышу жуткие ругательства отца, от которых липкий холодный пот прокатывается по позвоночнику.

Когда отец садится в машину, его руки в крови по локоть, и это не фигура речи, а настоящая реальность, которая приводит меня в животный ужас.

— Ты убил его? — спрашиваю сдавленным шепотом. Голос пропал, я сорвала его. Горло саднит нестерпимо.

— Да, я убил его. И убил бы ещё раз, с огромным удовольствием, — произносит отец. — Поехали.

— Он же ни в чем не виноват! Он просто нашел меня. Я сбежала... хотела погулять одна...

— Достаточно того, что он упустил тебя, позволил убежать из дома, когда его оставили за главного. Достаточно того, что он смотрел на тебя. Стоял и смотрел, сука, на мою голую дочь. Малолетку, сука... За такое в тюрьме знаешь, что делают? За растление? У него еще все впереди, если очухается.

— Он ничего не делал, пойми! Это всё я! Я, сама! — не знаю откуда прорезается голос, и я кричу, наклоняясь к отцу, чувствуя, что меня вот-вот вырвет от запаха крови,

заполнившего салон.

Отец, обернувшись, отвечает мне пощечину.

— Заткнись, слышишь? Ты можешь говорить все что угодно. Может быть и правда, сама, ну тогда его кишки на твоей совести всегда будут. Никогда не думал, что моя дочь будет вести себя как шлюха. Разве такой я тебя растил? Разве этому учил?

— Чему может научить убийца? — вырывается у меня, и ещё одна пощечина почти лишает сознания, меня отбрасывает назад, отползаю в сторону противоположной двери, дёргаю ручку, и понимаю, что не заблокировано. Скорость автомобиля маленькая, я вываливаюсь на обочину, мы еще не выехали на дорогу, и трава приглушает падение. Впрочем, я все равно ничего не чувствую. Вскрываю на ноги и бегу обратно, к тому месту, где все еще стоит машина Тагира. Спотыкаюсь, ползу на четвереньках, но доползти до него мне не удастся. Меня хватают за шкурку и снова тащат в машину, кидают на заднее сидение. Это уже другой джип, отца в нем нет. Двери тут же блокируются, и машина срывается с места.

□

Последующий за этими событиями месяц, я была заперта в монастыре. Мой свихнувшийся отец решил, что это достойное место для падшей дочери и отправил меня на край света, в глухой поселок на окраине Архангельской области, в маленький монастырь, где скудное питание и одежда из какой-то ужасно грубой ткани должны были искупить мои грехи. Но я чувствовала, что мои грехи никогда невозможно будет искупить...

Я убила человека. Погубила того, в кого влюбилась. Я проклята, иначе и быть не может. Каждый день себе это повторяла. Я не хотела прощения, и сама не хотела прощать себя. Я хотела умереть вместе с Тагиром, но трусость и слабоволие не давали мысли развиваться. Самоубийство казалось чем-то совершенно жутким, я боялась боли, страданий. В результате — просто ушла в себя, жила, не замечая окружающей среды, не осознавая где нахожусь, что ем, сплю или бодрствую. Сплошной туман и безразличие. Полная пустота внутри и снаружи. Наверное, это было своего рода сумасшествие, разум так защищался от стресса.

А потом, как всегда это бывало, отец немного остыл и велел вернуть меня домой. Одна радость — за мной в монастырь приехал мой брат Павел. За это я была безумно благодарна, потому что брат был единственным человеком, по настоящему близким мне, родным, тот которому я безоговорочно доверяла. Павел был старше меня на пять лет. Несколько лет назад он съехал из родительского дома, точнее, отец выгнал его. У них всегда были сложные отношения, но больше всего опасность состояла в том, что Павел был нетрадиционной сексуальной ориентации. Он понял это достаточно рано, как и то, что отец никогда не примет *такого* сына. Для него это было чудовищным позором и конечно же, отец всячески прессовал Павла, бил, издевался, пытаясь изменить, заставить жить по его понятиям, наставить на путь истинный. Когда Павел впервые влюбился, то вскоре парень, с которым у них вспыхнули взаимные чувства, погиб при невыясненных обстоятельствах. Невозможно было не подозревать что за этим стоит наш отец. Хотя думать так было чудовищно... Именно после этого Павел снял квартиру в городе. В будущем он планировал и вовсе перебраться куда-нибудь подальше, в столицу, а может быть и в другую страну. Он сам поступил в университет, на бюджетное отделение, прекрасно учился, был очень хорошим специалистом по компьютерному программированию. Поэтому хорошо зарабатывал на жизнь и не нуждался в помощи отца. Брат говорил, что единственное, что держит его в этом городе — это я. Он очень хорошо ко мне относился, жалел и мечтал вырвать из лап отца.

Раньше я всего этого не понимала. Да, была жестокость, но такой как в ночь с Валиевым я не видела, не знала, что отец настоящее чудовище, которому не место среди людей...

Увидев в монастыре Павла, я страшно обрадовалась, расплакалась как ребенок, а он заключил меня в крепкие объятия.

— Ты приехал по своей инициативе, или тебя прислал отец?

— По собственной, — улыбается мне Павел. — Даже с моими хакерскими это талантами я бы не смог отыскать тебя, — добавляет со вздохом.

— Значит, он сказал, где меня найти? Велел привезти домой?

— Да, сказал, что готов простить тебя, что надеется, ты раскаялась в том, что сделала.

— Но сам он несколько не раскаялся в том, что убил невинного человека, — добавляю с горечью.

Рассказываю брату о произошедшем, ничего не утаивая, даже своих чувств, влюбленности и похоти. Мне легко откровенничать с Павлом, так было всегда... После исповеди чувствую себя изможденной, опустошенной. Здесь за месяц ни один священник не смог склонить меня к исповеди. Я отказывалась, потому что не верила в бога. И просто из-за того, что мой отец являлся спонсором этого места. Разве оно могло быть после такого божьим?

— Не думай об этом, Вилена. Ты ни в чем не виновата. Прежде всего, не виновата в том, что твой отец — чудовище, — с грустью говорит брат.

— Давай не будем говорить об этом. Лучше о другом. Я хочу сбежать от него! Помнишь, как мы мечтали?

— Да. Только мы ждали, сама знаешь, твоего совершеннолетия. Так ему сложнее будет давить на нас. Он все равно будет пытаться тебя вернуть.

— Но тебя же он отпустил!

— Потому что не верил, что справлюсь. Я не уверен, что отпустил полностью...

— Плевать! Мы должны... Должны сбежать! Я хочу уехать далеко-далеко, пожалуйста! Давай сделаем это, как мы мечтали, прошу тебя.

— Это будет непросто, Вилена, — вздыхает Павел. — Надо бежать подальше, в этом городе тебе не спрятаться. Значит, мне надо найти другую работу... У меня нет никаких сбережений, потому что я снимал квартиру, достаточно дорогую... Что тут скажешь, я не особо отличаюсь умом. Для победы нужна подушка безопасности, ведь нужно будет скрываться, он будет нас искать... Но ты права, больше так продолжаться не может.

* * *

Отец встретил меня дома прохладно, но ни слова не сказал о том, что было. Сразу дал понять, что это табу. Равнодушный кивок, ужин в полном молчании, и он снова уехал по своим делам. Моя комната душила меня. Накопилось страшно много хвостов по учебе, и я окунулась в нее.

Я ждала с нетерпением дня, когда пойду в школу, прежде всего потому что не могла дозвониться до подруги. Вика сменила телефон? Только этим я могла объяснить вечное «абонент недоступен». Она, наверное, боялась мне звонить с нового номера...

В школе я узнала, что все это время не появлялась не только я, но и Вика. И запаниковала сильнее. В конце концов, через знакомых я узнала, что семья Вики переехала! Так резко и неожиданно? Я все сильнее переживала, меня мучило нехорошее предчувствие. С огромным трудом, в конце концов мне помог Павел, я смогла узнать новый телефон подруги. Но взяла трубку только когда я позвонила с чужого номера.

— Что происходит? — начала я без предисловий. — Ты избегаешь меня? Я чем-то тебя обидела?

— А ты сама как думаешь, Вилена? — сразу узнает меня подружка. — Я случайно узнала, что произошло... Пришла в ужас. А потом...

— Что потом.

— Сама как думаешь?

— Не говори загадками! Это мой отец заставил вас переехать? Не понимаю... при чем

тут ты?

— Нет, Вилена... Не твой отец... Помнишь, ты рассказывала, что у Тагира очень влиятельная семья? Так вот, это правда... Когда они к нам приехали, я думала все, капец. Они провели расследование, как-то узнали, что он меня подвозил... Хотя, понятно как.

— Я не понимаю... Что они хотели?

— Господи, сама как думаешь? Мести! Их брата чуть не убили...

— Чуть? Тагир жив?!

Меня перетряхивает, колотит, я разговаривала стоя, ходя из угла в угол комнаты, но теперь ноги подкашиваются, падаю на колени.

— Он правда жив?

— Думаю да... Как иначе они бы про меня узнали... Да и думаю, если бы он погиб, эти люди камня на камне бы не оставили в городе... Кажется, я слышала что он стал инвалидом, в кресле теперь... Может конечно вранье, мне парень один знакомый рассказал, вроде видел он его...

— Но ты же ему ничего не сделала...

— Да. Но поверь, увидев его родственников, моим родителям на край света сбежать захотелось. Тут еще конечно момент, что отцу работу в Москве предложили. Он конечно подумывал сам, квартиру снимать. А после этого сказал нет, не оставлю я вас. Продали мы квартиру, купили комнату в коммуналке, рядом с МКАДом. Пока нормально. Ютимся. Работа хорошая. И все равно мне страшно, Вилена. Мы с тобой, две дуры малолетние, между двух огней оказались... Хочешь совет? Беги подальше от своего большого папаши... Они хоть мне не рассказывали ничего. Не называли имен, кроме твоего. Но сразу стало ясно — они все знают... Мне очень страшно, правда. Я же тут совершенно не причём, господи, влезла потому что у подружки одно место зачесалось...

На этой фразе нажимаю отбой. Нет смысла выслушивать причитания Вики по десятому кругу. Главное — Тагир жив. Меня охватило невероятное облегчение... Может моя душа не будет проклята. Может я даже смогу жить нормально... когда-нибудь. Нет, конечно же я больше не надеялась, что мы сможем быть парой, что он сможет посмотреть на меня как на женщину — это было бы за уж совсем за гранью идиотизма. Какая пара, когда я фактически подписала человеку смертный приговор. Но все равно, то что этот человек будет продолжать существовать на этой планете, что он не лежит в земле бездыханный, наполняло меня каким-то невероятным счастьем. Я сказала себе, что это знак, что я должна использовать его, и противостоять своей судьбе. Да, дети не выбирают своих родителей, но я уже не ребёнок. Я не обижалась на Вику, позже написала ей сообщение, что понимаю и что прошу у неё за все прощения. Вика перезвонила, и мы даже поплакали, договорились держать связь. Я не стала посвящать её в свой план побега. Эта история сделала меня нелюдистой и замкнутой, внутри погас какой-то свет. Наверное, детство закончилось, умерло во мне навсегда, в тот момент, когда я услышала хруст костей Тагира.

Я не жалела о детстве. Приказала себе смотреть вперёд. Вскоре мы с братом воплотили мечты о побеге в реальность...

Я так погрузилась в воспоминания что совсем забыла о Варваре, которая все ещё находилась в комнате, и кажется, продолжала что-то говорить мне.

— Прости пожалуйста, я задумалась, и прослушала что ты говорила, — извиняюсь перед женщиной. — Так кто звонил? Это странно, потому что в этом городе мало кто знает о том, что я приехала.

— Да, ты прям словно в транс впала, деточка, полчаса, наверное, болтаю, вопросы тебе задаю, а ты стоишь точно статуя, я уж испугалась! — ворчит женщина, качая головой укоризненно. — Я записала его... Вот, держи. Виталий Николаевич Антонов, — читает она, разрушая мой замок из песка.

Не знаю, каких эмоций у меня больше в данную минуту? Облегчения? Грусти? Ну и дура же ты, Шахова! Правда думала, что тебе Тагир позвонит? Нет, серьезно, надо быть полной идиоткой чтобы хоть на миг подумать о таком! А я-то... Сразу погрузилась в воспоминания. Которые, надо сказать, меня отрезвили. Все эти годы я запрещала себе вспоминать и думать о том, как теперь живет Валиев. Я вытравивала детскую влюбленность из своей души, с чувством вины было сложнее, оно сжирало меня долго. Я даже одно время к психологу ходила. К сожалению, сеансов посетила немного. Вскоре брат тяжело заболел, потерял работу... Я ухаживала за ним, а он таял на глазах. Наша положение становилось катастрофическим. Пришлось снять вместо квартиры комнату в коммуналке. Соседи в которой были страшными пьяницами... а еще у них только родился ребенок. Я помогала с девочкой, они подкидывали нам за это еду. Павел уже не мог вставать с кровати, слабел на глазах. Болезнь очень быстро сжирала его. Причем диагноза так и не было. Врачи разводили руками. Говорили, что похоже на отравление радиацией... Но где Павел мог подхватить такое? Мне было неважно. Главное, ему требовались деньги на обследования. Я не выдержала и позвонила отцу, рассказала о болезни брата, попросила помощи... Но он в ответ заявил, что у него больше нет детей.

Павлу я об этом не рассказала... Зачем? Он запрещал мне обращаться к отцу. Да и сама я на горло себе наступила. Наблюдать как уходит близкий тебе человек — безумно тяжело. Я едва не сошла с ума. Вытащила меня маленькая новорожденная девочка. Пока ее родители устраивали пьянки, я отдавала всю себя этой чудесной малышке. Наверное, для меня это была своего рода защита. Павла не стало, похоронить его мне было не на что. Все было просто ужасно, но улыбка Насти и мысль, что я нужна малышке, держала меня на плаву. Первым ее словом было «мама», и обращено оно было ко мне. Мама... Я не знала до сих пор мужских прикосновений, и при этом стала матерью, чувствовала себя ею... Любовь к Насте была огромной, всепоглощающей. Я не мыслила существования без этого ребенка. Но она была не моей... я не имела на нее никаких прав. И денег у меня не было, что я могла дать Насте? Я зависела от двух грубых и неприятных людей, семейной пары, для которых главным в жизни были пьянки. Деньги, хоть и не большие, они имели. Сдавали еще какую-то квартиру, на это и жили. Меня же постоянно попрекали тем, что не плачу, чуть что грозились выгнать. Но не выгоняли — ведь я стала для них бесплатной прислугой. Готовила, убирала, стирала и сидела с малышкой. Иногда я приходила в отчаяние, жизнь казалась мне беспросветной. И не вырваться из порочного круга, ведь что я могу?

□

Я так и не вернулась в школу, правда дистанционно занималась, Павел настоял, так что я в конце концов сдала все нужные экзамены, получила аттестат. Но найти работу, при этом сидеть с ребенком, и выполнять кучу работы по дому было нереальным.

Коммуналка, соседи пьяницы, все это душило меня, убивало... Хотелось сбежать, но как же ребенок? Родители не обращали на Настю никакого внимания. И тогда я предложила им сделку. Сказала, что куплю девочку. Их это заинтересовало, хотя конечно смеялись надо мной — откуда у тебя деньги, нищобродка? Ты на наши подачки живешь...

Тогда я рассказала им о своем отце, о том, что смогу найти деньги. Только так они

позволили мне уехать... Я думала о том, чтобы просто сбежать, ничего не платить им. Но это означало жить в постоянном страхе, что в любой момент эти люди могут отнять Настю... Обратятся в полицию, меня еще и посадят за похищение.

Лучше всего заплатить им. Я до сих пор надеюсь это сделать. Как угодно. Добиваться кредитов... Искать любой способ. Не думала, что все это совпадет со смертью отца... С одной стороны — облегчение. С другой — отчаяние, ведь была надежда вымолить у него прощение, а вместе с тем и деньги, или помощь. Но мой отец умер нищим, растерял все свои связи и финансы.

Виталий, как оказалось, хотел поужинать со мной. Внутри вспыхивает надежда, когда он отвечает на мое смс, приглашая в лучший ресторан города. Неужели появилась надежда оформить кредит? Это решит огромное количество моих проблем. Поэтому, соглашаюсь. перезвонить ему нет сил, не могу я сейчас ни с кем разговаривать, чувствую полное опустошение, отчаяние. К счастью, все решаем по смс. Завтра. Ресторан. Надежда...

* * *

Почему-то мне не нравится это приглашение, охватывает нехорошее предчувствие. Но разве у меня есть выбор? Надежда умирает последней. А она так нужна мне... Надежда...

— Варвара Сергеевна, спасибо огромное что согласились присмотреть за Настенкой, я возможно приду поздно, — обнимаю добрую женщину, которая так щедро приютила нас в своем стареньком доме на окраине города. Что бы я без нее делала? Сама на пенсию еле выживает, на огороде не разгибается чтобы концы с концами свести... Как мне повезло, что случайно по приезду на нее наткнулась. Просто чудо. Стыдно, что она сейчас кормит нас... Содержит фактически.

— Конечно деточка. Иди, развейся немного. А то как приехала, рыдаешь без остановки. Мне так жаль тебя... Мало того, что отец умер, так еще и жить негде. Такой богатый был мужчина, хотя характер у него не сахар, все равно добрым словом вспоминаю. Хорошо платил... И не зови ты меня так официально, баб Варей зови, вот Настю то научила уже, да, милая? — женщина ласково гладит по голове подбежавшего ребенка. Иди, не переживай, не заскучаем. Всегда внуков хотела, но Бог не дал, погиб сынок мой, никого после себя не оставил...

— Спасибо огромное... Баб Варь, — улыбаюсь.

Перед старушкой стараюсь держать хвост пистолетом, но в душе царит полный раздрай и паника. И отчаянная надежда. Что сегодняшний вечер что-то изменит, поможет как-то...

□

Глава 6

Я даже свои нехитрые пожитки еще не разобрала. Ставлю на стул дорожную сумку и расстегиваю «молнию». Вещи по большей части Настины, у меня совсем немного платьев. Остались те, которые я брала с собой из дома отца. Я не выросла, не поправилась, скорее наоборот, похудела. Самые дорогие платья я сдала в комиссионку. Что-то приобрели, пока Павел работал и все было хорошо... Короче, не большой выбор для пафосного ресторана. Один вариант — черное строгое платье, прямое, до колен, без рукавов. Похожее, только гораздо более дорогое, было на мне в тот вечер, когда я и Тагир... Так, стоп, хватит! Да, я вернулась в родной город, но нельзя позволить воспоминаниям сожрать себя! Валиев на меня отреагировал более чем хладнокровно... Можно успокоиться — я не интересна ему. Пара гадостей, что сказал — не в счет. Все же у него есть причины меня презирать, и я это принимаю. Думаю, если бы захотел отомстить, он бы меня где угодно нашел... и не стал бы ждать так долго.

У меня раскалывается голова, перенервничала за эти дни. Ужасно не хочется идти на встречу, но я себя заставляю.

* * *

— Ты сегодня очень красивая, Вилена, — говорит Виталик, оглядывая меня с головы жадным взглядом.

На чёрное платье, сверху я накинула короткий пиджак, типа болеро. Мой наряд даже вечерним толком не назовёшь. Я не старалась выглядеть привлекательно. Наоборот, хотелось, чтобы у нас с Виталием все прошло сугубо в рамках деловой встречи. Я понимала, что таких денег как мне нужно, скорее всего у него нет, но я обязана все равно рассмотреть все варианты. На днях придется связаться с родителями Насти, в основном там все решает отец. Мать мало что в реальной жизни волнует, как бы ни было это странно. Я должна сказать им, что нашла деньги... должна успокоить этих алчных людей, чтобы не натравили полицию...

— Большое спасибо за комплимент, — стараюсь убрать из голоса надменность, которая почему-то в присутствии Антонова прорывается сама собой. Когда-то это был мой главный грех, потом я вспоминала и очень стеснялась некоторых моментов. Не оправдывала себя, что ребенком была... Но это еще потому что взгляд Виталика настолько сальный, неприятный, что невольно вспоминаешь прошлые замашки, когда умела осадить лишь взглядом.

— Вилена... Черт, поверить не могу что ужинаю с тобой, — произносит очередную пошлость мой спутник.

Мне кусок в горло не лезет, зато кавалер уплетает за двоих.

— Извини, я смогла вырваться ненадолго. У меня дочка болеет. Так что не могу особо расслаиваться. Все очень вкусно...

Разговор не клеится. Когда уже перейдет к делу? Нервозность зашкаливает.

— Да, конечно. Дочка, значит, у тебя? Муж, значит тоже есть? — спрашивает Антонов.

— Извини, давай не будем про это. Мне не хочется обсуждать свою личную жизнь.

— Да конечно, как скажешь, — недовольным голосом отвечает Антонов. И добавляет

еще более едко:

— Ты всегда была такой.

— Какой такой? — спрашиваю с недоумением.

— Отстраненной, надменной, словно выше всех нас. Оно и понятно, в золоте купалась, круче твоего отца никого в городе не было.

— Это было давно. Зачем вспоминать прошлое? Отца больше нет, перед смертью он все потерял... Как видишь, я сейчас в крайне тяжелых обстоятельствах. Иначе не пыталась бы получить кредит. Это вопрос жизни и смерти...

— Это фигура речи, Вилена. Мне интересно, что на самом деле стоит за твоими словами? Поделишься? — Виталий впивается в меня взглядом.

— Зачем тебе это? Почему тебе так интересны чужие проблемы, не понимаю...

— Вот, опять. Отстраненная и холодная, считающая себя выше других.

— Нет, ты ошибаешься, все не так!

— Расскажи, почему ты ушла из школы. Ходили слухи, что ты сбежала от своего отца. Это правда? Потому что беременная была? — заваливает меня вопросами Виталик. — Зачем тебе такие деньги?

— Если я открою перед тобой всю душу, ты мне поможешь? — не удержавшись, спрашиваю с горечью, и тут же жалею об этом.

— Можно и так сказать. Буду честен, у меня нет такой суммы... Но я могу оформить кредит на себя.

— Ты сумасшедший? — вырывается у меня. — Зачем тебе это? Прости, но мне кажется настолько бескорыстных и щедрых людей не существует...

— А если я скажу тебе, что бредил тобой в тот последний год школы, пока ты не сбежала? Ты была невероятно красива, Вилена. По тебе сох каждый парень в классе. От тебя невозможно было взгляд отвести...

Мне ужасно не нравится происходящее, чувствую себя ужасно, охватывает паника. Не знаю как вести себя, очень хочется дать Виталику по роже, но опять же, это выставит меня стервой, а я этого не хочу.

— Знаешь, пожалуй, мне лучше уйти, — встаю из-за стола, понимая, что уже не стоит ждать от этой встречи ничего хорошего. Ещё не хватало дурацких объяснений в чувствах от бывшего одноклассника, не слишком трезвого, у него в руках на этот момент уже четвертый бокал вина... Кстати, Антонов всегда был хитрым, умел извлечь максимальную пользу из любой ситуации. И меня сейчас корбило до отвращения, то что он явно пытался намекнуть мне на близость... за деньги. Это вызывало глубочайшее отвращение, злость и ярость. Сдерживаться и быть вежливой было крайне тяжело.

— Я вызову такси, не провожай, — бормочу, вставая резко из-за столика и тороплюсь к выходу.

Он догоняет меня на ступеньках ресторана, дёргает на себя.

— Значит, бедна как церковная мышь, и при этом сохраняешь прежнюю надменность? — дыхание с запахом алкоголя вызывает отвращение, вырываюсь, но Антонов сильнее. — Я приглашал тебя не для того чтобы накормить, и ты это прекрасно знаешь. Не хочешь сделку? Не хочешь помощь? Отлично, отработаешь тогда только ужин.

Его губы нападают, практически кусают. Этот поцелуй отвратителен, хотя что я знаю о поцелуях? В моей был только один, это было слишком давно и слишком дорого обошлось нам обоим.

Отталкиваю, луплю по плечам Антонова, кричу что-то, по лицу текут слезы. В конце концов приходится отвесить бывшему однокласснику пощечину, от которой вспыхивает дикая боль в руке.

— Ах ты сука! — рычит Виталий, и я готовлюсь к ответной оплеухе, его лицо перекошено от злости...

— Антонов? Ты что, совсем ополоумел? — раздаётся рядом хорошо знакомый мне голос, полный изумления. — Ну-ка быстро отошел от неё, а то сейчас как достану перцовый баллончик, всю морду тебе залью!

Оборачиваюсь и вижу Вику, свою старую подружку! Чуть не плачу от радости, что омерзительная сцена позади, что я больше не одна с этим гадом Виталиком, которого мужчиной язык назвать не повернется. Меня колотит от отвращения.

— Ты чего вмешиваешься? — рычит в ответ Антонов.

Но видя, как Вика запускает руку в сумку и действительно достает баллончик, наставляя на него, отступает, костеря нас на все лады, обзывая суками. Наконец, он уходит.

— Ну, привет подруга! Сто лет сто зим! — восклицает девушка из прошлого. — Не думала, что наша встреча будет такой яркой, — смеется, обнимая меня.

— Привет.

И замолкаю, не зная, что сказать еще. В голове крутится одна мысль — я вообще не думала, что когда-нибудь встретимся. Вика переехала, я тоже...

— Когда вернулась? Почему не позвонила? Вечно ты все по-тихому. Слиняла, ни весточки от тебя, вернулась — и тоже ни словечка. Знаешь что, пошли в ресторан. Не в этот. Ясное дело, здесь уже кармой козла Антонова все испорчено. В другой поедем.

— Мне что-то не хочется уже по ресторанам ходить, наелась я, извини Вик...

— Нет, дорогуша. Отказов не принимаю! Обещаю, что я за еду не буду требовать интимных услуг, или вообще каких бы то ни было, — посмеиваясь, уговаривает меня подружка. — Слушай, я страшно рада тебя видеть! Обещаю, что не буду наседавать с вопросами. Не захочешь, молчи, о себе расскажу с удовольствием. Есть не хочешь — десерт закажем. Ну пойдём, Вилен, пожалуйста! Столько лет дружили! У меня душа болеть будет, если расстанемся вот так.

Что сказать, Вика меня, конечно же, уговорила. Ее напору невозможно сопротивляться. Садимся в её Ауди и едем в ресторанчик на окраине, который мне нравится намного больше первого. Маленький, уютный, тёплая атмосфера. Причём с Викторией все здороваются как будто отлично её знают. Она заказывает блюда с таким с такой уверенностью, словно ест здесь каждый день. О чем не могу ей не сказать. Вика в ответ смеется:

— Это же мой ресторан, Шахова. Хотела подольше тебя в неведении держать, но спалилась сразу.

— Правда? Как здорово! Классное место!

— Да, можно сказать, мечта с детства. Помнишь, как я экспериментировала у мамы на кухне? Иногда вместе дурака валяли с тобой.

— Да, помню, как мы как-то спалили с тобой плиту. И досталось обеим. Я потом тебе кубышку заправки своей отдала, чтобы твоя мама тебя не убила.

Смеемся вместе воспоминаниям. Как приятно хотя бы на пару минут вернуться в беззаботное время. На глазах выступают слезы, то ли смеха, то ли грусти. Все вместе...

— Да, ты всегда была очень щедрой и доброй, Виленка. Мы тогда классную новую плиту

купили на твои деньги... — виснет пауза, каждая из нас погружена в воспоминания... — Я переживала за тебя, когда ты исчезла, — со вздохом признается Вика. — Ни звонка, ни смс. Уехала, от отца сбежала... Я все ждала, может напишешь, позвонишь, расскажешь, как устроилась. Понимаю, что сама я тоже сбежала, и вообще не повезло нам с тобой, все детство кувырком пошло... из-за одного лишь случая. Мне Москва вскоре поперёк горла встала. Я обратно вернулась с родителями, всем нам не понравился большой город. А потом познакомилось с будущим мужем, и вовсе завертелось всё...

— Ты замужем?

— Да, — отвечает Вика.

— А дети?

— Нет пока. Хотим для себя немножко пожить, на ноги встать. Сейчас мой ребёнок — этот ресторан. Отнимает все силы и время. Расскажешь о себе немного? Куда вы с Павлом подались? Твой отец, как я знаю, разыскивал вас поначалу. Наши общие знакомые рассказывали, он звонил им.

— Не поверишь тоже в столицу, — улыбаюсь с грустью.

— И как?

— Можно сказать, что тоже не понравилось...

— Поэтому вернулась? Слушай, Вилен, ну что мы с тобой одними пустыми фразами общаемся? Я же не скажу никому, спрашиваю искренне, волнуюсь за тебя. Хочу узнать, как ты... и не могу почувствовать тебя. Ты закрыта почему-то... очень глубоко. Я же чувствую, что-то случилось. Ты на себя не похожа.

Во время разговора Вика угощает меня безумно вкусным вином, да и ужин очень изысканный. Во время трапезы с Антоновым я почти не ела, слишком сильно нервничала. А сейчас получаю впервые за долгое время настоящее удовольствие от еды. Блюда восхитительные. Ну еще бы, ведь их подают самой владелице ресторана. На третьем бокале я уже не так замкнута и закрыта. Неожиданно для самой себя рассказываю подруге свою историю, ощущая потребность выговориться. Ресторан уже совсем пуст, уходит последний персонал, Вика говорит им, что сама все закроем. Продолжаем наш вечер, вспоминая прошлое и оплакивая настоящее.

— Не понимаю, за что тебе так досталось, — всхлипывает Вика. — Так еще ведь... Мало тебе своих проблем, ещё и чужого ребёнка на себя навесила...

— Нет, это не так, Вик. Эта девочка спасла мне жизнь, в тот момент, когда я не видела вообще никакого смысла существовать дальше. Сейчас я живу только ради неё, понимаешь? Поэтому, не говори, что я на себя навесила её. Она смысл моего существования.

— Это конечно очень смелый и отчаянный поступок, украсть чужого ребёнка.

— Я не крада ее. Ребёнок этим людям не нужен, но им нужны деньги. Если я не выкуплю её, боюсь они продадут кому-то другому... Они уже заговаривали об этом. Стоит только подумать об этом, я прихожу в ужас. Не переживу, если такое случится. Если понадобится, значит сбегу и буду скрываться. Не в родной город, а в другую страну. Единственное, что меня останавливает от этого — понимание, что Настя тогда вырастет в бегах. Что буду вздрагивать от каждого шороха и шарахаться от каждого полицейского. Разве это жизнь для девочки?

— Ты рассчитывала взять деньги у отца? Поэтому сюда приехала?

□

— Можно и так сказать, только что толку, если в самый неподходящий момент он

умер... Еще и банкротом. Мое вечное везение, — усмехаюсь горько. — На наследство рассчитывать не приходится... всё списывается за долги.

— Да, это так, — кивает Вика. — Завтра будет аукцион в доме твоего отца, там все будет продаваться. Сам дом и все имущество.

— Откуда ты это знаешь?! — восклицаю изумленно.

— Мой муж дружит с одним антикваром. Он и сказал между делом, вот сегодня днем виделись. Завтра собирается туда. Я, кстати, как зашел разговор об этом, сразу о тебе подумала... и вот надо же, вечером такая встреча. Разве не судьба?

— Да, судьба... наверное. Аукцион доме моего отца, — повторяю задумчиво.

— У тебя такой взгляд, Шахова... Только не говори, что хочешь попасть туда! Не советую. Там собираются криминальные сливки... Будут сражаться за ваш столовый сервиз, — добавляет Вика с хихиканьем, и я в ответ тоже не могу не улыбнуться.

Виснет долгая пауза, в голове вертится куча самых разных противоречивых мыслей, Вика начинает нервно ерзать на стуле. Достает сигарету, затягивается.

— Что такое? Что с тобой, Вилена?

— Ты куришь? — спрашиваю с удивлением.

— Нет. Балуюсь. Не переводи разговор! Скажи же уже! В чем дело-то?

— Не знаю... вдруг кольнуло... Помнишь, я тебе рассказывала, что у отца был тайник?

— Черт, я подумала сейчас о том же! — восклицает Вика. — Мы еще так ржали над этим.

— Это ты меня высмеивала. Я говорила серьезно.

— Хочешь сказать, что после всего что с ним произошло, я имею в виду разорение... он мог оставить там деньги?

— Понятия не имею. Но если подумать, папа не собирался умирать. Думаю, раз стал банкротом то эти деньги могли храниться как раз-таки на черный день, для того чтобы начать все заново где-нибудь на далеком тропическом острове, к примеру. Я не сомневаюсь в одном — тайник вполне реален, и я знаю где он находится. Наверное... не знает больше никто.

Вика смотрит недоверчиво. Она и тогда, в тот далекий год, когда мы еще были беззаботными девчонками, мне не поверила. Я действительно случайно узнала о папиной тайне. Однажды, глубокой ночью мне приснился кошмар. Даже температура поднялась, в горле пересохло, а в графине что всегда стоял на туалетном столике почему-то закончилась вода. Обычно его всегда наполняла прислуга. Я никогда не выходила из комнаты ночью. У меня была большая комната с примыкающей ванной, совмещенной с туалетом. Было не по себе красться по дому. Тем более отец этого не разрешал — ночью дом периодически осматривали охранники. Естественно ни ему не хотелось, чтобы на его дочь кто-то ночью наткнулся, в ночной рубашке. Неожиданно послышались шорохи, мне стало совсем не по себе, очень страшно... А потом я увидела отца, направляющегося почему-то в одну из гостевых комнат, в которой никогда никто не останавливался... Проследила, хоть и боялась страшно. Заметил бы если, убил бы, наверное... Увидела как отодвигает невзрачную картину, сейф в стене почти нереально заметить... Он убирал туда пачки денег. Никакого цифрового кода, все запиралось на ключ... Который, я тоже проследила, потом убрал, то есть спрятал в той же комнате. Конечно, все это призрачная надежда. Но не попробовать тоже глупо...

— Да, это бы решило все твои проблемы, Вилена, кивает подруга. — Но ты же понимаешь, что попасть туда непросто и очень рискованно. Твоего отца убили. Если это кровная месть... То тебе тоже грозит опасность. Помнишь... того охранника-чеченца? Когда по новостям передали о взрыве, в котором погиб твой отец, я сразу про него подумала... У таких людей кровная месть — образ жизни.

— Нет, это не он, — вырывается у меня прежде, чем успеваю подумать.

— Откуда ты знаешь? — вскидывается Вика, удивляясь моей уверенности.

— Ему плевать уже на прошлое... Я... мы виделись.

— Серьезно? Как? Когда?

— На днях... Я встретила его в больнице. Он видел меня, и не был похож на человека, одержимого мстью. Он едва удостоил меня вниманием. Сказал пару гадостей, и только...

— Ох, ну ты даешь. Гадостей наговорил? Вот видишь... Это не равнодушие, точно!

— Я была с Настей. У нее температура не спадала, и я запаниковала. Поэтому поехала... долго рассказывать. Короче, клиника бывшей любовницы отца. Теперь она любовница Валиева.

— Дела... Глаза подружки все больше округляются от моих откровений, о которых я уже жалею.

Почему мне так больно рассказывать все это? Я что, ревную Валиева к Веронике Астафьевой? Это же безумие! У меня нет ни малейшего права его ревновать. Я вытравила из души детскую влюбленность. Ядовитое чувство вины выжгло эту любовь, оставив сначала гниющую болезненную рану, что мучила долго... А потом уродливый рубец, к которому я даже прикасаться изредка себе запретила. Настя дала мне новую жизнь, новые цели. Я должна быть сильной ради нее. Остальное — похоронено в прошлом.

— Вик, пожалуйста, не будем сейчас про... Не будем, в общем, о прошлом.

Не могу вслух фамилию Тагира произнести. Тем более назвать по имени. Сразу спазм в горле и слезы...

— Ладно, прости. Понимаю. Не будем. Так что, ты правда хочешь решиться на такое безумие?

— Мне бы очень помогло знакомство с другом твоего мужа... Если он идет без пары.

— Вроде бы он развелся недавно. Толик рассказывал, отвалил бывшей столько, что до сих пор в себя никак не придет. Так что думаю, без пары он. Я конечно вас познакомлю, не вопрос.

— Он..., - запинаясь, не зная как сформулировать свой вопрос. — Он нормальный? В смысле, не опасный?

— Ты спрашиваешь, не захочет ли он от тебя интимной платы за помощь? — помогает мне озвучить мысль Вика.

— Понимаю, глупый вопрос. Но ты сама видела сегодня Антипова. Это было омерзительно, и очень не хочется переживать такое. Я бы лучше пообещала долю от найденных денег...

— Вилен, не все такие больные уроды как наш придурочный одноклассник. Хотя скажу честно, я в шоке была, когда вас увидела. Как же мне хотелось рожу ему перцем из баллончика залить! Нет, ну подумать только! С первого класса же учились, а тут...

— Давай не будем о нем. Расскажи, что знаешь про антиквара.

— Да не так я много о нем знаю. Вроде приличный мужик, лет тридцать, разведен, с Толиком моим давно дружит. Правда семьями не общались никогда, так, изредка в ресторан мой он приходил. Жена такая... не особо приятная, замороженная на путешествиях, инстаграмме. Модель, правда уж не знаю, где она свои таланты прикладывала. У нас в городе такая профессия не востребовавшая.

— Боюсь эта информация мне не очень поможет. Он не бандит хотя бы?

— Нет, не бандит... хотя меня сложно назвать экспертом по криминальной обстановке нашего города. Он занимается антиквариатом, у него очень дорогой магазин на главной

улице. Шикарный, и мне кажется довольно прибыльный.

— Ну, значит решено. Спроси, не возьмет ли он в пару твою старую подругу, наездом посетившую ваш городок. Не говори, что я дочь Шахова. Думаю, это лишнее. Лучше скажи, что тоже интересуюсь антикварными вещичками.

— Отлично ты придумала, соображаешь. Ох, хоть еще одну бутылку открывай... У меня сейчас в крови чистый адреналин, Шахова. Умеешь ты шороху навести.

— Поверь, я бы очень хотела тихой спокойной неприметной жизни... Но придется залезть в пасть к шакалам... Другого выхода у меня все равно нет. Виталик был последней надежды.

— Боже, если этот козёл является последней надеждой, впору утопиться.

— Иногда мне кажется, что весь мужской пол сплошные козлы...

Наш разговор переключается на тему нашей тяжелой женской доли, Вика начинает жаловаться на мужа. В результате расходимся мы глубоко за полночь.

* * *

Рано утром меня будит Варвара Сергеевна, сообщая, что ко мне пришли гости. Испугаться не успеваю — в комнату врывается Вика, на ее руке перекинут чехол для одежды, в другой — объемный яркий целлофановый пакет.

Приподнимаюсь на постели, позади встаёт Настя, кладет ладошки на мои плечи, с интересом разглядывая гостью.

— Привет, извини что разбудила, — извиняется подружка. — Хотела взглянуть на твою малышку... Какая хорошенькая! Привет Настя, меня зовут Вика, будем дружить?

Настя кивает и улыбается, демонстрируя шатающийся зуб, который вот вод выпадет.

— Ты моя сладкая! Я с подарками для вас, девочки. Кто первый?

— Я! — кричит малышка, и я с улыбкой спускаю ее на пол. Она подбегает к Вике. Та достает из сумки красивую яркую коробку в подарочной обертке и с бантиком.

— Это тебе, детка. Надеюсь, понравится кукла.

— Спасибо, — лепечет малышка, сразу начиная срывать обертку.

— Боже мой, пожалуйста, солнышко! Ты просто прелесть!

— Завтрак уже готов, девочки, пойдёмте, — заглядывает в комнату Варвара.

— Настюш, сначала умоемся, а потом откроем подарок, — говорю девочке.

— Я умою, ты сама давай, приводи себя в порядок, а то остынет все, — говорит баб Варя.

— Спасибо, — улыбаюсь ей.

* * *

— Знаешь, на секунду я подумала, что вчерашняя встреча мне приснилась, — признаюсь, когда Варвара и Настя уходят.

— Ну ты даешь! Я тут с утра уже и платье тебе надыбала, а ты меня значит в миражи записала?

— Извини, я очень благодарна, правда. Не знаю, зачем это сказала. Просто ты так неожиданно.

— Ну ты же сама вчера адрес дала. Я конечно думала до обеда болеть с похмелья буду. Но вино оказалось отличным, спала как младенец и никакой головной боли. С утра бодр и весела, в ресторане все пучком, бронь на месяц вперед, корпоративов несколько. Я довольная как слон, энергия прет. С мужем поговорила, с Вадимом связались, он заинтригован очень.

— Ты не сказала, что я Шахова?

— Нет, не волнуйся. Сказала только то, что ко мне подруга приехала, красивая как богиня, и обожающая старинные вещи. Вадим так злится на бывшую, что жаждет с кем-то появиться на людях. Так что, сегодня в шесть вечера у нас дома будет легкий ужин. Заодно посмотришь мою хибару, правда скоро мы в дом переезжаем. Так, ладно, я в курсе что мое жилище тебе не интересно, — добавляет со смешком.

— Ну что ты говоришь такое. Мне интересно.

— Проехали, Вилен. Я правда очень помочь хочу. Очень! Вы с Вадимом кстати будете классно вместе смотреться.

* * *

— Ты шикарна, просто шикарна! — восклицает Вика, когда выхожу из ее спальни.

Попрощавшись с баб Варей и Настей, около пяти вечера я выехала с подругой к ней домой. Платье с собой взяла. Не хотела лишних вопросов от Варвары, у которой отпросилась до утра, сгорая от стыда. Что обо мне подумает эта милая женщина? Но другой надежды у меня не было...

Вика, как оказалось, взяла платье на прокат у хорошей знакомой, держащей собственное ателье для элитных клиентов. Дорогущее, очень красивое, красное, оно село на меня как влитое. Что меня совсем не порадовало. Слишком будет привлекать внимание. Но в собственном гардеробе вечерних платьев у меня не имелось.

— Поверь, там если и будут дамы, то именно в таких нарядах, — успокаивает меня Вика. — Так что оденешься простенько — будешь выделяться среди них, как нищенка. Тогда и станут к лицу твоему приглядываться. А так — платье оттянет внимание на себя.

Наверное, в этих словах был смысл. Оно и правда ослепляло, сияло, пайетки переливались, а глубокий вырез на спине заставлял чувствовать себя голой.

* * *

Антиквар по имени Вадим, появившийся на пороге, оглядывает меня оценивающим взглядом, в котором сразу заметен интерес, который смущает меня, и которому я совсем не рада. Так странно, подростком я была гораздо более открытой, посмела даже влюбиться. Сейчас, будучи совершеннолетней, взрослой женщиной, наоборот готова шарахаться от мужчин, как от чумы. Мне сложно с противоположным полом, чувствую себя не в своей тарелке...

— Познакомьтесь, мои дорогие, — щебечет Вика. — Это Вадим, а это Вилен, моя

старая школьная подруга и огромная любительница красоты и старины.

— Мне очень приятно, — Вадим церемонно наклоняется к моей руке, касается её губами.

Мне стоит большого усилия воли, чтобы не вырвать руку. Хотя Вадим очень симпатичный, молодой. Блондин с голубыми глазами, очень приятной улыбкой, легкой щетиной на лице, весьма ухоженной, в тренде. Бросаю взгляд в зеркало, возле которого стоим, и отмечаю что смотримся очень гармонично. Вадим в черном смокинге, белоснежной рубашке, галстук-бабочка. Я — в красном платье с открытой спиной. Вдруг приходит в голову, что этот мужчина немного похож на моего брата. Закусываю губу, чтобы сдержать слёзы. Так каждый раз на меня действует любое воспоминание о Павле. Я до сих пор не пережила эту потерю.

— Да что же мы застыли в прихожей, пойдемте за стол, гости дорогие, — щебечет Вика. — Я вам такой вкуснятины наготовила! Сыры годовой выдержки, по собственному рецепту!

□

Ужин был легким, но правда безумно вкусным. Беседа непринужденной, пока Вадим не начал рассказывать о своей работе. Мне пришлось начать изображать туповатую наивность, блондинка обожающая антиквариат, но ничего в нем не понимающая. Такая роль не особенно приятна.

Смеясь, выходим на улицу, пора двигаться на мероприятие. Стараюсь как можно больше улыбаться, хихикать, а внутри все кипит и клокочет. Увидеть спустя годы родной дом, наверное, будет непросто.

Вадим галантно открывает дверь своего дорогого автомобиля, юркаю на сидение. Сцепляю пальцы, чувствуя, как нервозное предвкушение растет.

— Значит, решила посетить напоследок родной дом, Вилена? — произносит Вадим, усевшись на место водителя.

Меня прошивает с головы до пяток нервная дрожь. Медленно, как будто муха, застрявшая в паутине, поворачиваю к нему голову. Смотрю на Вадима широко распахнутыми глазами, догадываясь, что у меня сейчас совершенно идиотское выражение лица. Всей душой надеюсь, что мне послышалось...

— Что, прости?

— Не делай вид, что не расслышала. Но если хочешь, повторю. Я спросил, решила ли ты побывать в доме, принадлежащем твоему отцу, прежде чем он перейдет в собственность другого хозяина. Да, сразу скажу — Виктория мне ничего не говорила о тебе. О спутнице, желающей сопровождать меня. Я догадался сам. Видел твои детские фотографии.

Вадим заводит мотор, и машина двигается с места.

— Зачем... Зачем тебе мои фотографии?

— Скажем так, я изучал историю твоей семьи.

— Но зачем?

— Я интересуюсь не только старыми вещами. Я тебя напугал? Ты такая бледная. Не думал, что ты настолько труслива.

— Ты ошибаешься. Я не боюсь тебя. Просто не люблю сюрпризы.

— Жаль. Чтож, прости, что так резко выложил перед тобой все карты. Мне показалось это будет эффектным. Так зачем ты туда едешь? Может, кстати, ты передумала? Ты выглядишь нервной.

— Не нужно запугивать меня, Вадим. Это тебе не к лицу.

— И в мыслях не было, Вилена. Я лишь хотел добавить, что бояться стоит лишь тех, кто будет там внутри, сражаться за столовое серебро и коллекцию всяких безделушек твоего отца. Я-то, как раз безопасен.

Очень хочется в это верить. С каждой минутой мне все меньше нравится этот чертов Вадим, его осведомленность действительно пугает.

□

Я знала, что увидеть дом своего детства станет непростым испытанием. Так оно и случилось. Стоило выйти из машины, на меня нахлынула волна воспоминаний, вперемешку с нехорошим предчувствием, подняв дыбом волоски на затылке и скрутив судорогой желудок.

— Смелее, — дыхание подошедшего сзади Вадима обдает мне шею. — Страшно?

— Ты считаешь, мне есть чего бояться?

— Конечно же нет. Пока ты со мной.

Мне все меньше нравится мой спутник, но выбора нет. Вадим подставляет мне согнутую в локте руку, кладу сверху свою, и мы следуем ко входу в дом.

Тут мало что изменилось. Почему-то кажется все таким старым. Не в визуальном плане, скорее в моральном. Словно с моего побега отец вообще ничего не менял. Это всегда был очень красивый дом: просторный холл, высокая винтовая лестница сбоку, ведущая на второй этаж. Много картин, антиквариата. Просторный холл ведет в большую гостиную, на пороге которой нас встречает красивая женщина в вечернем платье глубоко синего цвета.

— Добро пожаловать. Могу я увидеть ваши пригласительные? — одаривает нас ослепительной улыбкой.

Вадим протягивает женщине два ярких глянцевого листка, но она не спешит проверять их, а задерживает взгляд на мне, внимательно осматривает с ног до головы.

— Ваши кресла справа, номер я напишу на билетах. Кресла пронумерованы. Еще раз добро пожаловать, мы очень рады вам, — еще одна улыбка.

Когда занимаем свои места, не могу не спросить у Вадима:

— Ты не знаешь кто организовал все это?

— Неа, не знаю. Но на уровне все, правда? Лично я в восторге. Кстати, мы можем сейчас прогуляться по дому. Хочешь? Сходить на второй этаж. Взглянуть на твою комнату.

— Ты иди... Мне нехорошо что-то, голова кружится...

По плану мне сейчас нужно отвязаться от спутника. Если Вадим уйдет на второй этаж это будет идеально... Гостей пока всего несколько человек. До начала аукциона все могут свободно ходить где пожелают, рассматривать вещи, картины, статуэтки, которые, как я поняла, потом будут приносить в гостиную и продавать.

Ясно, что все это организовали криминальные авторитеты. Отец задолжал им кучу денег, как и банкам. Вот хоть что-то хотят вернуть таким гламурно-извращенным способом...

— Я не могу оставить даму в беде, — вздыхает Вадим.

— Слушай, по-моему, это уже перебор с галантностью. Когда тебя тошнит, то спутники не особо нужны, — говорю, возможно, излишне резко.

— Ну хорошо, — вздыхает Вадим. — Не буду тебе навязываться, Ви...

— Пожалуйста, не зови здесь по имени, — нервно прерываю его.

— Хорошо. Ты права. Надо быть осторожными.

Он подмигивает мне, словно все это игра.

Нервно прохаживаюсь по первому этажу — гости все прибывают. В основном это мужчины, и большинство из них — с личной охраной. Стараюсь не привлекать к себе внимания, но никак не получается остаться одной в коридоре, который ведет к заветной комнате. Тут висит много картин, папа был страстным коллекционером. Поэтому, неподалеку постоянно кто-то находится, и я почти впадаю в отчаяние...

Конечно, ещё не все потеряно, стараюсь подбодрить себя. В конце концов, даже после аукциона, когда уже не будет этих картин, висящих на стенах, я смогу задержаться в доме... Скажу, что мне стало плохо, отправлюсь в туалет, попрошу Вадима подождать меня в машине... Лихорадочно прокручиваю в голове этот вариант.

— Милая, всех уже просят занять свои места, представление начинается, — Вадим подходит ко мне, и я киваю, смирившись, что на данный момент ничего не вышло.

Следую за ним, садимся на свои места, официанты в белоснежных рубашках и чёрных брюках разносят шампанское и маленькие аппетитные канапе из сыра и фруктов. Оглядываю гостей. В основном это мужчины среднего возраста, в смокингах, явно старающиеся выглядеть респектабельно, но их сущность все равно проявляется. Может мне это заметно потому что я выросла среди таких? Все эти люди — либо занимающиеся криминалом, либо занимались этим в прошлом. Тут нет ни одного приличного, законопослушного бизнесмена. Это больше похоже на бандитскую сходку, нежели на аукцион. Бодигарды внимательно и профессионально оглядывают помещение, а потом занимают места возле стен, максимально близко к своим хозяевам.

Женщин, кстати, тут почти нет. Точнее, всего две. Одна дама глубоко пожилого возраста, сидит, обвешанная драгоценностями, в руках пенсне. Колоритный персонаж, но явно чувствует себя в своей тарелке, многие с ней почтительно здороваются, некоторые даже целуют руку... Эдакая крестная бабушка мафии... Причем держит себя настолько надменно, словно она английская королева. А вторая, совсем молоденькая девчонка, явно любовница, сидит рядом с огромным пузатым сорокалетним мужчиной... Полный диссонанс от этой пары. Девушка выглядит несчастной, испуганной, и такой юной, что невольно задумываюсь, сколько ей лет. Нервно вздрагиваю, когда появляется ведущий этого аукциона, в золотом смокинге, явно с театральным образованием за плечами. Он объявляет первый лот...

Следующий час откровенно скучаю, дорогие безделушки, фарфоровые сервизы не вызывают внутри никаких эмоций, мне плевать, что папино имущество идет с молотка. Оно никогда не было моим наследством. Вообще, мое положение дочери богача всегда было скорее проклятьем. Я столько раз мечтала, как было бы замечательно, будь у меня простая семья, с маленьким заработком, дешевыми игрушками, простой едой, но душевным отношением...

Мне вдруг приходит в голову, что как раз сейчас-таки, можно беспрепятственно проникнуть в тайник отца. Вот только выйти из этого помещения, и при этом не привлечь к себе внимание, не так-то просто. Очень боюсь того, что эти люди узнают кто я. Потому что некоторые из них мне смутно знакомы... Я видела, много лет назад, как они приезжали к отцу, более того, несколько из сидящих здесь мужчин работали на моего отца, пресмыкались перед ним... Кто знает, возможно именно они организовали покушение. Меня бы это не удивило.

Конечно, дети не отвечают за грехи своих отцов, но кто знает, что придёт в голову этим головорезам? Остается лишь надеяться на мой макияж, которым я максимально постаралась изменить свою внешность. Вика помогла мне сделать яркие тени серебристых оттенков, от

светлого к самому тёмному, выщипала и изменила форму бровей, густо накрашила ресницы, нанесла румяна и красную помаду в тон платью. Так ярко я ни разу в жизни не красилась. Посмотрев в зеркало, сама себя едва узнала. Наверное, если бы не слова Вадима, его удивительная осведомленность, я бы вообще ничего не боялась, и даже не думала, что кто-то может узнать во мне сбежавшую давным-давно дочь Шахова...

Аукцион все длится, идёт уже второй час.

— Почему ты ничего не покупаешь? — спрашиваю шепотом, наклонившись к Вадиму.

Я все сильнее нервничаю, мне невыносимо находиться среди всех этих людей...

— Пока ничего не понравилось, — пожимает плечами мой спутник. — Может быть, ты хочешь уйти? Устала?

— Нет... просто удивляюсь, ты пропустил несколько весьма выгодных лотов. Ушли за копейки. Поверь, это подлинники.

— Я знаю, что мне нужно Вилена, — улыбается мне Вадим, и почему-то мне не нравится его улыбка.

— Значит, не планируешь делать покупки здесь?

— Нет, ты ошибаешься. Я жду один лот, безумно ценный.

Пожав плечами, отворачиваюсь к распорядителю аукциона, разглядывая картину, о которой он сейчас рассказывает. Очень дорогая вещь, которая висела над кроватью в спальне моего отца. Снова на меня накатывают воспоминания детства, я так глубоко погружаюсь в них, что слова ведущего становятся неожиданными:

— А сейчас, дамы и господа, наш аукцион подходит к концу, и я счастлив представить вам последний лот, — произносит он торжественно мужчина.

Приказываю себе сконцентрироваться, раз все сейчас закончится мне нужно снова играть роль, и всё-таки сделать то, зачем я сюда пришла. Иначе, все мои старания будут абсолютно бессмысленными. Снова прокручиваю в голове план: как выхожу вместе с Вадимом к машине, а потом внезапно говорю, что меня сейчас вырвет, бегу в туалет. Все это мероприятие я подготавливала своего спутника, изображая периодически недомогание, бормотала что кажется отравилась.

Вдруг все гости поворачивают голову к входу в помещение. Там появляются несколько мужчин, бросаю взгляд вскользь и чувствую, как озноб бежит по позвоночнику. Один из неожиданно появившихся — Тагир Валиев.

Теперь уже мне ни к чему изображать недомогание, я на самом деле готова упасть в обморок, потому что абсолютно не ожидала увидеть его... Не только здесь, но и вообще никогда в этой жизни...

Почему я была в этом уверена? Наверное, потому что безнадежно наивная дура.

Тагир спокойно проходит в зал, ему уступают место на переднем ряду, причем уступивший мужчина, и еще один, встают к стене, к другим телохранителям. Видимо, они занимали места, ожидая хозяина? Это мрачные бородатые мужчины кавказской внешности. Тагир садится рядом с пожилой дамой, целует ее руку... Внутри растет паническая атака, а голос распорядителя бодро провозглашает как ни в чем не бывало:

— Итак, наш последний лот, самый необычный, и самый как мне кажется дорогой. Вадим пожалуйста...

Почему он произнес имя моего спутника? Изумленно смотрю на Вадима, голова

кружится все сильнее, не могу понять, что происходит. Мой спутник наоборот, ничуть не удивлен... Он поднимается, протягивает мне руку.

— Вставай, Вилена, твой выход.

— Что? Что происходит? — выдавливаю шепотом, мой мозг отказывается соображать, меня захлестывает паника. Почему Вадим называет моё имя, хотя обещал этого не делать? Громко, вслух, чтобы все слышали... И на нас смотрят, все внимание гостей приковано теперь к нам двоим... Вадим продолжает настойчиво смотреть на меня, протягивая руку, и мне ничего не остаётся, как протянуть свою. Хотя хочется сделать обратное, оттолкнуть, Он ведёт меня к сцене, но даже в этот момент я все еще не понимаю, что происходит. Даже когда я оказываюсь на сцене. Одна. Потому что Вадим отходит в сторону.

— Дамы и господа, — громко объявляет распорядитель аукциона. — Вы приобрели все, что было в этом особняке. А теперь вы можете приобрести этот дом. Самая дорогая и ценная покупка, отличное вложение капитала. И самое главное, в довершение — удивительный бонус, который мы подготовили для вас. Наследница этого дома, Вилена Шахова, собственной персоной идёт в комплекте с домом.

На меня находит какой-то безумный ступор. Хочу закричать, послать ведущего и всех этих пялящихся на меня мужчин к черту, но не могу выдать ни звука. Открываю и закрываю рот как рыба, выброшенная на берег... Вдруг рядом оказывается Вадим, его рука стискивает моё запястье так сильно, что я вскрикиваю от боли. По гостиной проносится шум, все обсуждают произошедшее. По всей видимости для всех, ну или по крайней мере для многих это сюрприз. Никто не ожидал подобного, но я вижу глаза, нацеленные на меня, оценивающие, жадные... Моя кожа горит от этих взглядов, таких разных. В некоторых преобладает ненависть, в других похоть. Хочется обхватить себя руками, закрыться от них, убежать. Я так и сделаю, я знаю, что сейчас соберусь, заставлю себя выйти из оцепенения и пошлю все это к черту. В этот момент Вадим наклоняется к моему уху.

— Подумай о Насте, — шепчет угрожающе. — Пока ты здесь, мои люди находятся возле дома бабки, что приютила вас. Так что твой ребенок в моих руках. Ты же хочешь увидеть девочку живой?

— Зачем тебе это? — спрашиваю слабым голосом. Меня охватывает ужас. Боже, вот что я снова вляпалась?

— Ответ прост, банален. Деньги, дорогуша. Кое-кто очень сильно пожелал увидеть этот спектакль.

— Вика... Она тоже... в деле?

— Ммм, скажем так, ты задаешь слишком много вопросов. Доиграй до конца, немного осталось. Будь послушной девочкой, ведь выбора у тебя все равно нет. Ты же захочешь увидеть Настю?

— Да... умоляю, ничего не делай дочке...

— Тебе надо лишь постоять немного на сцене, Вилена. Придется, мне жаль. Твой отец слишком много задолжал этим людям. Они жаждут крови. Ну или по крайней мере — хлеба и зрелищ. Придется тебе заплатить по долгам своего родителя. Попробуешь устроить скандал, живой отсюда не выйдешь. Испортишь мне задуманное представление — никогда не увидишь свою дочь... Итак, давай же насладимся игрой.

Вадим отходит от меня, оставляя одну на импровизированной сцене, куда только что выносились картины и статуэтки. Не знаю как ноги держат меня, мысленно я уже миллион раз упала в обморок, и миллион раз послала грубо, матом, всю эту компанию, которая

продолжает разглядывать меня. Начинаются ставки. Продолжаю лихорадочно думать, на кого работает Вадим. Как же больно допустить мысль, что все это устроил Валиев! Но он ставок не делает, хотя они сыплются со всех сторон, мужчины входят в раж, аж слюной брызжут, их глаза горят алчно, меня передергивает от их взглядов. Даже пузатый, пришедший сюда с молоденькой любовницей, включился в игру.

Как же невыносимо переживать все это. Что дальше? Ну купят меня, вместе с домом, но это же смешно! Я живой человек, а в нашей стране запрещено рабство... Безумно наивные мысли, позже, совсем скоро мне предстоит это понять и еще раз больно разбиться о реальность. Сколько таких вот ударов я уже пережила? Думала, что меня уже ничто не удивит. Людская подлость, алчность, жестокость. Я варилась в этой адской смеси с самого детства...

Я не вслушиваюсь в суммы, они ускользают от моего сознания. Стараюсь не смотреть на гостей, меня выворачивает от отвращения, но неожиданно мой взгляд все же падает... на Тагира... Неосознанно... Задерживаюсь на черных волосах, широких плечах в изысканном черном костюме. Он держит в руках стакан с янтарной жидкостью, а сидящая рядом пожилая женщина что-то шепчет ему на ухо. Уголки его губ растягиваются в улыбке...

Он смеется над происходящим? Радуется моему унижению? Как же больно, черт, вот уж правда словно каленым железом сердце прижигают... Сжимаю кулаки, впиваюсь ногтями в тыльную сторону ладони. Только не заплакать, только не это. Иначе унижение будет полным...

По другую сторону от Тагира сидит крупный мужчина лет пятидесяти, дымя сигарой. Валиев вдруг отвечает на мой взгляд, сейчас его лицо вижу сквозь завесу дыма, и на секунду мне кажется, что он словно ощупывает меня своими внимательными, цепкими черными глазами. Хотя, конечно же, это полнейшая иллюзия. Валиев выглядит холодным и отстраненным. Мужчина с сигарой делает ставки активно, но равнодушно. У него неприятное, грубое, словно высеченное из камня лицо. Он похож на садиста. По крайней мере внешне. Если он попытается принудить меня к чему-то... если конечно выиграет этот аукцион...

Можно подняться на третий этаж особняка. Я знаю выход на крышу. Успеть добежать... и спрыгнуть. Мне кажется, я *уже* не жива. Так что... больно не будет.

Вздрагиваю от суицидальных мыслей. Как же Настя? Что я за мать такая? Но... разве могу теперь быть матерью, когда из меня вещь сделали? Я так долго боролась, но любым силам приходит конец.

Когда слышу голос Валиева, называющий ставку, кажется, что сердце разорвется от боли. Внутри нарастает паника, заставляя сердце биться все сильнее. Пульс зачастил. Я не должна думать об этом, нельзя позволить воспоминаниям ослабить меня. Не сейчас, когда необходимо быть очень сильной.

Почти тридцать минут прошло... Мой взгляд теперь прикован к часам напротив, я гипнотизирую их, мечтая вернуться, как в волшебной сказке Шварца, на сутки назад. Дать себе шанс на ошибку, на выбор другого пути. Ругаю себя последними словами обзываю наивной идиоткой. Потому что мне не должно быть больно! Этот человек больше всех остальных, находящихся в этой комнате, имеет ко мне претензию. И похоже, собирается предъявить. Теперь мои мольбы не только о том, чтобы все это оказалось страшным сном. Я готова на любое развитие событий, но только бы судьба не столкнула меня с Тагиром... Но

похоже, моя карма настигла меня.

Я не слышала сколько предложил Валиев, не следила за цифрами. После того как его ставка прозвучала, глубоким низким голосом, больше ни единой... Воцарилась тишина. Либо сумма запредельная, либо его авторитет?

□

На какое-то время я лишилась слуха, да и зрения практически — перед глазами все плыло. Я словно отключилась от реальности, закрылась в некоем вакууме. Кажется, ужасный аукцион закончился, меня кто-то взял под руку и повел куда-то. Вглядевшись, понимаю, что это ведущий. Он заводит меня в гостиную поменьше, на втором этаже. Опускаю глаза и смотрю на мягкий пушистый ковер, на котором играла ребенком. Глаза начинает щипать.

— Я вас оставлю, — читаю скорее по губам, потому что в ушах продолжает шуметь слишком сильно.

— Что происходит? — хватаю этого мужчину за запястья, вцепляюсь, видимо, излишне сильно, он морщится от боли.

— Вам все объяснят.

— Это же шутка, да? Розыгрыш? Жестокое представление. Разве можно продать человека? Это ведь противозаконно!

— Простите... Это не я решаю.

— А кто? Валиев? — усмехаюсь горько. — Охранник моего отца? Смешно! Интересно, как он себе представляет, ну заплатил, за дом... Но зачем делать это дикое представление...

— Давно уже не охранник, — раздаётся глубокий низкий голос, и я вздрагиваю. Отпускаю несчастного ведущего, на котором к этому моменту уже лица нет. Да и сама я не в лучшем состоянии, тошнота подкатывает к горлу, руки дрожат, в глазах темнеет. Боже, что я сейчас наговорила со страху? Охранником Тагира назвала? Идиотка, подлила масла в огонь, это точно. Унизила... Снова.

— Да, я в курсе, — оборачиваюсь резко, наблюдаю как ведущий буквально просачивается в дверь мимо Валиева, выглядя испуганным и скукоженным. — Послушай, извини, за то что я сейчас сказала... Не хотела тебя задеть... Просто... Это все слишком. Я не думала, что попаду на такое дикое представление.

— А чего ты ожидала, приходя сюда? — спрашивает Валиев, проходя в центр комнаты. Он направляется к глубокому кожаному креслу возле электрического камина. Любимое кресло отца. Опускается в него, закидывает ногу на ногу. И снова оглядывает меня с головы до ног тяжелым взглядом. Глаза врага, глаза хищника, холодные, жестокие и грозные. Их взгляд замораживает, они полны презрения, они уничтожают меня, мою гордость, мою личность. В голову вдруг приходит, что мне еще долго эти глаза будут сниться в кошмарах.

— Я не обязана объяснять зачем пришла! Но уж точно не ожидала такой подставы... Это было отвратительно. Ты доволен? Это ты устроил этот фарс?

— Пока еще не доволен.

Холод в голосе Тагира заставляет поежиться.

— Я не хочу продолжать этот разговор! Мне нужно домой...

Как же трудно сдерживать слезы, держаться уверенно, но почему-то я уверена, если сломаюсь — будет только хуже. Хищнику нельзя показывать свою слабость... Нельзя сжиматься от страха под этим острым и тяжелым взглядом.

— Ты ведь понимаешь, что я не могу... не могу здесь оставаться. Ты знаешь, что у меня маленький ребенок! Я нужна дочери...

Стоит только подумать о Насте, и вся моя решимость, ошметки смелости, начинают рассыпаться. Я выть готова от страха. Как же больно, как же стыдно! Из последних сил

сражаюсь с эмоциями, готовыми захлестнуть меня. Нельзя чтобы Валиев увидел их, чтобы понял насколько я слаба и уязвима перед ним...

— Странно, что ты вспомнила о ребенке. Почему не подумала, когда шла сюда в этом платье, с этим хлыщом?

— Тебе правда это нужно? Читать мне нотации, как нерадивому подростку?

— Нет. Ты уже не подросток, Вилена, и я не собираюсь учить тебя жизни. Но меня бесит, когда ты прикрываешься своим плодом, когда удобно.

Он произнес это так презрительно... Назвал Настю плодом, словно моя девочка — неодушевленный предмет! Внутри вспыхивает обида, ярость. Кто он такой, чтобы говорить со мной так?

— Ты ничего обо мне не знаешь, ясно? Я ухожу...

Делаю всего один шаг к двери, но слова Валиева заставляют снова замереть на месте.

— Мне надоел этот разговор, Вилена. Можешь наивно думать, что все не по-настоящему, — Тагир поднимается из кресла и направляется ко мне. Я пячусь назад. — Но правда в том, что я тебя купил. Ты стояла на сцене, на тебя делали ставки. По тебе не было заметно, что это неожиданность или шок для тебя. Что тебя заставили надеть это платье и силой накрасили. Я не планировал покупать тебя. Скажем так, это было спонтанно. Я вдруг вспомнил твою детскую настойчивость. И решил дать тебе наконец то, о чем ты так долго мечтала. Теперь ты совершеннолетняя...

— То есть тебя только это всегда волновало? Не попасть под статью о малолетке? Ты вменяемый вообще? Как насчет того, что торговля людьми тоже противозаконна?

— Я бы никогда не тронул молоденькую. Для меня дело не в законе, а в моих собственных принципах. Они же, мне говорят, что если взрослый человек себя продает, то почему нет. На любой товар найдется покупатель.

— Это не так! Это... меня обманули.

— Избавь меня от жалкого лепета, Вилена. Сними трусы, подойди к креслу, и нагнись...

Моя рука взлетает в воздух, чтобы дать мерзавцу пощечину, прежде чем успеваю сообразить, чем мне это грозит.

Но Валиев оказывается проворнее. Он меня буквально сгребает в охапку, два шага, и мы возле кресла. Я кричу, визжу, вырываюсь, но его хватка стальная.

— Нет, нет! Прекрати, слышишь? Не надо!

Я захлебываюсь слезами. Поверить не могу, что все будет так... Мой первый раз. С тем, кого я так любила когда-то... И кого безумно сейчас ненавижу.

— Не понимаю, зачем ты изображаешь невинность, Вилена. Во сколько ты родила? В шестнадцать? В семнадцать? Ты из трусов выпрыгивала, желая меня. Так чего сейчас сопротивляешься?

Все еще до конца не верю в происходящее, нет, этого просто не может быть! Тагир просто пугает меня, злится, что я здесь появилась, ненавидит за то что из-за меня сделали с ним. Но он не жестокий, не насильник, я в этом уверена... До той секунды, пока не раздастся оглушительный треск ткани и я понимаю, что платье соскальзывает с меня. Меня толкают к дивану, грубо, больно бьются коленями о его край, продолжаю кричать.

— Повернись ко мне, — голос Валиева резкий, точно рассекающий воздух хлыст.

Обхватываю себя руками, пытаюсь прикрыться. Поворачиваюсь. Смотрю на жалкую

красную тряпку на полу — дорогушее платье, которое Вика взяла для меня на прокат.

Еще один долг... Боже, я точно ненормальная. Меня насиловать собираются, а я все про долги думаю. Так привыкла считать каждую копейку... Как же я от этого устала...

— Смотри на меня, — тон еще более опасный, острый, ему невозможно не подчиниться. У меня от страха начинают стучать зубы. Тагир стоит где-то в метре от меня. Взглянув на него, застываю под холодом черных как бездна глаз. Сердце подскакивает к самому горлу. Чувствую себя абсолютно беззащитной, я такая маленькая и хрупкая рядом с ним!

Я не хочу этого. Не желаю быть жертвой. Не хочу близости. Только не сейчас и не так...

Что это вообще такое? В наше современное время, это же полный архаизм! Как вообще можно платить по счетам своим телом?

Тагир вдруг делает шаг ко мне, и я задыхаюсь от паники. Ощущение что мне вогнали литр адреналина в кровь, разом. Прикусываю дрожащую нижнюю губу, не готовая к такой быстрой атаке.

Отступать некуда, и я, сбросив шпильки, заскакиваю на диван. Стою, прижавшись к стенке, чувствуя себя той самой наивной пятнадцатилеткой, которая когда-то решила соблазнить взрослого парня...

Тагир совсем близко. Меня пронзает мысль: к чему в первую минуту прикоснется его рука? Мое тело внезапно охватывает странный жар, горит буквально каждая клеточка кожи...

— Иди сюда, Вилена, я не буду повторять.

— Отпусти меня, слышишь? — перехожу на шепот, потому что говорить больно, сорвала горло криками.

Руки Валиева обхватывают мою талию, спускают меня с дивана. Оказываюсь прижатой к мужчине вплотную. Мои маленькие груди буквально расплющиваются о его каменную грудную клетку. Соски начинают странно болеть, ныть, покалывать. Внезапно возникает желание потереться о Тагира, точно кошке... Ох, что за наваждение? Он — насильник и я должна с ним бороться.

— Если ты попробуешь... Я...

— Попробую что? Попробую тебя? — бросаю на него быстрый взгляд снизу-вверх и вижу легкую улыбку. Он еще и веселится, когда я — едва жива от страха.

— Я себя не продавала.

— Странно. Потому что я тебя — купил.

— Так не бывает... Пожалуйста.

— Я не хочу слышать это слово. Точнее, не надо просить меня о том, что не смогу дать. В постели я просить разрешаю. Пожалуйста, сильнее. Пожалуйста, глубже. Мне хочется услышать это от тебя. Я не отпущу, Вилена. Уже нет.

Его крупная ладонь ложится мне на шею, запрокидывает голову назад, заставляя открыть ему горло. Он задумчиво водит по нему пальцами, чуть сдавливая...

Второй ладонью Тагир резко дергает бюстгальтер, стаскивая его вниз, обнажая мои груди, проводя по ним большим пальцем, стискивает левое полушарие, сильно, до болезненного ощущения...

Задыхаюсь, дергаюсь, отталкиваю его руками, всхлипывая и дыша так рвано, словно только пробежала марафон.

— Ты делаешь мне больно! Отпусти, пожалуйста... Пожалуйста...

— Не надо бороться. Со мной это бесполезно.

— Мне... нужно в туалет. Умоляю тебя, ты же не садист! Пожалуйста, Тагир! Если ты так хочешь, я... хорошо. Я все сделаю, как ты скажешь. Только без боли, прошу тебя... Я понимаю, ты хочешь отомстить... Я знаю свою вину перед тобой, знаю. Мне так жаль... я не могла сказать тогда, но сейчас говорю! Мне безумно жаль, вина разъедала меня все это время...

— Замолчи.

Голос Валиева почти не узнаваем, глаза сузились, он вдруг резко толкает меня к дивану.

— Я не хочу слушать этот бред. Дело не в мести, Вилена. Что за бред? Ты считаешь меня настолько жалким? Я не имею привычки мстить тупым малолеткам. Дело в покупке. Если не хочешь быть товаром — не стоит выходить на подиум, куда выносят лоты.

— Но... ты не даешь объяснить...

— Это не имеет значения. Мне плевать, как богачка докатилась до подобного. Я купил и хочу развлечься. Не придавай себе больше значения, чем есть на самом деле.

Что мне ответить? Валиев как всегда на высоте, сбросил меня вниз и смотрит как пресмыкаюсь. Мне не под силу парировать, в голову лезет лишь жалкий лепет.

Проигнорировав нервные спазмы в желудке и сами собой поджимающиеся пальцы ног, говорю себе, что хуже в любом случае уже не будет.

— Хорошо, — все что могу выдавить из себя. — Только скажи... Что я должна делать?

Нужно просто потерпеть... Говорят, что первый раз очень болезненный... Я почти уверена, что Тагир не станет намеренно причинять мне боль. Возможно, он вообще передумает, если узнает, что я девственница.

Вот только поверит ли, если скажу об этом?

Кажется, он даже не хочет меня по-настоящему. Он явно злится... На то, что хотел купить дом, а пришлось и меня в придачу? Верю, что дом для Валиева некий гештальт... Я ведь даже не нравилась ему все эти годы... И сейчас явно тоже не нравлюсь. Я и раньше об этом знала, так почему же сейчас так больно это осознавать?

Неужели я до сих пор в глубине души надеялась, что произойдет чудо? Надеялась на сказочное волшебство, которое избавит меня от мучений, что появится Валиев, как принц на белом коне и освободит принцессу, защитит от вселенского зла... Сделает настоящей полноценной женщиной...

Как это глупо, мечтать перед сном о мужчине, который никогда не посмотрит на тебя как на равную себе, который будет лишь презирать. Но я мечтала... Изредка, засыпая, все еще позволяла себе окунаться в сладкие грезы. Которые разбиваются на мельчайшие осколки следующими словами Валиева:

— Встань на колени, Вилена.

Смотрю на него ошарашенно, непонимающе, широко распахнув глаза.

— Я сказал что-то странное? Ты спросила, что сделать. Ответ — встань на колени. Уверен, ты знаешь, что такое минет.

□

В голосе Тагира нет капли эмоций. Более того, выражение его лица говорит лишь об отвращении. Меня снова охватывает безумное искушение наброситься на него, дать пощечину, расцарапать это красивое надменное лицо в кровь.

Останавливает лишь страх за Настю... Я должна выбраться из этой ситуации, ради дочери.

Поэтому, дрожа всем телом, делаю что велел Тагир, опускаюсь на колени. Лицо заливают румянец, оно буквально горит, и не только от стыда. Соски болезненно ноют, меня это пугает, не понимаю, как это возможно? Как я могу быть одновременно так напугана, и в то же время, возбуждена. Как, за пару секунд неистовый гнев может смениться невероятным желанием? Ведь Тагир меня даже не коснулся, не пошевелился...

Просто стоит и наблюдает, как встаю перед ним на колени... Холодный и отстраненный.

Хочется выкрикнуть, что никогда в жизни не делала ничего подобного. Хотя, конечно понимаю, что он хочет от меня, что приказал. Я должна взять его член в рот. Я ни разу в жизни не видела мужской половой орган в живую. Но благодаря подружке Вике, я смотрела не раз порно, и там... Ох, кажется еще сильнее краснею, хотя куда больше. А грудь сдавливает тисками от боли. Вика... Как не хочется верить, что ты предала меня...

Надо это сделать. Зажмуриться... и выполнить что просит.

Кладу ладони на молнию его брюк, веду собачку вниз... Валиев вдруг отталкивает мои руки, и делает остальное сам, гораздо резче и быстрее. Достает свой орган, который кажется мне пугающе крупным. Большая головка, длинный толстый ствол, который обвивают вены. Одной рукой Валиев держит свой член, другой берет меня за подбородок.

Судорожно сглатываю, зажимаюсь.

— Открой глаза, — сразу следует неумолимый приказ.

Розовая, похожая на крупную сливу головка касается моих губ, надавливает на них. Машинально открываю рот и принимаю член Валиева. Неглубоко, терпкий вкус не противен, даже наоборот. Это возбуждающе... Боже... Неужели меня возбуждает унижение?

Я словно попала в другое измерение, в котором не было место обычным эмоциям. Ненависть, гнев, стыд, все испарилось. Осталось только... не знаю, как это назвать. Желание подчиниться? Нет... Тогда что это? Почему я не сопротивляюсь насилию?

Меня оглушает и подавляет мощная энергетика Валиева. Протягиваю руки к члену, обхватываю, сжимаю и беру ртом чуть больше. Глубже. Чувствую, как он вздрагивает, по его телу прокатывается крупная дрожь...

Испуганно отдергиваю руки и отшатываюсь. Ладонь Валиева ложится на мою голову, придвигая снова лицо к мужскому паху.

— Ты красиво играешь в невинность, — произносит Тагир низким, словно охрипшим голосом. — Но я не верю, что при твоём образе жизни, ты ни разу не брала в рот.

Вспыхиваю, отталкиваю его, пытаюсь встать. Но Валиев не позволяет. В его руках прядь моих волос, он наматывает их на кулак. Притягивает мое лицо ближе, снова касаясь головкой моих губ. Проводит ею по ним, толкается внутрь.

— Пососи мне, Вилена. И тогда я, возможно, отпущу тебя к дочери. Покажи мне, насколько ты хорошая мать. И насколько хорошая шлюха...

По моим щекам текут слезы. Почему он не мог сделать это без всех этих унижительных слов? В этот момент я безумно ненавижу Валиева. Мелькает даже мысль — как жаль, что он не сдох тогда... что отец не убил его.

Открываю рот, в этот момент рука Тагира больно фиксирует мой затылок, и толкается вперед, глубоко, головка упирается в стенку горла, вызывая панику и рвотный рефлекс.

Начинаю панически вырываться, отталкивать его, судорожно втягиваю воздух, когда

Валиев наконец отпускает мой затылок и позволяет отстраниться.

Закрываю лицо руками, меня трясет. Чувствую себя бесполезной, неуклюжей. Я бы хотела уметь делать, то, что он хочет. Но у меня не получилось. Наверное, теперь он презирает меня еще больше. Слышу звук молнии — поворачиваюсь и вижу удаляющуюся спину Валиева.

Он возвращается к креслу, в котором сидел изначально. Наливает себе по дороге полстакана янтарной жидкости, опускается в кресло и смотрит на меня задумчиво.

— Ты наслаждался, унизил меня, ты доволен?

— Нет. И ты это знаешь, — все еще сильно охрипшим голосом произносит Давид.

— Отпустишь? Пожалуйста, умоляю...

— Я слишком много за тебя заплатил, — кривая усмешка уродует черты красивого лица.

— Я... отдам тебе деньги, — встаю на ноги и забыв о том, что на мне почти нет одежды, бросаюсь к Валиеву. — Я расскажу, зачем пришла сюда... У отца был тайник... Я пришла только поэтому. Мне очень нужны эти деньги, для Насти. Для того чтобы нормально устроиться. Пожалуйста, позволь мне сходить к тайнику. Я все тебе отдам, только отпусти...

— Ты невероятная актриса, Вилена.

— Почему ты мне не веришь? — спрашиваю с отчаянием.

В этот момент раздается стук в дверь. Оборачиваюсь к ней с надеждой, а Тагир — сильно хмурясь. Встает на ноги, и первое что делает — снимает с себя пиджак, накидывает мне на плечи. Я и забыла, что в одном белье... Платье, наверное, не подлежит восстановлению. Как теперь домой доберусь?

— Что? — произносит Валиев. Мне не удастся разглядеть, с кем он разговаривает.

— Маргарита Сергеевна ждет...

— Скажи, чтобы не ждала.

— Она сказала, что не уедет...

— Хорошо. Выйду через пару минут.

Отлично. Тагира ждет женщина, пока он тут мучает меня, заставляя...

У меня снова все переворачивается, ломает и болит внутри.

— Мы пойдем к тайнику? — стараюсь, чтобы голос не дрожал, кутаюсь в пиджак. От перепадов температуры измученного тела, когда-то жар, то озноб, чувствую себя больной и измученной.

— Слушай внимательно. Ты едешь со мной, и повторять я не собираюсь. Не заставляй связывать тебя. Не заставляй вставлять кляп. Именно это я сделаю, только пикни.

— Ты не веришь про тайник?

— Мне плевать.

— Но почему? Если у меня есть возможность расплатиться... Почему ты не можешь принять это?

Увы, ответа я не дождалась. Тагир выталкивает меня из комнаты, возле которой стоят двое высоких мужчин в темных костюмах. Сразу видно, что это охрана, я таких насмотрелась за свою жизнь пока не сбежала от отца. Опускаю лицо, не хочу видеть в их глазах любопытство, или еще что, не важно. Мне хочется провалиться сквозь землю. Не могу понять, зачем Валиев тащит меня с собой, если его ждет женщина. Приказываю себе не думать об этом. Это его проблемы, а мне нужно вернуться к дочери. И я сделаю для этого все что угодно. Если для этого надо лечь под мужчину, о котором я грезила в юности, чтож, разве это высокая плата? Разве у меня есть право на гордость? Нужно затолкать ее подальше, раздавить внутри...

Так что иду за своим хозяином по пятам, как послушная собачонка. Сердце по-прежнему колотится о ребра. Наверное, это никогда не закончится, мне постоянно придется терпеть боль рядом с Тагиром. Чувствую себя жалкой, растоптанной. А как иначе, трудно держаться с достоинством, когда ты босиком и на тебе лишь белье и пиджак с чужого плеча. Неужели мне придется в таком виде появиться перед женщиной Валиева?

Мы выходим на улицу, благодарю мысленно Бога, за то, что гости, похоже, все разъехались. На подъездной дорожке всего два джипа, и я уверена, оба принадлежат Валиеву. Неожиданно чувствую резкую боль в правой ступне и вскрикиваю.

Тагир сразу резко оборачивается ко мне:

— Что случилось? — он выглядит раздраженным, даже злым, видимо считает, что нарочно привлекаю к себе внимание.

— Ничего, — мотаю головой. — Извини, просто споткнулась...

Тагир, ничего не говоря, снова поворачивается ко мне спиной, продолжив свой путь. Подходит к джипу, открывает заднюю дверь, показывая жестом, что я должна залезть внутрь. Мне безумно больно наступать на ногу, пройти надо всего десяток шагов, но они даются мне безумно тяжело.

Стараюсь не показывать того, что испытываю. Валиев решит, что нарочно привлекаю его внимание, хочу разбудить в нём жалость...

Когда расстояние пройдено, и я залезаю в машину, Тагир неожиданно хватается за руку. Останавливает, а потом, взяв за талию, сам усаживает на сидение. Но не дает завести ноги внутрь, берет меня за лодыжку и поднимает, разглядывая ступню.

— Почему ты не сказала, что наступила на стекло? — его голос звенит от гнева.

— Прости... Я не знала, просто почувствовала боль в ноге.

— Почему не сказала, что тебе больно?

Пожимаю плечами, что я могу ответить ему?

— Заур, аптечку, — хрипло командует Валиев, и через секунду в его руках уже пузырёк с перекисью, ватные тампоны... Вздрагиваю, трясусь как ребёнок, кусаю губы. Понимаю, что нельзя кричать, не стоит привлекать к себе внимания больше, чем уже получила. Но не уверена, что смогу сдержаться.

— Не бойся. Боль будет совсем не долго.

— Ты умеешь успокаивать, — пытаюсь иронизировать, чтобы стало немного легче.

— Да, наверное, это не самое мое сильное качество, — произносит Тагир, начиная обрабатывать рану.

Мне становится так больно, что я, кажется, кричу во всю мощь легких, рыдаю. Когда все заканчивается, меня колотит озноб, я вся мокрая, лицо залито слезами. Моя нога перебинтована, Тагир приподнимает меня и сажает поглубже на сидение, накидывает на меня тёплый плед, чему я безумно благодарна. Кутаюсь в него, и только в этот момент, повернув голову влево, понимаю, что сижу на заднем сидении не одна. На меня с любопытством смотрит та самая пожилая женщина, которую я с интересом разглядывала на аукционе

— Здравствуйте, — произношу смущенно. — Извините, я только что вас заметила...

— Это неудивительно. Как ты себя чувствуешь?

Женщина разговаривает немного надменно. Интересно, кто же она такая? Понимаю, что эта женщина явилась свидетельницей моей жалкой истерики по поводу раны на ноге, и ужасно смущаюсь. И тут мне в голову приходит мысль, что возможно Тагира ждала не любовница, что речь шла именно об этой даме. Меня затапливает совершенно глупое, идиотское облегчение, словно это что-то поменяет в моей судьбе. Так все-таки, кем же приходится Валиеву эта женщина? Вряд ли родственница, она не похожа ни капли на чеченку... Но, разумеется, спрашивать её о том, кем она является, я не собираюсь. Хотя явно вызываю у неё не меньше любопытства, чем она у меня. Но эта дама тоже не расспрашивает меня, едем в полном молчании. Валиев на переднем пассажирском сидении, за рулём бородатый водитель.

— Как ты себя чувствуешь Вилена? — неожиданно спрашивает Тагир.

— Спасибо за заботу... Я чувствую страх, очень волнуюсь за дочь, — отвечаю предельно искренне.

— Обещаю, ты скоро увидишься с дочерью.

— Правда? Ты правда это обещаешь?! — восклицаю с огромной надеждой.

Как же безумно хочется верить Тагиру. Впрочем, я знаю твердо, что он не из тех людей кто будет врать. Он всегда говорит то что думает, я в этом уверена. Поэтому, меня охватывает очень сильное облегчение. Возможно все закончится этой ночью, хотя она и так уже наполовину прошла. Скоро рассвет... Валиев не будет держать меня долго, сделает что захочет, и отпустит...

Твержу себе это, как молитву, повторяю снова и снова, и сама не замечаю, как засыпаю. Когда открываю глаза, первое, что понимаю: машина остановилось, и в ней нет никого кроме меня...

Сажусь, оглядываюсь по сторонам.

На улице светло, так сколько же мы ехали, сколько часов я проспала?? И где все мои спутники? Почему я одна машине, которая стоит возле очень высоких железных ворот с красивой ковкой по краю. За забором из красного кирпича виднеется большой дом в окружении сосен. Ворота в этот момент открываются, показывается Валиев. За ним следует водитель. Мелькает мысль, что у меня был единственный шанс убежать, пока они оставили меня... Хотя, это утопия, ведь я понятия не имею, куда меня привезли, да и нога сильно ноет. Бегать такой ситуации было бы полным безумием...

Валиев распахивает заднюю дверь, и я машинально отпрыгиваю назад, к противоположному окну.

— Иди сюда, Вилена, — хмурится Тагир. — Не стоит вести себя как ребёнок. Ты же понимаешь, что это бесполезно.

— Куда ты привез меня? Пока не скажешь, я не выйду из машины!

— Давай без идиотских ультиматумов, — хмурится Тагир. — Я могу позвать несколько человек, они вытащат тебя силой. Зачем тебе это нужно? Я лишь хочу отнести тебя в дом. Ты понимаешь, что сама не можешь идти.

— Ты сказал, что я скоро буду со своей дочерью!

— Не начинай, это уже не интересно слушать, — морщится, как от зубной боли Валиев. — Здесь не конкурс мать года, а совсем другая история. Лучше нам поговорить дома, а не на виду у всех любопытных соседей.

Понимаю, что веду себя как полная дура, вздохнув, придвигаюсь к краю сидения. Валиев обхватывает меня за талию, поднимает в воздух, и легко, как пушинку несет к дому. Успеваю разглядеть очень просторный двор, красивый ландшафтный дизайн, цветы и кустарники, внушительный трехэтажный особняк. Тагир направляется не к парадному входу с высоким кольцом и просторной верандой, а заходит в неприметную дверь сбоку.

— Чей это дом? Куда ты привез меня?

— Какая тебе разница? Тебе нужно сделать укол от столбняка. Врач приедет где-то через час.

— Что мне ему ответить? Спасибо за заботу? Все, что я хотела ему сказать, уже миллион раз озвучила. Но, похоже, это не принесло никаких плодов, так что я решила вообще ничего больше не говорить Валиеву. Он хотел молчания? Вот и отлично...

Тагир вносит меня в комнату на первом этаже, сажает на кровать и уходит, не сказав ни слова. Оглядываюсь по сторонам: довольно простой интерьер, кровать, узкий шкаф, явно не тянет на хозяйскую спальню, что меня, разумеется, только радует. Продолжаю теряться в догадках, что это за дом и какое отношение имеет к Валиеву. Ну не работает же он здесь, как раньше работал на моего отца, охранником? Нет, человек, который покупает особняк, точно не может ни на кого работать. Да и Вероника Астафьева вряд ли стала бы встречаться с простым охранником, насколько я ее знаю... Значит, скорее всего дом принадлежит Тагиру? Интересно, на сколько далеко мы уехали от города?

Больше всего меня убивает мысль, что Варвара будет переживать, когда не вернусь. Что она скажет Насте? Что сама подумает про меня? Вдруг решит, что я подстроила все специально, что сбежала, бросив на нее ребенка. Как она поступит? Вдруг отнесет малышку в полицию? Меня колотит от этих мыслей, с каждой минутой воображение рисует все более ужасные картины. Может случиться что угодно, а у меня даже мобильного нет! Я была в таком шоке, что забыла сумочку, и даже не помню где. Может в зале, в момент, когда меня лотом выставили. А может в комнате, где Валиев заставил меня...

Даже мысленно не могу произнести, что он заставил меня сделать. Пошло, грубо, цинично... Но главное, он явно не получил свое. Что мне сделать, чтобы он отпустил меня? Как поступить? Признаться, что девственница? Или попробовать дать ему желаемое? Задушить в себе страхи, неуверенность и сыграть ту, которую он перед собой видит. Опытную, прожженную шалаву. Он уже сто раз дал мне это понять.

Раздается стук в дверь, я пугаюсь, чуть ли не подпрыгиваю на постели. Дверь приоткрывается и в комнату заглядывает довольно молодая женщина в белом халате.

— Здравствуйте, могу я войти? Я приехала осмотреть вашу рану.

— Да... конечно.

Пока обещанный Валиевым врач осматривает мою ногу, в голове крутятся панические мысли. Попросить женщину о помощи. Сказать, что меня привезли сюда против моей

воли... Но я слишком хорошо знаю, что такое врачи для бандитов. Прикормленные, полностью купленные. Не зря же прилетела на рассвете, едва позвали. Она не станет мне помогать. Шанса почти нет, а риск того что сильнее разозлю Тагира — велик.

Мне делают укол, после которого дико хочется спать. Выключаюсь, так и не сумев выстроить в голове план действий.

Просыпаюсь на рассвете с четким ощущением, что в комнате не одна. Сон был ужасным, поверхностным, меня все время пробирал озноб, в голове все время крутились тысячи мыслей, я ни на минуту не могла перестать переживать о дочери. Так что скорее мое состояние можно было назвать ночным кошмаром. Ни на секунду не получалось забыть об ужасном положении, в которое я попала.

— Я разбудила вас? — восклицает юный голос. — Пожалуйста, простите...

Приподнявшись на кровати вижу совсем молоденькую девушку, которая держит в руках какую-то одежду.

— Думала тихонько смогу занести вещи...

— Все в порядке. Кто вы? — спрашиваю, охрипшим почему-то голосом. Горло побаливает. Только простудиться мне не хватало!

— Моя мама работает в этом доме, я помогаю, — смущенно объясняет девушка.

— Чей это дом? — решаюсь на еще один вопрос. Который, явно смущает девушку.

— Извините, я пойду... Я должна была только занести вам одежду. Тут халат, платье, спортивные брюки и футболка. Может, вам еще что-то нужно?

И прежде чем успеваю подумать и ответить, девушка выскальзывает за дверь.

Рассматриваю принесенные ею вещи. Они явно не из магазина. Ощущение, что кто-то их одолжил, интересно, кто? Эта девушка? Или другая? Почему так сложно объяснить, что происходит?

Но куда хуже ситуация, когда у тебя нет одежды. Так что выбора у меня никакого. Надеваю спортивные тонкие штаны и футболку, розовую, с надписью на английском: «Sweet dream». Вот уж совсем не в тему, какой уж тут сладкий сон, моя жизнь сто процентный кошмар...

□

Мне совсем не хочется выходить из комнаты, но я корю себя за трусость, и все-таки делаю над собой усилие. Дом очень красив изнутри, даже чем-то напоминает музей. Он, пожалуй, куда роскошнее даже, чем дом моего отца. Каждая комната обставлена дорогой мебелью, на стенах дорогие картины, много книжных полок, на которых помимо книг еще и разные статуэтки. Богатство и элегантность, я бы так охарактеризовала этот дом, хотя прошла всего один коридор, заглянула в пару комнат. Ни единой души. Почему-то мне кажется, что это не жилище Тагира. Не подходит ему. Хотя, кто я такая, чтобы решать, что ему подходит?

Когда я уже совсем было отчаялась выбраться из сумрака переходов, и найти хоть кого-нибудь, передо мной оказывается залитый солнцем внутренний дворик, выложенный плиткой, обсаженный диким виноградом. На плетеном кресле сидит моя вчерашняя попутчица, перед ней столик, сервированный завтраком.

Женщина поднимает голову, в ее взгляде нет ни грамма радушия, скорее раздражение. Она делает мне знак подойти.

— Здравствуйте, — подхожу к столику, возле него хлопчет служанка, а рядом с женщиной стоит еще одна, одетая строго, но не похожая на прислугу. Лет сорока, на ней синий костюм, белая рубашка, пиджак застегнут на все пуговицы, хотя солнце припекает так, что мне даже в футболке жарко.

— Доброе утро, — отвечает пожилая дама. — Выспались?

— Да... спасибо.

— Как нога?

— Хорошо...

— Ясно.

— Я могу спросить вас? — нарушаю повисшую паузу, чувствуя усиливающуюся неловкость под не особенно дружелюбными, скорее любопытными, тремя парами глаз.

— Да, конечно.

— Где... Тагир? — с трудом выдавливаю из себя это имя.

— У него дела, он уехал, — коротко отвечает дама в кресле.

— Он ничего не сказал... про меня? Мне домой нужно...

— Он сказал, чтобы ты дождалась его здесь. Но он скоро вернется.

Женщине явно неприятен этот разговор, да и похоже мое здесь нахождение — тоже. Но ведь она должна понимать, что и мне все это крайне неприятно.

— Можете идти, Ольга Петровна, — обращается к женщине в костюме, и ты Амина, тоже. Да, Амина, принеси, еще одну чашку и приборы, для девушки, — добавляет, когда служанка уже повернулась спиной. Та разворачивается и кивает.

Обе женщины уходят, мы остаемся наедине.

— Ты можешь сесть, Вилена, — произносит моя собеседница, а я вдруг понимаю, что мы даже не представлены друг другу. Как ее зовут? Вчера в кабинете я слышала женское имя. Наверное, те слова относились к ней, хотя не могу быть уверенной. В любом случае, то имя отчество сразу вылетели у меня из головы.

— Я не голодна, — говорю первое, что приходит в голову, и тут же желудок предает меня, жалобно урчит, а женщина напротив усмехается.

— Садись. Советую подкрепиться. Силы тебе понадобятся.

Против таких слов невозможно оставаться спокойной. Сажусь, сцепляю руки на коленях, заламываю под столом пальцы — моя неосознанная привычка с детства, когда нервничаю, всегда так делаю.

— Меня зовут Маргарита Сергеевна, ты находишься в моем доме. Боюсь это максимум информации, которую могу тебе дать, — сказав это, женщина достает сигарету. Затянувшись, продолжает разглядывать меня.

Прибегает служанка с приборами. Ставит передо мной тарелку. Дрожащей рукой поддеваю кусочек свежего огурца.

— Амина, поухаживай за нашей гостьей, наполни ее тарелку, — холодно приказывает Маргарита Сергеевна.

Принимать пищу в компании «Железной леди», так я окрестила мысленно свою собеседницу, так себе удовольствие, мне с трудом удается проглотить немного омлета, пару кусочков огурцов и половинку хрустящего тоста.

— Большое спасибо за завтрак, — чуть отодвигаю от себя тарелку. — Вы можете позвонить Тагиру и сказать, что я очень жду, когда он приедет? Он должен отпустить меня...

— Я была вчера в том доме, задумчиво произносит Маргарита Сергеевна, отпивая кофе. Ты, наверное, помнишь это, ты меня видела. Как и я тебя.

— Да, конечно. Потом мы вместе ехали сюда... Я при вас рассказывала, что у меня ребенок, я не могу разъезжать по гостям...

— Да, это я слышала. Знаешь, я совсем не рада тебе в этом доме, — совершенно невыразительно, без тени эмоции признается женщина. — Но я не могу отпустить тебя, увы. Это дело Тагира. Я не стану вмешиваться.

От ее слов спина покрывается липким потом. Что значит вмешиваться? О чем она? Прозвучало так, словно Валиев меня тут пытать планирует.

— Не надо оправданий, Вилена, — видя, что собираюсь ответить, перебивает меня Маргарита. — Для меня они не могут иметь значения. Объясню почему, хотя не считаю, что обязана оправдываться перед тобой. Дело в том, что однажды ночью, я услышала стон. Я гуляла с собакой, с моим любимцем Арчибальдом, которого уже нет со мной, к сожалению... И услышала, как кто-то стонет, хрипит на обочине. Это был Тагир. На него было страшно смотреть. То есть, тогда я не знала, кто это. Невозможно было даже понять, мужчина это или женщина.

Меня передергивает от этих слов, завтрак просится наружу от нарисованной картины.

— Да... Вилена. Это было жутко. Наверное, ты знаешь число, месяц и год, когда произошло это событие? Догадываешься?

Опускаю голову, и тяжело сглотнув, киваю.

— Тагир не из тех, кто будет мстить женщине. Он мне даже никогда не рассказывал, что произошло. Я узнала урывками, от других людей. Я вы/ходила его. Хотя, в то время это было опасно — его искали. Твой отец искал, чтобы добить. Когда я собрала, спустя время обрывки информации, мне стало даже любопытно, взглянуть на девчонку, которая все это затеяла. Знаешь, в то время я говорила, и не раз, Тагиру — тот, кто это сделал, заслуживает самой жестокой «ответки». Но поверь, вчера вечером, когда мы ехали на этот аукцион, нам и в голову не приходило такое. Ни я, ни он не подозревали о том, что ты там будешь стоять как лот, и на тебя будут делать ставки. Для меня это был шок. Да, я хотела побывать в доме

проклятого мерзавца Шахова. Для меня это было все равно что посетить склеп Дракулы.

Женщина замолкает, мне все сложнее держать голову прямо и смотреть ей в лицо. Хочется сжаться в комок. Хотя в ее голосе нет ненависти. Есть презрение, и пожалуй, это еще хуже...

— Не знаю, что тебя привело туда, — помолчав, добавляет Маргарита Сергеевна. — Да по большому счету, мне и не интересно. Открывать свою жизнь перед тобой — тем более, не интересно. Меня волнует только Тагир. Не хочу, чтобы ему что-то навредило. Сразу предупреждаю тебя. Если это какой-то план...

— Я уже никому не могу навредить, — признаюсь сдавленным голосом. — Нет никакого плана. Меня обманом туда завлекли... Не знаю, за что. Не хочу верить, что предала единственная подруга...

Меня душат слезы. Но если расплачусь — буду выглядеть уж совсем жалко. А главное — больше всего боюсь, что не смогу остановиться. Я так долго запрещала себе слезы. Лишила себя права на них... Последний раз я плакала в ту жуткую ночь... оплакивала Тагира, молила отца о пощаде...

— Возможно. Возможно ты тоже жертва... Я не знаю, — с сомнением смотрит на меня Маргарита.

— Я готова принять любое наказание. Меня лишь ребенок заботит...

— Это похвально, такие сильные материнские чувства, в твоем возрасте.

— Я не знаю, что мне делать, — признаюсь женщине, кусая губы.

— Пока ты можешь только ждать. Возможно, Тагир отпустит тебя, как только вернется.

Могу сказать только одно — физически он ничего не сделает тебе. Он не насильник. И уж тем более, не убийца. Просто жди.

* * *

Тагир

— Узнай все что только можно, про мужчину с которым Шахова приехала в особняк, — приказываю своему помощнику. — Найди его, даже если придется перерыть весь город и окрестности. Из-под земли достань.

Морщусь от собственных слов. Тратить время на то, чтобы раскопать историю Вилены Шаховой — вот уж не думал, что когда-нибудь стану этим заниматься. Это раздражает. Я давно вычеркнул из памяти старую историю.

Впрочем, Вилену я в событиях той ночи никогда не винил. Я знал кто такой Шахов, когда шел на него работать. По своей воле на это никогда бы не пошел, пришлось. Пропал двоюродный брат, и вся моя семья считала, что причиной тому — разборки с Шаховым. Возник план — подобраться к этому урке поближе, влезть в доверие. Чем я и занимался, пока мои планы не спутала сексуальная нимфетка, дочь Шахова. Которая при каждой встрече глаз с меня не спускала. Идиотка решила выбрать меня в качестве объекта своих эротических грез. Черт, это было... Даже слова не найти... Меня это дико бесило, я и так ходил по лезвию, вот только ее не хватало. Рано созревшая, юная, сладкая... Когда такой ребенок смотрит на тебя как на мужика, непросто удержаться и не отшлепать как следует. Выбешивало, выворачивало нутро ее внимание... И в то же время влезало в душу.

Особенно ее крики, отчаянные вопли, когда меня избивали. Орала, что сама виновата во всем, защищала меня. Задела что-то внутри своей смелостью, я же понимал, что другая бы всю вину на меня свалила перед папочкой.

Маленькая дурочка. Я никогда не планировал ей мстить. Выжил, выбрался, и забыл о ней, выбросил из головы. Было несложно — девчонка исчезла. К лучшему — я сосредоточился на папаше. Изначальная цель, свалить проклятого борова, от которого с каждым годом исходило все больше кровавой агрессии.

Мне повезло в ту ночь дважды: во-первых — из рук бандитов Шахова вырвался. Второе — не подход в канаве, добрая женщина нашла и выходила.

Стала мне второй матерью. Моя мать умерла, когда мне было десять, а следом и отец. Так что семья — это два старших брата. Маргарита Сергеевна, одинокая, без мужа и детей, как сына меня приняла. Три месяца у нее отлеживался. Даже братьям не мог дать о себе весточки. Только когда дошли слухи до меня, что войну мои родственники собираются против Шахова организовать, пришлось выбираться из подполья, чтобы остановить братьев. Мечь лучше осуществлять на холодную голову.

С Шаховым все равно не повезло: кто-то раньше нас успел с ним расправиться. Никакого удовлетворения не принесла его смерть, взрыв — не то что мы планировали.

Маргарита Сергеевна удивила меня желанием поехать на распродажу имущества покойного. Аукцион в доме Шахова, бандитские элиты города, я пытался ее отговорить, но дама она слишком упрямая. Пришлось самому ехать, проконтролировать чтобы все прошло гладко, и моя приемная мать купила все что пожелает.

Когда увидел Шахову...

Черт, почти нереально описать то состояние. Ударило под дых, расплющило. Юная, девчонка совсем, по моим прикидкам ей девятнадцать, не больше.

Когда в больнице у Вероники ее встретил — выглядела не больше чем на семнадцать, при том, что родить успела, дурочка озабоченная.

На сцене, в качестве лота, за который сразу начали торговаться бешено, она куда взрослее смотрелась. Яркий макияж, вызывающее платье.

Зачем я ее купил? Ходячая неприятность, это же сразу было ясно как день. Более того, я почти уверен, что это подстава, чья-то игра. Девчонка может быть приманкой. Есть много сил, близких к Шахову, кому не нравится, что мы с братьями взяли под контроль большую часть города. Запретили продавать наркоту, вычистили все притоны. Установили свои правила.

Так что первым делом надо узнать, кто стоит за этим представлением. Кто должен был купить Шахову. Или действительно все дело лишь в деньгах?

Я на этом аукционе не должен был быть, никто не мог догадаться что туда приеду. Даже Маргарита не знала. Заехал на минуту, и получил в свое пользование роскошную, сексуальную игрушку. Потасканную, правда. А выглядит наоборот, как сама невинность.

Особенно когда стоит перед тобой на коленях, и неловко пытается расстегнуть тебе брюки. Берет в рот член, настолько неумело, аж зубы сводит. Словно делает это впервые.

Надо было выдрать ее в этот момент, быстро и жестко, не церемониться. Меня буквально корежило от гнева, на то что продала себя так задешево. Шлюха. И правда, есть женщины, которые рождаются шалавами. Но не знаю ни одной, кто бы выглядел при этом такой непорочной. Даже на коленях стоит с королевским достоинством. Изумительная фигура, плавные изгибы, тончайшая талия, впалый живот и волосы почти до задницы —

маленькой, крепкой, округлой. Спутанные волосы, босые ноги...

□

Вилена решила сыграть роль жертвы, однако выглядела неотразимой, чарующей соблазнительницей. Она почти лишила меня контроля в этой чертовой комнате... при этом не прикладывая никаких усилий.

* * *

— Пока никаких новостей, Тагир, не можем отыскать мужика, который привел Шахову на аукцион.

— Ясно, продолжайте рыть, Дауд, этот парень мне нужен живым и способным разговаривать. Что еще узнали?

— Я нашел одноклассницу Вилены, она жутко напугана, аж трясется вся, от страха говорить почти не могла. Призналась, что она познакомилась с Виленой и того мужика, антиквар он, приятель мужа этой бабы... Викой зовут. Но клянется, что не знает куда тот делся, муж тоже ничего не знает. Перепуганы они конкретно, хотя я наоборот, нормально с ними пытался...

— Ну да, ясно, — усмехаюсь.

Внешность Дауда напугает любого — хоть и не высок ростом, зато сплошные мускулы, лысый череп и черная густая борода. Такого любой испугается, но зато ему никто не пытается врать.

— Эта баба, Виктория, она еще про ребенка все бормотала. Что сиротой девочка осталась, у чужой бабки. Я проверил, и правда, дочь Вилены сейчас со старухой живет, та когда-то прислугой вроде в доме Шахова работала.

— Отправь к ним какую-нибудь женщину. Сам не ездь, не пугай. Пусть денег им даст, купит все необходимое, не знаю, детское питание, продукты, игрушки.

— А что про Шахову то сказать?

— Вернется к дочери. Через... скажем, пару дней. Может, неделю.

— Ты уверен, что успеем найти антиквара?

— А ты постарайся, Дауд. Рой лучше.

Хватит ли недели, чтобы вытрясти из Вилены правду? Или чтобы поиметь ее? Она ведь сама на это напрашивалась, давно. Сейчас, можно сказать, что она разбудила и мой интерес. Я хочу ее. Хочу много, долго и жадно иметь Шахову под собой.

Вилена

Прошли почти сутки в чужом доме, ожидание становилось совершенно невыносимым. Я не могла находиться в выделенной мне комнате. Сидеть сложа руки, ходить из угла в угол, это сводило с ума. Время тянулось ужасно медленно. И тогда я, не выдержав, снова отправилась на поиски хозяйки дома. Нашла ее в кабинете, за старинным письменным столом, заваленном книгами и попросила разрешения хоть чем-то заняться. Окна вымыть, не знаю, картошку почистить. Лишь бы отвлечься...

— Хорошо, иди на кухню, я скажу Ольге Петровне, что ты — новая прислуга. Если тебя конечно не смущает такая должность, — усмехается женщина.

По лицу Маргариты Сергеевны видно, что она ни на грамм не поверила моему стремлению к физическому труду. Ну конечно, как и для всех остальных, для нее я богатая

игрушка, выросшая в достатке.

— Нисколько не смущает, а если это ускорит мое освобождение, я вам ведь дом до пылинки вылижу, — говорю с энтузиазмом.

— Ничего не могу тут решать, это к Тагиру. Ты его игрушка, он заплатил цену, — спокойно перебивает меня Маргарита.

Слово «игрушка» бьет, точно пощечина. Понятно, что эта женщина никогда не изменит мнение относительно меня. Да и плевать! Не могу сидеть без дела, начинаю с ума сходить, так что лучше должность служанки.

Конечно, у меня был и другой интерес, помимо желания отвлечься, пока жду своего палача. Попробовать разговориться с прислугой, найти контакт, возможно узнать какие-то лазейки, чтобы можно было сбежать. Хотя-бы узнать, где нахожусь... Сколько отсюда до дома Варвары и как можно добраться.

Я помогала Амине наводить порядок в хозяйской спальне, которая буквально кричала об одиночестве — была завалена книгами, журналами, несколькими недовязанными свитерами на спицах. В многочисленных рамках на комодке — сплошь фотографии Маргариты Сергеевны в обнимку с красавцем — пушистым шпицем шоколадного окраса.

Судя по тому, что в доме собаки не слышно, это тот самый любимец, которого уже нет в живых. Протираю рамку и ненавязчиво расспрашиваю Амину о том, давно ли она тут работает, живет ли тут, или ездит на ночь домой, ну и все что приходит в голову по ходу разговора.

Амина не очень разговорчива, и я сбавляю напор, убираюсь молча, погружаюсь в собственные мысли, страхи и фантазии.

Вечером с непривычки падаю без сил, утром меня будит в семь утра Амина.

— Ты еще спишь? Ольга Петровна в ярости, что ты не в гостиной. Она по утрам всегда там инструктаж проводит. Давай быстрее...

— Я же не знала...

Ну вот, сама напросилась, оказывается тут как в казарме, строгие порядки и дисциплина...

В обед узнаю новость — Маргарита Сергеевна, оказывается, уехала на курорт, путевка у нее в Испанию. Даже не сказала ни словечка на прощание, как будто в порядке вещей, что тут у нее подневольный человек в доме обитает. Пристроила прислугой, и забыла похоже обо мне. Интересно, может мне еще и заплатят? — иронизирую про себя с горечью. Деньги бы не помешали... Рано или поздно история с Тагиром закончится, я почти уверена, что он меня отпустит, как только вернется. Зачем я ему нужна? Скорее всего, он уже забыл обо мне. Может даже забыл, что в этом доме оставил. Развлекается с Вероникой, а я с ума схожу, думая, как там Настя. Конечно, баб Варя женщина добрая, не потащит она ребенка сразу в полицию, да и побоится скорее всего. Стараюсь этим себя успокаивать.

* * *

Ольга Петровна оказалась настоящим цербером, совсем загоняла меня, заставила все окна на первом этаже перемыть. Мышцы ноют с непривычки, поясница ломит. Стоило хозяйке уехать, как эта женщина почувствовала свою власть, и явно ею наслаждалась, делая жизнь всех, кто работал в это доме — невыносимой. Помимо Амины тут еще были кухарка и

садовник. Но особенно ей нравилось докапываться именно до меня, постоянно высказывала недовольство. Приходилось молчать, сцепив зубы. Я ведь сама напросилась. Похоже, Ольге Петровне было об этом неизвестно, и она видела во мне реально новенькую служанку. Даже униформу надеть заставила. Голубое платье и белый передник, как в кино прямо.

— Слушай, я не думала, что в рабыни попаду, — признаюсь Амине, уже реально переживая о том, что происходит.

□

— Да, Ольга Петровна очень строгая и требовательная, — вздыхает девушка.

— У меня уже кожа на руках потрескалась...

Мне не хочется жаловаться, но болит все сильнее, хорошо хоть день подходит к концу...

— Вилена, пойдем со мной, — заглядывает в комнату Церберша, и я едва подавляю стон.

— Я думала рабочий день окончен...

— Нет, он будет окончен, когда я об этом тебе скажу. Нужно вымыть ванную, Вилена.

Ольга Петровна приводит меня в комнату на самом верхнем, третьем этаже. Я думала так высоко уже нет жилых помещений, но оказалось, что ошиблась. Огромная комната, стильная, холодная, и по ощущениям — мужская. Это явно не спальня Маргариты Сергеевны. Тут нет ни безделушек, ни фотографий. Даже картины строгие, какие-то иероглифы и ломаные линии. Огромная кровать, даже больше чем двуспальная. На ней черное меховое покрывало. Две идеально правильной формы декоративные подушки, на которых тоже вышиты золотом иероглифы. Красиво, и почему-то пугающе. Неужели это комната Валиева? Зачем Ольга Петровна привела меня сюда?

— Вот сюда, — женщина толкает дверь, которую я прежде и не заметила сбоку. К комнате, оказывается, примыкает санузел. Очень просторный, метров пятнадцать. Я так привыкла последние годы жить в тесноте, что мне не по себе от подобной роскоши. Все выполнено в золотисто-черных тонах. Изумительно красивая плитка, явно очень дорогая. И посередине белое огромное пятно — круглая джакузи, похожая на космический корабль.

— Вымой ванную, в смысле все здесь, чтобы блестело, и можешь отдыхать, — сказав это, Ольга Петровна уходит. Чувствую себя Золушкой, и это совсем не романтично — злая мачеха даже не сказала где могу взять резиновые перчатки! Руки и так саднят, целый день то окна, то пол, то посуда. Спина ноет. Да, стыдно признаться, но я никогда столько не работала. Невольно сочувствую женщинам, которые выбрали профессию горничных, уборщиц. По своей воле точно никто не идет на такие должности...

Хоть бы сказала эта Ольга Петровна, почему ей приспичило тут убраться! Ведь и так чисто, ну может пыли немного... Неужели Валиев сегодня приедет? Вот только не хватало чтобы он меня в таком виде застал. Хотя, вряд ли его можно удивить или впечатлить чем-то подобным...

□

Тагир

— Я совсем забыла, дорогой, у меня путевка в Испанию, — сообщает по телефону крестная мать. Так я привык ее называть даже мысленно. Женщину, которая спасла мне однажды жизнь. Маргарита Сергеевна по натуре одиночка, ей никто не нужен. От родителей достались деньги, акции, выплаты за патенты, так что с рождения и до смерти обречена жить в достатке, роскоши. Могла бы купить мужа, взять приемного ребенка. Но этой женщине крайне трудно открывать свое сердце для кого бы то ни было. Тем для меня ценнее, что меня она приняла и полюбила как сына.

— Хорошего отдыха. На сколько ты улетаешь?

— Две недели.

— Я отвезу тебя в аэропорт.

По дороге Маргарита задает вопрос, который ей явно неприятен.

— Эта девушка, Тагир... Сколько она еще будет пугаться у тебя под ногами? Зачем ты пошел на эту сделку? Ты же не планировал покупать дом Шахова. Это была моя прихоть, поехать на тот аукцион. Как же я жалею об этом... Зачем тебе этот дом? Ну хорошо, ладно, дом... Но Шахова... Она уже причинила тебе однажды вред. И сделает это снова.

— Почему ты так считаешь? Я не маленький мальчик.

— Я не о тебе говорю, а о ней. Есть такие люди, они сами по себе несут угрозу, рок, понимаешь? Вилена именно такая. Ангельская оболочка, а внутри дьявол сидит. Возможно, она даже не властна над этим. Всему виной ее карма. Что бы в ней такого ни было, надо держаться подальше.

Меня немного забавляют различные предрассудки и убеждения Маргариты. Она верит в слишком много всего.

— Прости, что втянул тебя. Подумал, что это безопасно... Если тебе неприятно, я ее перевезу.

— Перевезешь? Но куда? В дом к братьям? Или к себе на холостяцкую квартиру?

— Да... возможно отвезу в квартиру.

— Верно, потому что братья точно не примут, они же ее сразу закопают в саду, как только увидят! Только намекнешь им, с кем связался...

— Никто ни с кем не связался, Марго. Успокойся. Я лишь провожу расследование.

— Я не могу не волноваться о тебе, и ты это хорошо знаешь, дорогой. Ты мой сын, названный. Я всегда буду переживать.

— Об этом переживать не стоит. Отдыхай и ни о чем не думай.

— Кстати... девушка пожелала, пока ждет тебя, немного подработать прислугой. Надеюсь, ты не разозлишься на меня, за то, что я разрешила.

— Мне наплевать чем она занимается, ты хозяйка своего дома.

— Прощу, реши вопрос с ней побыстрее, — вздыхает Марго, целуя меня на прощание, возле прохода на посадку.

Странное чувство посещает меня по дороге к дому названной матери. Волнение. Предвкушение.

К дому Маргариты подъезжаю ближе к полуночи. Меня встречает полная тишина, понятно, что прислуга спит. Чем ещё заниматься, когда нет дома хозяйки? Тем более, я никого не предупредил о своем визите, кроме самой Маргариты. Попросил её не передавать Ольге Петровне, иначе никто бы конечно не лег спать, меня бы ждал накрытый ужин. Совершенно ни к чему, я успел перекусить с братьями, в ресторане. Сложно сказать, почему я решил переночевать сегодня в доме Марго, а не отправиться туда утром. Точнее, понятно, что дело в сексе. И все же, я не уверен, что зайду в полночь в комнату Вилены и наброшусь на нее.

Мне претит насилие над женщиной, мужчины, которые способны поднять руку на более слабого — кажутся мне омерзительными слизняками. Нет, я конечно не собираюсь быть особенно ласковым и нежным с девчонкой, которая знает возможно о сексе больше меня самого. Но и пугать ее нет в планах. Вилена меня хотела еще когда ребенком была. Рано созрела девочка. Тогда она не вызывала у меня ничего, кроме раздражения и злости. Но потом, гораздо позже, я понял, что не могу выкинуть ее из головы. Ее отчаянную попытку вырвать у меня поцелуй. Ее чувственность, сквозившую в каждом движении, жесте. Невероятно сексуальная малышка. Уверен, она не станет долго изображать недотрогу.

* * *

Дом погружен в безмолвие. Стараюсь передвигаться бесшумно, это сложно, чтобы добраться до моей комнаты надо пройти через весь дом. Марго настояла, чтобы создать мне настоящую холостяцкую берлогу. Первое время, когда попал сюда — на первом этаже валялся, и шагу не мог сделать. Потом, оклемавшись, захотелось покоя, чтобы ни звука не слышать. Перебрался под самую крышу, с разрешения хозяйки. Отличное место, сразу мне понравилось, особенно — огромное окно, летом открываешь и как на улице спишь, на свежем воздухе. Гораздо позже Маргарита сделала ремонт, очень старалась. Но с тех пор как она сделала все это, я ни разу не ночевал здесь. Не специально, так вышло, то времени не было, то повода. Забавная ирония, что поводом стала Вилена Шахова...

Замираю на пару секунд возле комнаты, куда ее поселили. Полная тишина, свет не горит. Спит, скорее всего. Зайти к ней — огромный соблазн. Но я умею бороться с соблазнами. Зависимость человека — его клетка. Невозможно чувствовать себя свободным, если зациклен на чем-то, пусть даже на мелочи. Нельзя позволить себе слабость. Да, я хочу эту девушку. Но не вот так, разбудив ночью, наверняка испугается...

Поднимаюсь в свою комнату, бросаю пиджак на кровать, расстегиваю рубашку и направляюсь в ванную, чтобы принять душ перед сном. Холодный. Мысли о Вилене, которая совсем рядом, готовая — уверен, согреть мою постель, заставляют кровь кипеть.

Вхожу в ванную, продолжая читать сообщения на телефоне, и замираю на пороге. Моим глазам открывается картина, которую уж точно не ожидал увидеть, даже в самых смелых фантазиях. На меня находит, в прямом смысле, ступор. Одетая в униформу служанки Вилена, склонившись над ванной, тщательно вытирает ее тряпкой.

Маргарита очень требовательна к эстетике, поэтому ко всему подходит тщательно и со вкусом, отсюда и униформа для прислуги. Но блядь, я точно не думал, что увижу в таком

виде Шахову. Ночью. В своей комнате. Картина напоминает кадры из порно. Даже трусики могу разглядеть, так сильно девушка наклоняется над ванной. Упругая задница, небрежный, растрепавшийся хвост, в который Вилена стянула свои шикарные волосы...

Если это специально срежессированный спектакль для меня, то его создатель — безусловный гений. Эффект достигнут на сто процентов. Меня прошибает пот, сердце начинает стучать яростно, шум в ушах оглушает, кровь с шипением хлещет по сосудам, член становится каменным в секунду.

Если Вилена решила поиграть со мной в эту игру, то я только за, самому не терпится начать. Кладу телефон на край раковины, не отрывая взгляда от девушки, которая меня до сих пор не замечает. Или делает вид, мне плевать в чем истина. Увлеченно трет нижний край ванной. Медленными шагами подхожу сзади, опускаю ладони на ягодички девушки. Вилена дёргается, резко, сильно, замирает. Медленно полуоборачивается. Я готов засадить прямо сейчас, в эту секунду. Скольжу ладонями чуть ниже, касаюсь края трусов. Предвкушаю ее влажность, в которую скользнут мои пальцы, а следом член, который уже разрывает от стояка. Вилена вздрагивает всем телом, а затем начинает лихорадочно вырываться. Разворачивается ко мне, при этом отшатываясь назад, едва успеваю обхватить её талию, чтобы она не упала назад спиной, в ванную.

— Приятно, когда тебя встречают вот так, — произношу хрипло.

— Мне никто не сказал... что вы..., - девушка запинается, выглядит ужасно испуганной, глаза огромные, круглые, в них плещется паника. Неужели реально так играть? Тогда ей прямая дорога в Голливуд.

— Что тебе должны были сказать?

— Ничего... Ольга Петровна велела вымыть тут все... Я уже закончила, — продолжает оправдываться дрожащим голосом.

Только сейчас замечаю, что Вилена до сих пор держит в руках тряпку, нервно тербит ее, выставив перед собой, словно щит.

— Спасибо за чистоту, — усмехаюсь криво, пряча боль, которую причиняет стояк. Не узнаю собственный голос, который звучит скрипуче, сдавленно.

— Отпусти, пожалуйста, — умоляюще смотрит девушка.

Понимаю, что все еще стискиваю ее талию. Одновременно вдавливаясь ей в живот. Она чувствует мое возбуждение. Его невозможно не заметить.

Убираю руки и делаю шаг назад.

— Спасибо, — Вилена нервно облизывает губы. — Я могу идти?

— Нет.

— Но почему? Я... очень устала.

— Я тоже. Смертельно устал от игр. Может хватит?

— Не понимаю, о чем ты! Надеюсь, ты не думаешь, что я пришла сюда по собственной инициативе?

— Мне абсолютно наплевать, Вилена, как ты тут оказалось. Я рад что ты здесь. Да, я понял, что ты здесь не по собственной воле. Но раз уж пришла, убралась, спасибо тебе большое. Но я попрошу еще об услуге.

— Да? Какой? — нарушает повисшую паузу дрожащий девичий голос.

— Наполни ванную. После долгого дня хочу полежать в пене.

Какой же кайф наблюдать, как лицо девушки заливается густым румянцем, её лицо

краснеет буквально на глазах. Смотрю, как бьётся жилка на шее, как судорожно дёргается горло, Вилена тяжело сглатывает и кивает. Снова поворачивается спиной, но на этот раз старается не наклоняться. Откручивает краны, берет большую бутылку с пеной для ванны, наклоняет, выливая в струю, что хлещет из крана.

Вилена

Я так ждала момента, когда Тагир появится в этом доме, готовила себя к тому, что позволю ему делать с собой все, что пожелает. Но сейчас, когда ожидания обрушились на голову абсолютно внезапной, бешеной лавиной, пасую перед натиском. Внутри паника, страх и стыд. Почему обязательно надо было вот так? Неужели Ольга Петровна намеренно подставила меня, подготовила эту ситуацию?

Нет, это бред. Зачем ей это? Впрочем, какая разница кто и что подстроил? Как взять себя в руки, суметь хотя бы мыслить связно? Хотя это нереально, когда ты находишься в тесном пространстве с мужчиной, который подавляет тебя своим ростом, своей харизмой...

Чувствую себя потной, грязной, я же не к сексу готовилась, а старалась вымыть тут все как можно быстрее, чтобы вернуться в свою комнату, чтобы наконец отдохнуть. Вспотевшая, мокрая... Это еще больше смущает, мне почти невыносимо стоять перед Валиевым вот такой, жалкой. Лохматой, лицо влажное, покрасневшееся. Краем глаза бросаю взгляд в зеркало над раковиной и прихожу в ужас. Я пугало огородное! Как раз думала о том, что надо принять душ, о том, как устала, только бы до постели добраться — сразу вырублюсь. Но стоило увидеть Валиева — весь сон как рукой сняло. Его глаза, пожирающие меня, горят влажным блеском. Он меня так просто не отпустит, я это чувствую. Да, я ждала его для разговора, готовилась, придумывала разные предложения, извинения, аргументы... Но сейчас все вылетело из головы.

Он что-то говорит мне, я что-то отвечаю, но все окутано плотным туманом. Просит налить ему ванну с пеной. Дрожащей рукой откручиваю краны. Когда вода начинает набираться, поспешно отхожу подальше, словно стоять рядом с Тагиром для меня смертельно опасно.

Он никак не реагирует на это. Может, мне уже тогда совсем можно уйти? Поворачиваюсь, чтобы спросить об этом и замираю. Валиев раздевается! Обнажается, прямо передо мной, ничуть не смущаясь! Расстегивает рубашку и отбрасывает ее в сторону. Замираю, потому что взгляд падает на загорелый обнаженный торс. Валиев поджарый, ни грамма лишнего жира, сплошная мускулатура. И шрамы. Они как некий узор, кривые, пересекают бок, живот, даже над сердцем замечаю короткую кривую линию.

Меня начинает колотить от ужаса. Так трясет, что даже зубы стучат.

— Подойди ко мне, девочка, — тихо приказывает Валиев, и я, как зачарованная, подчиняюсь.

Когда оказываюсь рядом, крепко зажмуриваюсь. Длинная пауза. Тагир ничего не говорит, ни словечка. Медленно приоткрываю глаза, буквально заставляя себя.

— Почему ты так дрожишь? — хрипло спрашивает Валиев. — Настолько боишься меня?

Отрицательно мотаю головой. Хотя мне действительно страшно до чертиков. Он может убить меня... причинить боль. И я пойму. Ведь из-за меня он столько пережил...

— Эти... эти шрамы... Мой отец сделал это? — спрашиваю с трудом, голос квакающий, но сейчас мне наплевать насколько я жалкая, все мое существо оглушено сильнейшим чувством вины. Наверное, в таком состоянии люди принимают безропотно даже смерть...

□

— Не все. Частично.

Боже, он еще умудряется усмехаться при этом? Тогда как меня корежит от вины...

— Понимаю, что мои слова ничего не изменят, — произношу едва слышно. — Но я все равно скажу... Вина сжирала меня заживо все эти годы. Прости меня...

— Мне не нужно твое покаяние, — холодно отвечает Тагир. — Ты права, оно ничего не изменит. Я никогда не винил тебя, не говорил себе, что буду тебе мстить. Нет, всему виной твой бешеный папашка, полный беспределщик, настоящий садист.

— Ты правда не планировал... не хотел, чтобы я за все ответила? — заглядываю в его лицо с надеждой.

— Никогда. Но это не означает, что я добрый фей, который заплатил огромную сумму за тебя бескорыстно, просто вдруг пожелав спасти тебя от проблем, на которые ты наткнулась по собственной глупости. Если ты так подумала, то ошиблась. Я возьму то, за что заплатил, девочка. Отсрочка произошла не из-за моей склонности к благотворительности. Всего лишь отвлекли более важные дела.

Слушаю все это, сжимая и разжимая ладони от беспомощности, чувствуя, что вот-вот расплачусь. Взяв себя в руки, стараюсь сделать спокойный и безмятежный вид, киваю в знак согласия. Это все же лучше, чем утомительное и бесполезное сопротивление, в результате которого все равно придется сделать так, как захочет Валиев. Тот, кто купил меня на аукционе. Снова проговариваю это про себя. Надо же. Уже не так дико звучит. Привыкаю? Во всяком случае, уже поняла, что без толку говорить "нет" мужчине, который не знает значения этого слова.

Валиев начинает расстегивать брюки, смущенно опускаю глаза.

— Вода готова. Я могу идти? — произношу, набравшись смелости.

— Я думал, что ты уже поняла.

— О чем ты?

— О том, что придется составить мне компанию.

Меня снова пронзает сильнейшая судорога, будто током. Я была совершенно уверена в том, что он не станет набрасываться на меня, что отпустит. Даже дыхание перехватывает от горечи. Хотя он честно признался, сказал кем меня видит, что я лишь игрушка для него. И все равно, не верила...

Тагир вновь взглянул на меня, его взгляд тяжелый, давящий, аж сердце заболело.

— Хватит игр, Вилена. Я устал. Думаю, ты тоже.

Подавленная безнадежностью, облизываю губы, пытаюсь справиться с сухостью во рту. Все тело напряглось так, что даже кожа на голове заныла. Это не страх, скорее оцепенение, от ощущения полной беспомощности.

Тагир сбрасывает брюки, за ними на пол летят и трусы, в этот момент я зажмуриваюсь. Глупо, по-детски, я это понимаю, но ничего не могу с собой поделать.

Плеск воды говорит о том, что Валиев уже в ванной.

— Я бы предпочла помыться у себя, — говорю, не рассчитывая на успех.

— Ты хорошо знаешь, что сопротивление заводит. Хочешь, чтобы я голый бегал за тобой по дому? Чтобы разбудили прислугу? — усмехнувшись, говорит Тагир. — Потри мне спину.

Он протягивает длинную мочалку из люфы. Дрожащей рукой беру ее.

— Ну же, Вилена. Не спи на ходу.

Тагир выглядит совершенно беспечным, словно ему постоянно оказывают такие услуги

в этом доме... Может, так оно и есть.

Почему-то эта мысль меня разозлила. Вырываю мочалку у него из рук, хватаю первый попавшийся гель с длинной стеклянной полки, выливаю и начинаю тереть с силой... и замираю. На спине тоже есть шрамы. Не сильно большие, но мне страшно водить по ним жесткой мочалкой... Почему у Валиева тело средневекового воина, прошедшего множество сражений? Конечно, я не стану об этом спрашивать...

— Ммм, как приятно. Твои руки волшебны, — Тагир откидывается вперед, подставляя мне и нижнюю часть спины тоже. Его глаза закрыты.

— Иди сюда, Вилена. Хватит играть.

Его ладонь неожиданно сильно стискивает мое запястье, мочалка выпадает из рук, а в следующую секунду сама не понимаю, как оказываюсь в ванной. Он затаскивает меня в воду прямо в платье прислуги...

— Что ты наделал? — вырывается у меня. — Ольга Петровна меня убьет!

— Меньше всего меня сейчас волнует шмотка. Ты устроилась сюда на работу? Откуда такое рвение? — сдвигает брови, но видно, что откровенно посмеивается надо мной.

— Да... устроилась. Мне было скучно.

— Интересный способ развлечься. Я знаю получше. Извини, детка. Я забыл про чертову одежду. Давай, помогу.

— Нет! Я... сама.

Выбраться из мокрой синтетики непросто, и в результате Валиев все же помогает мне, причем резкими движениями, ткань трещит, я вздрагиваю, как от страха за чужое имущество, так и от прикосновений Тагира. Он отбрасывает мокрую вещь куда-то далеко. Тянет руки к моим трусикам. Резко дергает, разорвав. Мое единственное белье... Других нет. Закусываю губу, подумав об этом. И тут же все вылетает из головы, потому что пальцы Тагира проникают между бедрами, гладят нежно, но властно...

— Пожалуйста, — умоляю шепотом. — Не надо...

— Хватит дрожать, девочка. Не заводи меня сильнее, — почти рычит Тагир, притягивая меня еще ближе.

Как сказать, что я не специально? Неужели не понимает, насколько сильно мне страшно?

— Пожалуйста, хватит...

Взгляд Валиева задерживается на моей груди, пока еще прикрытой бюстгалтером. Обхватываю себя руками.

— Пожалуйста, не рви! У меня же больше нет белья!

Боже, как стыдно, сама не понимаю, как вырвались эти слова.

Мне бы хотелось быть совсем другой. Уверенной. Дерзкой. Соблазнительной. Как он может хотеть такое жалкое существо?

Тагир медленно берет меня за запястья. Разводит руки в стороны. Затем его ладони скользят мне за спину, находят застежку. Расстегивают нарочито аккуратно. В этот момент мне уже плевать на бюстгалтер. Его взгляд на мгновение застывает, гипнотизирует. Валиев наклоняется, накрывает ртом затвердевший сосок, принимается ласкать губами и кончиком языка, затем проделывает то же самое с другим соском. Все это время кусаю губы, сдерживая стоны. Мне стыдно. Мне приятно. Боже, как же приятно...

Валиев отстраняется, отпускает зажатый меж губами сосок нарочито медленно. Обхватывает ладонью мой подбородок, долгим внимательным взглядом сканирует мое лицо.

Чувствую, как начинают гореть щеки...

□

Он набрасывается на мой рот таким глубоким и жадным поцелуем, что забываю о необходимости дышать. Издав стон, сдаваясь, впускаю его язык в свой рот, повторяю его движения, робко отвечая на вызов. Вокруг и внутри единый ритм страсти, который ощущаю повсюду, в воздухе, на языке, в крепкой хватке сильных пальцев...

Кожа пылает. Губы дрожат.

Рука Тагира проникает между бедер, теперь с неумолимой настойчивостью, начинает медленно скользить по складкам плоти. Но когда пытается ввести свой палец в меня, непроизвольно дергаюсь, меня охватывает паника. Он хочет сделать это здесь, прямо в ванной... Почему-то меня это сильно пугает... Наверное, если сказать ему, что я еще никогда... Он остановится. А если... если вообще не захочет меня? Отвернется... Вика часто повторяла, что мужчинам не нравятся девственницы. Говорила, что именно поэтому Валиев никогда не смотрел на меня как на женщину. Только как на ребенка.

Если ты девственница — значит не интересна мужчинам. Надо лишь потерпеть. Может к лучшему, что в ванной. Он не заметит...

— Хватит строить из себя недотрогу, — рывкает Тагир, сделав свои выводы из моего поведения.

— С чего ты взял, что я что-то строю из себя? — спрашиваю, тяжело дыша.

— То ты смотришь так, словно просишь, чтобы я немедленно тебя трахнул. То превращаешься в испуганного кролика. Достаточно игр, Вилена. Хватит демонстрировать свое актерское мастерство. Думаю, мы оба можем вести себя как взрослые люди, — произносит, дыша тяжело, со свистом.

Тоже нервничает? Или так сильно возбужден? Господи, как же мне страшно!

Тагир вдруг резко поднимается, вылезает одним движением из ванной. Следом, поднимает на ноги и меня, достает как ребенка. По нам стекает вода, вся уборка насмарку. Обхватив мою талию, Валиев вдруг сажает меня на расположенную рядом тумбу, на которой валяется полотенце. Кожа покрывается мурашками, стекающая по волосам вода становится ледяной. Тагир придвигается ближе, разводит мои бедра.

Мне больно дышать. Не знаю, от страха или от жара, что испепеляет легкие. Сердце колотится с такой силой, словно хочет вырваться из груди.

— Посмотри на меня.

Поднимаю глаза, сгорая от смущения. Взгляд Валиева пристальный, жадный. Моих складок касается что-то твердое, горячее и очень большое. Понимаю, что вот он, момент о котором я когда-то мечтала чуть ли не каждую ночь перед тем как заснуть.

Мне хочется, чтобы он сказал что-то ободряющее. Приятное. Но сама не могу выдать ни слова. Тагир максимально широко разводит мои ноги, и от испуга все мысли вылетают у меня из головы. А потом удивляет тем, что опускается передо мной... на колени.

Теперь его лицо напротив моей промежности. Меня снова начинает колотить от смущения и паники, не понимаю, что он хочет, что собирается сделать... Его лицо все ближе, напряжение внутри, похоже на спираль, которая сжимается все сильнее. Чувствую, что я на грани нервного срыва от всех этих потрясений.

Первое же прикосновение языка к моей плоти действует на меня подобно взрыву. Меня ломает от странной, тянущей боли, меня корежит от невероятных эмоций, которые никогда прежде не испытывала. И даже не догадывалась, что может быть вот так. Бездна изысканно-

болезненно-сладких ощущений. Кожа влажная от испарины, а сердце колотится все быстрее. Со стоном зарываюсь пальцами в черные волосы Тагира. Тяну с силой, сама не понимая, чего хочу — оторвать его голову от себя, или притянуть ближе. В ответ слышу утробное рычание. Язык скользит по складкам плоти, надавливая сильнее, мучая нестерпимо. Чувствую себя абсолютно ослепленной. А Тагир, не обращая внимания на мои всхлипы и стоны, сосет, лижет, трахает меня своим языком. Жестко и напористо, так что мне остается лишь ловить ртом воздух, всхлипывать от выкручивающего наслаждения.

Подобно туго натянутой струне, трепещу от наслаждения, хватая губами воздух, жалобно постанывая, от непонятого предвкушения. Его язык, бьет точно по самому чувствительному местечку. О котором даже я сама не знала. Тогда откуда знает *он*? У меня вырывается рыдание, внутри вспыхивает пожар, он наплывает волной. Меня вдруг взрывает, каждую клетку тела, словно я вдруг воспаряю в небеса. Абсолютная невесомость. Перед глазами фейерверк. Я кричу, извиваюсь, дергаюсь, не падая только благодаря рукам Тагира, которые держат меня, пока не проходят последние судороги.

□

Тагир поднимается с колен, наклоняется ко мне, сжимает мое лицо пальцами, вглядывается, словно хочет прочесть мои мысли.

— Сладкая девочка. Не мог не попробовать тебя...

Он обхватывает мою талию и выносит меня из ванной, словно ребенка. Заходит в комнату, кладет меня на постель. Мы оба все еще мокрые, особенно мои волосы, по ним стекают дорожки воды...

— Мы... намочим твою постель, — произношу слабым голосом. — Надо посушиться...

— Тебя всегда волнуют глупые мелочи, — обрывает Тагир.

На самом деле, это лишь защитная реакция, потому что понимаю — этим все не закончится. Тагир пристально рассматривает мое тело, словно только что увидел. Внимательно, жадно. Под этим взглядом хочется прикрыться, хочется натянуть простынь до самого подбородка.

Но я могу лишь мечтать прикрыться, потому что знаю точно — он не позволит. Он хочет на меня смотреть. Даже сейчас, опустив голову, чувствую плен его глаз. Меня охватывает чувство что я иду по тонкому лезвию. Настолько все опасно. Глаза — зеркало души, через них этот мужчина способен проникнуть в мою душу. Понимаю, что это сломает меня окончательно. Это хорошо знают животные, поэтому избегают взгляда в упор, чувствуя, что он несет смертельную опасность.

Но все же придется рискнуть. Хотя бы для того, чтобы убедиться в верности ощущений.

Взглянуть и тотчас отвести глаза, больше ничего... Однако, стоит посмотреть, отвернуться уже невозможно. Выражение лица Тагира заставляет замереть на месте. Ледяной взгляд, пронзающий насквозь, бросает в озноб. Каждая клетка, каждая мышца замирает.

Сейчас Тагир пугает меня как никогда. Даже его красота кажется мне какой-то бездушной, жестокой. Мне не под силу справиться с дрожью, плечи покрылись гусиной кожей. Не хочу быть такой перед ним... дрожащей, жалкой, похожей на перепуганного кролика перед неумолимым и мрачным удавом.

Я совсем иначе представляла себе свой первый раз... Хотя, когда-то давно представляла все именно с этим мужчиной. Жестокая насмешка судьбы. Сейчас он берет свое, не спрашивая ни моего желания, ни согласия. Просто берет что хочет...

Я давно запретила себе вспоминать свои глупые мечты. От них лишь больнее...

Есть только «здесь и сейчас». Точка.

Пока я занята этими паническими мыслями, Валиев продолжает меня внимательно разглядывать. Неужели ему это интересно? Так долго смотреть? На что?

Грудь у меня маленькая. Талия слишком узкая, ребра выступают от частого недоедания... При этом, моя вечная боль — округлые бедра. Я бы хотела быть равномерной, но моя фигура напоминает скрипку... Это еще в школе приводило меня в отчаяние. Столько слышала комплиментов именно «упругой заднице». Округлой, крепкой, как орех. Вика уверяла, что это сексуально...

Замечаю, что дыхание Тагира становится чуть более тяжелым. Едва заметно... И это действует на меня... возбуждающе. Будто жаром обдает.

— Расслабься. Почему ты так напряжена? — вопрос абсолютно лишен каких-либо

эмоций.

От грубоватого тона только хуже, низ живота сводит судорогой. Опускаю взгляд ниже, не в силах больше держать контакт глазами. Только хуже сделала — вижу тяжелый возбужденный член, готовый, покачивающийся, и мне хочется закричать...

— Не стоит так дрожать, я тебя не съем, — в голосе звучит насмешка. — Расслабься, Вилена, не усложняй...

Наверное, он прав. Я себя накручиваю. Надо сосредоточиться на том, что когда-то я обо всем этом мечтала. Увидеть его обнаженным. Чтобы пожирал меня взглядом. Ведь он сейчас именно это и делает?

— У меня... — решаюсь наконец сделать признание, но поздно, Валиев накрывает меня своим телом, его губы накрывают мой рот требовательным поцелуем. Он целует меня так долго и умело, что все мысли вылетают из головы. Я плавлюсь. Боже, я действительно теку, истекаю под ним, между ногами появляется влага... и тянущая боль, которая все усиливается. И у меня растет убеждение, что только Тагир в состоянии ее унять. Лгну к нему, выгибаюсь, обнимаю его руками, притягивая к себе ближе. Прыгаю в обрыв с пропасти, протягивая руку, чтобы показать свою решимость, провожу рукой по животу Валиева, по его шрамам, каждый раз вздрагивая от пронзающей меня боли, когда касаюсь этих неровных рубцов. Скольжу ниже, касаясь очень большой, твердой, набухшей плоти. Его размер пугает, я даже зажмуриваюсь... и слегка сжимаю пальцы. Тагир захватывает мою нижнюю губу и втягивает в рот, прикусывая.

— Сожми крепче, — хрипит мне в рот.

Новый поцелуй. Болезненный, жадный, уничтожает остатки страха и сомнений.

— Хватит дрожать. Я не кусаюсь, ты ведь это уже поняла...

Он разводит мои ноги. Головка эрегированного члена упирается во влажные складки.

Вскрикиваю, машинально начинаю изо всех сил давить на грудь Тагира руками, пытаюсь ослабить давление. Больно. Обжигаяще, раздирающе больно.

— Тише малышка. Ты такая маленькая, сдохнуть, блядь, можно, — хрипит Валиев.

— Нет... нет... — шепчу иступленно, с ужасом чувствуя, как раскаленный член рвет меня.

Замирает во мне, не двигается, словно позволяя привыкнуть к своему размеру, дает передышку. Поднимает голову. Потемневшие глаза пылают. Снова страстно припадает к моему рту, ясно давая понять, кто является хозяином положения, жестом собственника выдавая намерение главенствовать во всем. И с каждым движением языка у меня во рту, начинает толкаться в мое лоно, отчего боль становится нестерпимой.

— Не надо. Пожалуйста, нет, — вырывается стоном.

Тагир замирает, глядя в глаза, дышит тяжело. Догадываюсь, по его виду, что остановиться было очень непросто. Он практически полностью вошел в меня. Сопротивляться бесполезно. То что произошло было неизбежно. Может... Возможно, я заслужила эту боль.

Эта мысль помогает мне собраться с силами. И я подаюсь вперед, всхлипнув от нового прилива режущей боли.

— Прости... Не останавливайся, — шепчу онемевшими губами.

Новый толчок и мой пронзительный крик. Впиваюсь ногтями в плечи мужчины, царапая его смуглую кожу.

Тагир вдруг отстраняется и смотрит на меня с яростью:

— Блядь, что... Ты что блядь, девственница?

Челюсти стиснуты, на лбу пульсирует жилка. Под ястребиным взглядом чувствую себя уязвимой. Смотрит пристально, на его лице — раздражение и злость. От него волнами расходится пугающая ярость. Снова начинаю дрожать.

— Что блядь все это значит? — рывкает, отстраняясь от меня. У меня вырывается всхлип облегчения... Хотя тело ноет, между ног жжет от боли... Щёки пылают, мне хочется сквозь землю провалиться. Нашариваю одеяло и пытаюсь натянуть на себя, чтобы прикрыться.

— Что за нахуй игры, Вилена? — продолжает орать на меня Валиев. — Как это может быть? У тебя ребенок. Ты что себе, операцию по восстановлению сделала? Зачем?

* * *

Слова Тагира больнее пощечины. Но я должна была быть к такому готовой. Тогда почему так больно? Правда в нашем мире — ничто. Важна лишь репутация. Валиев никогда не поверит, что я не настолько ужасна, как он думает. Что я невинна. По-настоящему. На самом деле. Даже поцелуй — только его, робкий, украденный — все что у меня было. Никто не касался меня. Ни разу в жизни... Но одна маленькая ошибка — и я навеки останусь прокаженной для него...

— Ты объяснишь, что все это значит? Что за игру ты ведешь, во что ввязалась? — продолжает допытываться Валиев.

— Пошел ты! Отстань! Еще скажи, что в этот раз я тоже тебе навязывалась, бегала за тобой, на шею вешалась и умоляла, чтобы ты меня трахнул! — почти кричу ему в лицо. Меня трясет, губы дрожат. Огромных усилий стоит не разреветься перед ним, тогда унижение будет абсолютным...

— Если ты... Я не понимаю, почему ты не сказала, что девственница? У тебя язык отсох сообщить об этом партнеру? И как ты можешь быть матерью ребенка, Шахова? Почему с тобой вечно какие-то непонятные тайны?

— Потому что ты все равно не стал бы слушать! Ты все решил обо мне, что всё знаешь заранее! Разве бы ты поверил?

Мне все же не удается сдержаться, из глаз брызжут слёзы, настоящий соленый водопад. К огромному удивлению, Тагир привлекает меня к себе. Вытирает мои слезы большими пальцами, держа в ладонях моё лицо. Его взгляд невозможно описать. В нём так много всего... Жалости, сочувствия, желания утешить... И в то же время, внимательного изучения. Его можно понять... Моя история такая странная, что и самой не объяснить, не разобраться... Одно утешает — Тагир перестает задавать вопросы, просто утешает. Гладит мои волосы, обнимает.

— Я могу... пойти к себе? — спрашиваю робко спустя некоторое время. — Мне хочется... принять душ.

Мои ноги липкие от крови. Дергаюсь, заметив капли и на простыне... Их надо застирать, сменить. Какое счастье, что я знаю, где лежит чистое белье в этом доме.

— Позволь мне... поменять постель, пожалуйста, — шепчу в слезах.

— Что? Вилена... Это глупости.

— Ты же не будешь спать на таком белье?

— Мне все равно.

— Но завтра... Амина... Ольга Петровна. Умоляю тебя! Я понимаю, что может больше никогда их не увижу. Но мне... не хочется, чтобы они знали обо мне...

— Знали что? Блядь, да, хорошо, — хрипло соглашается Тагир. — Я, правда, понятия не имею где чертово белье в этом доме...

— Я знаю. Принесу...

— Скажешь где посмотреть, сам схожу, — останавливает меня Валиев. — Ты хочешь принять душ? Отлично. Иди. Только здесь. У меня. Я не отпускаю тебя. Будешь спать в моей постели.

— Хорошо... Я вымоюсь и все тут перестелю...

— Иди уже, Вилена.

* * *

Встаю под горячие струи воды, стараясь смыть запах Тагира, его прикосновений, его холодного пренебрежения, всей этой безумной ночи, со своей кожи. Мышцы болят, напоминая о том, что произошло со мной. Вот и все... Я больше не девственница. Странно, что ничего, никаких эмоций нет у меня по этому поводу. Ни грусти, ни радости. Полное равнодушие. Во мне словно что-то сломалось.

Едва успеваю завернуться в огромное пушистое полотенце, как слышу стук в дверь. На пороге появляется Тагир. Его взгляд ощупывает меня внимательно. Я тоже разглядываю его. Он уже не полностью обнажен. Надел черные боксеры — к моему огромному облегчению.

Наверное, оно отразилось на моем лице, потому что Валиев делает гримасу, и произносит, фыркнув:

— Я собираюсь набрасываться на тебя. Не этой ночью уж точно. Можешь быть спокойна, Золушка.

Его взгляд пристальный, острый.

— Я... не успела высушить волосы.

— Хорошо. Подожду снаружи.

Еще пара минут наедине с собой. Мне страшно выходить из ванной, хотя Тагир и пообещал, что не тронет. Я ему, наверное, больше не интересна...

Когда появляюсь в комнате, вижу, что постель перестелена.

— Не хмурься, Вилена. Я сам все сделал, уж извини, что отнял у тебя привилегию горничной, — безошибочно трактует мой взгляд Валиев.

Сам менял белье? Словно поверить в это.

— Простынь никто не увидит, слышишь? Можешь быть спокойна. Хотя не понимаю, почему ты настолько трепетно относишься... Ладно, проехали.

— Извини... за глупые предрассудки, — закусываю губу. Конечно же ему не понять меня.

— Теперь ты мне расскажешь правду? Что с тобой было? Кто такая Настя?

— Я была этой девочке няней. Родителям она не нужна...

— Ты что, похитила ребенка? Черт, от тебя всего можно ожидать, — хмурится Валиев.

— Она не нужна им... Я люблю ее как родную... — меня начинает трясти.

— Хорошо, успокойся.

Тагир подходит к шкафу, открывает его и достает огромный махровый халат. Белый. Похоже, абсолютно новый.

Накидывает мне на плечи.

— Хватит дрожать. Ложись в постель. Поспим немного. Больше не буду мучить тебя вопросами.

□

— Можно я пойду к себе? — спрашиваю с робкой надеждой.

— Нет.

— Но почему? Ты получил... Все что хотел...

— Ты понятия не имеешь, чего я хотел, Вилена.

Тагир ложится на половину кровати, одну руку подложив под голову, пристально наблюдая, как я закутываюсь в халат, одновременно пытаюсь не уронить полотенце. Не показать ни грамма своего тела, выкручиваюсь как могу, засовываю руки в широкие рукава, которые мне длины. Даже пальцев не видно. Наконец запахнувшись, вытаскиваю влажное полотенце, вешаю его на стул. В халате я утонула, он доходит мне до пяток. Тагир очень крупный мужчина. Выше меня на голову... Крупный, властный, красивый... Когда все закончится, я буду долго вспоминать его. Буду тосковать по нему. Когда он меня отпустит? Скорее всего, завтра.

Сегодня у меня нет сил спрашивать даже об этом. Даже вновь молить о ребенке. Теперь он знает, что Настя не моя дочь. Что он сделает с этой информацией? Надеюсь, ничего. Надеюсь, причинив мне боль, Тагир смог унять терзающих демонов прошлого...

Просыпаюсь на следующее утро одна в постели. Воспоминания о ночи обрушиваются, словно каменная тяжесть на плечи. Я заснула в объятиях мужчины, который меня купил. Который лишил меня невинности. Но понятия не имею, что будет дальше. Тагир, кажется, все же мне поверил... Но до конца не могу быть в этом уверенной. На большее меня вчера не хватило. Я вымоталась морально и физически...

Бросаю взгляд на часы и прихожу в ужас. Почти час дня! Соскакиваю с постели, в голове одна мысль — мне точно достанется от Ольги Петровны! Но лучше пусть она меня отчитает как следует, чем узнает, что я провела тут ночь... Вот только, наверное, это неизбежно, мне ведь даже надеть нечего! Форма... я вчера забыла про нее. Она так и валяется мокрой тряпкой в ванной... Придется выйти в халате Тагира, в котором я проспала всю ночь. Было очень тепло и уютно. Правда, думаю это не из-за халата — Валиев крепко обнял меня, хотя я сразу как легла, свернулась калачиком на краю постели, повернувшись к нему спиной. Но он все равно обнял... и крепко прижал к себе. Больше ничего, ни касаний, ни приставаний. Удивительно, но меня охватило чувство покоя, и я быстро уснула.

Открываю дверь, выглядываю. Вроде тишина... Как же стыдно! И как не хочется сейчас выслушивать какие-то претензии. Не представляю, как сегодня буду работать, убираться, потому что каждая мышца мучительно ноет... Осторожно выхожу из комнаты, молясь, чтобы повезло, чтобы никого не встретить. Чтобы можно было быстро переодеться и приступить к работе, извиниться, что проспала... Меня мучает то, что наверняка все уже знают, где я ночевала и догадываются почему. Наверняка будут косые и презрительные взгляды, без них никуда.

Заставляю себя спуститься по лестнице... От мрачных мыслей меня отвлекает знакомый смех. Детский смех... Вздрагиваю. Ускоряю шаг, перепрыгиваю ступеньки все быстрее, в конце все же спотыкаюсь, подворачиваю ногу. Лодыжку простреливает болью. Не обращая на это внимание, ускоряюсь, бегу на звук смеха, вот наконец вижу в гостиной на первом этаже совершенно нереальную картину, от которой на меня находит такой ступор, что даже забываю, как выгляжу...

Ольга Петровна, эта строгая и властная женщина, которая так меня пугает, сидит на корточках и играет в ладушки... с Настей!

— Что здесь происходит? — спрашиваю дрожащим голосом.

— Тагир Исаевич... просил присмотреть за вашей девочкой, пока отдыхаете, — объясняет Ольга Петровна.

Машинально отмечаю странное обращение женщины. Почему она перешла со мной на «вы»? Но еще более удивительна манера общения — само дружелюбие. Это даже не смешно. Просто поразительно, насколько изменилась эта женщина. Я ожидала жестокого выговора, вместо этого получаю столько обаяния... Дело в прошедшей ночи? Ну а что еще может быть? Раз попала в постель к хозяину, значит автоматом стала уважаемой? Впрочем, какая разница? О чем ты думаешь, Шахова? Главное, что твой ребёнок здесь!

Настя как раз в этот момент замечает меня, издает радостный возглас и бежит ко мне в объятия.

— Как она здесь очутилась? — спрашиваю Ольгу Петровну, прижимая к себе ребенка,

жадно втягивая ее нежный запах, плача от счастья. Малышка радуется, обнимает меня своими пухлыми ручками, расцеловывает в обе щеки, а я продолжаю беззвучно плакать, целуя ее в ответ.

— Нас привез Тагир Исаевич, — в комнату входит Варвара. — Вот и воссоединились, девочки. Как же я рада! Настя очень скучала по тебе. Хотя Тагир Исаевич сделал всё, чтобы мы не переживали и ни в чем не нуждались.

Обилие информации буквально сшибает меня с ног.

— Мы можем поговорить у меня в комнате? — спрашиваю Варвару.

— Конечно.

Беру Настю на руки.

— Если вам нужно пообщаться, я посижу с девочкой, она такая милая. Просто ангелок, — любезно предлагает Ольга Петровна.

— Нет... Спасибо вам огромное. Но мы и так вас побеспокоили. Извините, что не приступила с утра к обязанностям. У меня... нога болит, — краснею, потому что брякнула первое что пришло в голову. Идиотка! Ольга Петровна не дура, и конечно все понимает отлично. Одно радует — мы явно скоро покинем этот дом. И больше никогда не увидим ее обитателей...

Вот только радует ли меня это на самом деле?

* * *

— Как вы здесь очутились? Расскажи, что произошло, — начинаю пытаться Варвару, как только закрываю дверь своей комнаты. Возле кровати стоит моя сумка... Та, с которой я приехала в родной город. Смотрю на нее изумленно.

— Что это?

— Вещи. Твои вещи, Вилена. И Настины, конечно.

— Но что они тут делают?

— Так... Тагир Исаевич велел все собрать и взять с собой. Я так поняла, вы теперь вместе. Хороший мужик, Вилена. Очень мне понравился. Я ведь переживала страшно, когда ты ночевать не пришла. Тряслась вся. Не знала, что делать. То ли в полицию звонить, то ли подождать. А потом, ближе к вечеру следующего дня, он явился. Я сначала перепугалась страшно. Мужики, бородатые, черные, в смысле смуглые, на бандитов похожие. Идут к дому... Ох и струхнула. А он зашел один, представился, все объяснил.

— Что? Что он сказал?

— Что ты теперь с ним, у него живешь. И что приедешь за Настей. Но потом снова сам приехал, один... Ох, ну я конечно боялась немного... Но он нам много денег дал, еще в первый раз... И вообще, поверила я ему. И не обманул. Дом красивый, уютный. Мне предложил зарплату хорошую.

— Зарплату?

— Ну так с Настей сидеть. Я так поняла, он с тобой серьезно планирует...

— Нет... Ты ошибаешься.

— Деточка, я не знаю ваших с ним дел... Но мужики так вот просто за чужими детками не ездят. Денег не дают, нянь не нанимают. А сюда приехали, тут эта дама, Ольга. Важная такая, как раз будить тебя хотела, ругалась, что ты не вышла вовремя на ее утреннее

выступление. Перед слугами. Так Исаевич ее так классно на место поставил — что я сама в него чуток влюбилась, — смеется довольная Варвара. — Властный мужик, ничего не скажешь.

— Что он... Что он Ольге Петровне сказал?

— Что ты с ним. Что ты не будешь прислуживать, и это была самая серьезная ошибка Ольги Петровны, и поэтому, в этом месяце она получит только половину зарплаты. Штраф типа. Ох, ты бы видела лицо этой бабы! Я чуть не ухихикалась, если сдержалась. Она потом как шелковая стала. Такая милая со мной — и чаю, и завтрак предложила. Ну а дальше — ты сама видела. Девочка моя, говорю, держись за парня. То есть... да какой это парень, настоящий мужик! Таких — знаешь, как мало? Да по пальцам перечесть! Я страшно рада, ты достойна такого. Столько мыкалась, с детства самого...

— А ты не узнала его?

— Кого?

— Ну, Тагира Исаевича...

— Нет.

Вспоминаю, что Варвара к моменту появления Тагира уже не работала в нашем доме. Значит понятия не имеет о том, что было между нами. Может и к лучшему. Но если бы она знала... Тогда точно не строила бы воздушных замков. Как не могу строить их я. Нет, я не позволю розовым облакам затмить свой разум. Я должна выбраться из этого дома — ради Насти. Ни к чему цепляться за мужчину, я должна сама крепко встать на ноги. Добраться до особняка, взять деньги... И начать новую жизнь с дочерью.

Тагир

Вилена Шахова — похоже, мой личный Армагеддон. Что в далеком прошлом, которое я вычеркнул из памяти, что сейчас... Я думал, что это будет просто секс, — усмехаюсь про себя, выпивая залпом двойной виски в баре, где встречаюсь с человеком, которому поручил собрать информацию про Шахову.

Тяну следующий бокал, раздумывая над словами, что только что услышал.

Оказывается, брат Вилены погиб. Я не следил за девчонкой, но за ее отцом мои братья вели постоянное наблюдение. Так что я знал, что Шахова сбежала. Вместе со старшим братом Павлом. Но мы никогда не планировали искать ее. Сбежали — и правильно. От такого отца как Шах ничего кроме проблем не дождешься. И на деньгах кровавых счастья не построишь.

Оказывается, брат Вилены умер. Блядь, я не хочу жалеть девчонку, но помимо воли сочувствую. Осталась одна. Привязалась к ребенку соседей... и в конце концов, еще и похитила малышку.

— Что за люди? Они подали заявление в полицию? — спрашиваю своего собеседника.

— Алкаши. Но не бедные. Есть на что жить, на что гульбанить. Насколько я смог разузнать, они ждут от Вилены денег за ребенка. Пришлось дать им часть. Сколько смог найти. Потому что они уже начали нервничать... Ну а дальше, решил с тобой посоветоваться.

Значит вот почему Шаховой так отчаянно нужны деньги. Чтобы выкупить ребенка. Черт, почему меня это так задевает? Словно колет внутри. Я ведь знаю, что Вилена далеко не ангел. Она может быть настоящей сукой. От ее игрулек на моем теле появилось немало шрамов. Но... Блядь, почему она мне все больше кажется невинной жертвой? Все больше

желания защитить...

Мне это не нужно. Начиная с того, что есть женщина, которую братья выбрали мне в жены. Отодрать по-быстрому девчонку из прошлого, которая сама решила себя продать — одно. Но сейчас о таком речи уже не идет. С каждым днем я все больше вязну в этой истории.

По-хорошему надо просто дать денег Шаховой и забыть о ее существовании. Тем более что именно этого хочет Вилена. Сбежать от меня побыстрее. Но я не могу отпустить...

Блядь, надо же было так влипнуть. Братья долго уламывали меня насчет женитьбы. Тамила — красивая, достойная, правильная женщина, дочь наших друзей. Я должен в скором времени пойти к ним домой, поговорить о браке. Все уже оговорено предварительно... И вот теперь, все мысли другой заняты. Шахова проникла в мою кровь как быстроедействующий яд. Не могу сейчас ни о ком больше думать. С каждой минутой хочу ее все сильнее. Хочу быть с ней нежным, не торопиться, открывать ее чувственность, учить ее... Кто бы мог подумать, столько секса в ней было еще в пятнадцать, и до сих пор нетронутой осталась. Мне стыдно за слова, что от шока ей бросил. Про операцию, блядь. Совсем мозги потекли в тот момент. От ее запаха, ее красоты, ее непорочности... Неподдельной боли, неуверенности. Она источала свежесть, это было невозможно не заметить, не понять...

— Что насчет парня, который привез ее на аукцион? — спрашиваю, пытаюсь выбросить образ Шаховой из головы.

— Как сквозь землю провалился. Все наши его ищут. Он явно работает на какого-то крупного игрока в этом деле. Но ты же понимаешь, все у кого есть свой интерес не разговорчивы. Им нужна своя выгода.

— Да, понятно. И все же — продолжайте искать.

— Конечно...

У меня нет причины ехать сегодня в дом Маргариты. Освободился за полночь, выпил лишнего. Шахова наверняка не ждет меня — надеюсь, она немного успокоилась, ведь я привез утром в дом Настю. Сам не понимаю, зачем это сделал. В конце концов, девочка привыкла к ней, считает своей матерью. Кто я такой чтобы разлучать их?

Стоит только войти в дом, мне мерещится запах Вилены. В штанах сразу становится тесно. Похоже, придется вспомнить, что такое драть самому. Вряд ли стоит сейчас снова трогать девушку. Она еще точно не оправилась от вчерашнего. Стоит только подумать об обнаженной Шаховой, меня бросает в жар. Почти перестаю себя контролировать, а алкоголь только ослабляет контроль.

Блядь, ненавижу любого рода зависимость.

Сцепив зубы заставляю себя пройти мимо комнаты Вилены. Впрочем, скорее всего ее нет в этой маленькой тесной камерке. Я как следует поговорил утром с управляющей и велел переселить Вилену в комнату попроще. Вместе с ребенком...

Об этом я не подумал. Это помешает мне иметь доступ к девушке...

Поднимаюсь к себе, срываю раздраженно с себя пиджак, расстегиваю рубашку, уже будучи на пороге комнаты. Резко распахиваю дверь...

И замираю. На моей постели лежит, свернувшись калачиком, предмет моих грез. Та, которая не дает покоя ни днем, ни ночью, с момента как...

К черту момент. Что она здесь делает? Неужели хочет меня? Хочет, как тогда, когда была девчонкой?

Да не похрен ли? Содрать с нее платье, в котором заснула, ощутить ее кожу своей,

всадить член поглубже и попросту трахать.

Зачем она здесь? Пришла поговорить? Пришла отблагодарить за то что привез ребенка?

Мне не до разговоров. Хочется намотать на кулак эту косу, стянуть нахер платье, сжать маленькие, но такие сладкие, аккуратные, сочные груди, и вогнать жестко и глубоко. Без разницы даже куда — можно и в рот, чтобы обхватила мой член своими пухлыми губами, показала свой язычок и после слизала всю сперму.

Мое дыхание становится все более тяжелым. Руки сами тянутся к ширинке, расстегиваю, потому что больше не могу терпеть давление. Я должен провести членом по ее губам, иначе меня разорвет от желания. Возможно, этого будет достаточно, чтобы кончить.

□

В отличие от меня, Вилена продолжает безмятежно спать на моей постели. Завороженно смотрю, как поднимается и опускается аккуратная маленькая грудь, натягивая ткань, выставляя напоказ соски. Платье немного задралось, оголив стройные длинные ноги. Светлые волосы разметались по подушке. На красивом личике ни грамма косметики. Вилена выглядит на пятнадцать сейчас... Никаких косметических примочек, ей не до них было в последние годы. Натуральность — сейчас самая редкая роскошь, и этим Шахова нравится еще больше. Ее сон спокойный, глубокий. Она не услышала моего вторжения.

Приближаюсь к кровати. Касаюсь волос, провожу пальцем по губам девушки. Ощувив кожей кончиков пальцев дыхание, чувствую, как еще сильнее тянет в паху. Она сводит с ума. Расслабленная, доступная.

Вряд ли стоит продолжать строить иллюзии. Нужно разбудить... Но я не могу себя заставить. Продолжаю свои прикосновения, скольжу по шее, обвожу ключицы, ныряю в вырез платья, сжимаю между пальцев сосок... Слегка скручиваю между пальцами...

Слегка задрав вверх платье, касаюсь живота. Бархатная кожа. Нежная. Водить по ней пальцами одно удовольствие.

— Блядь... — со свистом вырывается ругательство, когда в ответ Вилена издает тихий стон.

Она точно не притворяется? Почему ее сон так крепок?

Дыхание ровное. Так долго прикидываться просто невозможно.

Мне становится интересно, что происходит. Вчерашняя девственница пришла поиграть со мной? Или решила отблагодарить за то, что позволил увидеться с ребенком? В таком случае зачем эта игра в Спящую красавицу?

Мои пальцы касаются трусиков девушки. Вчера она так трепетно выкрикнула, что у нее больше нет белья... Меня это зацепило. Похоже, Вилена действительно в аховом положении. Поэтому и пришло в голову привезти сюда ее вещи. Как и Настю. И бабульку, что за ней присматривает. Еще совсем недавно я назвал бы все это полным безумием...

Надо остановиться, разбудить и потребовать объяснений что все это значит. Но вместо этого мои пальцы кружат по нежным складкам, прикрытым тонкой преградой хлопка. Но даже через них я чувствую ее клитор, мягко потираю его. Вилена не просыпается, не пытается отстраниться. Она делает нечто другое, поразительное. Приподнимает бедра, чтобы потереться о мои пальцы.

Она хочет меня...

Даже если не понимает, что сейчас происходит, но реакция ее тела более чем красноречива.

Чувствую, как ее трусы становятся немного влажными. Рот девушки приоткрывается,

раздается новый стон, Вилена выгибается...

И распаивает глаза. Волшебство разбивается вдребезги, на лице девушки растерянность и паника. Шахова лихорадочно одергивает платье и чуть ли не кубарем скатывается с постели.

— Просите! Я уснула! — восклицает испуганно, обхватив себя руками.

— Да, я это уже понял. Расслабься. Не стоит так сильно переживать, ничего страшного не случилось.

Морщусь. Стояк распирает джинсы, и меньшее что меня сейчас интересует, это извинения, или вообще какие-либо разговоры. Как жаль, что Вилена проснулась. Я бы хотел ее трахнуть спящую. Теперь этого явно не произойдет. Девушка насмерть перепуганной выглядит.

— Почему ты в моей комнате? — вопрос звучит излишне строго, Шахова тут же заливается краской.

— Простите...

— Не нужно обращаться ко мне на «вы». Извиняться тоже не стоит. Я не против. Просто решил спросить, может какие-то проблемы? Ольга Петровна должна была найти для вас новую комнату.

— Она все сделала, да, — торопливо отвечает Вилена. — Я собственно поэтому пришла... Хотела поблагодарить.

— Не за что.

— Но почему... Почему ты все это делаешь?

— Сама как думаешь?

Вилена бледнеет. Открывает рот, собираясь что-то сказать, но тут же смыкает губы, опускает голову.

— Не нужно стесняться. Я хочу тебя.

— Ты же понял... что у меня совершенно нет опыта, — произносит едва слышно.

— Это неважно. Я хочу тебя. Мне чертовски не интересно болтать, если быть до конца откровенным. Если ты хочешь быть благодарной...

Вилена бледнеет, на мгновение бросает на меня испепеляющий взгляд. Но потом дерзость гаснет в ней, сдаваясь на милость покорности. Интересно наблюдать за сменяющимися эмоциями на ее красивом лице. Едва заметно кивнув, то ли мне, то ли самой себе, Шахова опускается передо мной на колени.

Черт, вспоминаю ее неумелый, но такой завораживающий минет в доме ее отца. Сейчас как никогда остро понимаю, насколько это унижительно для нее. Но она согласна сделать это еще раз.

Меня вдруг пронзает откровение. Так мне не нужно. Не заставляя. Я хочу, чтобы она открыла для меня свой ротик, когда сама будет захлебываться от желания научиться. Взять меня. Надо сказать, далеко не приятное откровение. Меня ломает. И все же, самое сильное желание для меня сейчас — заставить ее хотеть. Увидеть снова лежащей на моей постели, выгибающейся от желания.

— Встань, пожалуйста. Меня сейчас не интересует минет. Да и сосать ты не умеешь.

Слова выходят грубыми. Девушка вздрагивает, ее буквально передергивает. Она выполняет мой приказ. Встает, смотрит на меня, теребя вырез платья, словно он ее душит.

— Извини... Мне уйти? — спрашивает робко.

— Нет. Я хочу, чтобы ты снова легла на кровать. Хочу трогать тебя. Везде... Если ты не

против.

— А если я против?

— Тогда ты можешь уйти.

Неосознанно задерживаю дыхание, ожидая что выберет Вилена. И когда девушка делает шаг к постели, выдыхаю шумно, чувствуя мощный выброс адреналина в кровь.

Вилена послушно ложится на постель, при этом выглядит испуганной. Но мне интересно другое. Возбуждена ли она хоть немного?

— Раздвинь ноги.

Она послушно выполняет слова, прозвучавшие строгим приказом. Протянув руку, веду подол платья вверх, сожалея, что не догадался сразу сказать, чтобы сняла его. Касаюсь края трусов и сразу проникаю внутрь. Влажная. Провожу пальцами по складкам, собираю влагу, скольжу к самой чувствительной точке, отчего девушка вскрикивает и смыкает ноги.

— Тебе больно?

Отрицательно мотает головой.

— Тогда разведи ноги, малыш. Я только потрогаю тебя. Обещаю, сегодня не будет ничего из того, что было вчера. Сегодня ты не готова.

Мне с трудом дается эта успокаивающая речь, потому что мозги плывут. Осторожно тяну за резинку трусов, стягиваю их чуть ниже. Блядь, как же хочется, чтобы Вилена лежала передо мной полностью обнаженной. Но не рискую пока обнажать ее полностью. Хочу, чтобы она расслабилась. Не стоит давить, пугать, доминировать.

Легкими, едва заметными касаниями провожу по клитору, но даже они заставляют Вилену вздрагивать, выгибаться. Ее пухлые губы раскрываются, чтобы глотнуть больше воздуха, из ее горла вырывается громкий стон. Голова мечется по подушке, бедра приподнимаются, словно сами ищут мои пальцы, неосознанно ее тело хочет более сильных прикосновений...

Это сводит с ума. Грудь натягивают тонкую ткань платья, заостренные соски выступают, просясь в рот. Как же сложно удержаться и не ответить на это приглашение... Продолжаю поглаживать влажные складочки, мучить клитор, наслаждаясь как он льнет к моим пальцам. Концентрируюсь на лице Вилены, на тихих столах, рвущихся с губ, на том как кусает нетерпеливо эти пухлые губы, когда перестаю уделять внимание клитору и просто размазываю влагу по складочкам.

— Не сопротивляйся, малышка. Отдайся чувствам, — мой голос скрипучий и хриплый.

Внезапно Вилена замирает, отодвигается:

— Прошу, хватит... Зачем ты это делаешь?

— Я хочу, чтобы ты стала чуть раскрепощеннее. Тут нечего стыдиться. Тебе же нравится.

Продолжаю движения рукой, надавливая сильнее. Голова девушки мечется по подушке, стоны громче, но теперь она умоляет меня остановиться:

— Нет, не надо... не надо, пожалуйста.

От этой лжи, от глупого сопротивления собственным потребностям у меня срывает последний контроль. Почему Вилене так сложно признаться себе самой, что ей нравится, что она хочет того, что я с ней делаю? Раньше она была совсем другой... Гораздо более открытой в своих желаниях.

Умоляет остановиться, продолжая при этом тереться о мои пальцы. Ее сопротивление заставляет лишь отчаяннее возжелать сломить ее, заставить принять себя именно такой.

Жаждающей моих прикосновений, осознающей свое желание.

Убираю ладонь, но лишь для того, чтобы стянуть с нее трусы полностью. Следом и платье, раздражающее своей ненужностью. Бюстгальтер. Мои движения грубые, неловкие. Вилена не сопротивляется, но и не помогает. Выглядит абсолютно шокированной.

Обнаженная, сладкая, вчерашняя девственница, стоит на моей постели на коленях, обхватив себя руками, пытаюсь прикрыться.

— Я не игрушка, Тагир, — произносит глухо.

— Я и не играю с тобой.

— Тогда что это... что ты делаешь?

— Назовем это... уроком.

— Серьезно? — в вопросе звучит горечь. — У меня ощущение, что ты мучаешь меня.

— Ты сама решила остаться.

— Да...

— Теперь ты в моей власти, пока не решу отпустить.

— Может просто трахнешь?

— Нет. Просто делай как я скажу. Тебе будет хорошо.

— Ляг, как лежала. Я не сделаю тебе больно, обещаю...

Вилена делает, что говорю. Она невероятно прекрасна, настолько, что смотреть больно. Меня ломает, выкручивает от этой боли. Никогда не замечал в себе склонность к мазохизму, но сейчас это именно он. Чем проще трахнуть девушку, вместо того чтобы мучить и ее и себя неудовлетворенным желанием? Но я хочу раскрыть чувственность, которая когда-то буквально выливалась из нее... Которая сейчас запрятана черти куда, черт знает почему. О причинах узнаю позже. Сейчас меня захватывает другое.

Обхватываю запястье Вилены. Кладу ее ладонь на клитор. Вздвогнув, девушка распахивает глаза, смотрит на меня непонимающе.

— Попробуй, какая ты мокрая. Ты когда-нибудь касалась себя вот так?

Смотрит ошеломленно, мотает головой отрицательно.

— Так попробуй. Почувствуй свое желание.

По телу девушки пробегает дрожь, она пытается отодвинуться.

— Тебе нравится, — констатирую факт, который она пока не способна принять. — Просто расслабься.

Продолжаю растирать по клитору ее влагу, надавливать, играть с ее плотью. Вилена тяжело дышит, прерывисто, сладко. Ее пальцы скользят по клитору, и это самое прекрасное, самое возбуждающее что я видел когда-либо в своей жизни. Так чувственно, блядь, что у меня сдают нервы.

— Ты течешь, девочка. Потом тебе будет так же хорошо, когда внутри будет мой член. Склоняюсь ниже, провожу языком по торчащим соскам, острым и твердым, одновременно ужесточая ласки снизу. Обхватываю губами торчащий сосок, втягиваю в рот, с наслаждением слушая стоны и крики Вилены, которая бьется подо мной, насаживается на мои пальцы.

— Кончай, — рычу в ее приоткрытый рот, оставив в покое соски. Давай, девочка.

Вилена словно ожидала моего приказа, издает приглушенный стон мне в губы, ее влажные от соков пальцы впиваются мне в плечи, начинает дрожать всем телом, влажная, мокрая от пота, сжимает мою руку своими ногами так сильно, словно хочет сломать. Такие долгие конвульсии. У девочки потрясающе длинный оргазм, после которого она

обессиленно замирает.

— Тебе понравилось?

Мотает головой, не в состоянии говорить.

— Здесь нечего стесняться.

— Это... унизительно, — выдает слабым шепотом.

— Нет. Ты ошибаешься. У меня нет цели унизить тебя. Я хочу, чтобы тебе понравилось.

— Ты... одет. Я раздета... — губы дрожат, когда она это произносит. А у меня блядь одна только похоть в голове, представляю эти пухлые губки на своем члене.

— Это унижает тебя? Хочешь, чтобы мы поменялись местами?

Вряд ли она хочет этого. Но меня уже не остановить.

Вилена молчит. На долю секунды замечаю в ее глазах вспышку. Это заставляет принять окончательное решение.

Щелкаю пряжкой ремня, встаю и сбрасываю с себя брюки вместе с трусами.

— Теперь мы на равных. Ты можешь сделать так, чтобы мне тоже понравилось. Снова сажусь на край постели, чуть откинувшись назад, открывая полный обзор. Стояк просто каменный, Вилена смотрит на мой член с ужасом.

— Он тебя пугает? Обещаю, что не причиню тебе боль. Прикоснись ко мне. Иди сюда.

Тяжело сглатывает, медлит пару секунд. Затем подается вперед. Опускается передо мной на колени, неторопливо, словно в замедленной съемке, отчего пересыхает во рту.

Горло девушки судорожно дергается. Не могу отказать себе в наслаждении зарыться ладонью в копну ее волос. Тяну на себя, не больно, осторожно. Ее ладони упираются мне в колени.

— Сожми в руке.

Очень нерешительно, пугливо, Вилена касается члена, словно чего-то крайне хрупкого. Меня переполняет похоть, выкручивает, в голове мелькает мысль, что я довожу сейчас до иступления не ее, а себя. Это издевательство, нельзя играть с девственницей, когда яйца вот-вот взорвутся.

— Неплохо, малышка. Ты сделала первый шаг, теперь будь смелее.

Вилена выполняет приказ, проводит по всей длине пальцами, сжимает, гладит, ощупывает. Неловко, но зато с любопытством.

— Теперь то же самое языком.

Вздрагивает, бросает на меня испепеляющий взгляд, но выполняет.

Проводит осторожно языком, по всей длине.

Мне хочется заорать от кайфа. Машинально наматываю волосы на кулак, заставляя податься еще ближе. Обхватываю за подбородок, направляю член в сладкий желанный рот.

Когда теплые губы обхватывают головку, зажмуриваюсь, рычу сквозь стиснутые зубы, настолько изысканное наслаждение дарит мне эта неумелая девственница.

Движения Вилены нерешительные, робкие, влажный язык задевает головку.

— Расслабь горло.

Убираю волосы с ее лица.

— Посмотри на меня.

Блядь, я сдохнуть готов за такое. Внутри вспыхивает оглушающая жажда, меня сводит с ума ее покорность, отсутствие притворства. Толкаюсь глубже, Вилена начинает паниковать, подается назад. Отпускаю. Даю отдышаться. Нежно глажу пальцами щеки, вытираю влагу,

стекающую на подбородок.

— Ты сводишь меня с ума, девочка, — вырывается хрипкое признание.

Перемещаю ладонь ей на затылок, снова толкаюсь, глубже, чувствуя головкой стенку горла.

— Расслабь... Дыши носом.

На этот раз она терпеливее принимает мои толчки, и крышу сносит еще сильнее, уже не контролирую себя. Несколько сильных толчков, и в последний момент успеваю вытащить член. Она вряд ли готова глотать, не хочется напугать ее. Довожу себя до финала рукой, водя по члену иступленно, так сильно, что яйца скручивает. С рычанием кончаю себе в руку, не сводя глаз с лица Вилены, все еще стоящей передо мной на коленях. Руками обхватила груди, влажный от слюны рот дрожит, в глазах слезы... Самый охуительный оргазм в моей жизни.

Откидываюсь на постель, закрываю глаза. Пару секунд одиночества, я нуждаюсь в них, чтобы остановить бешеный пульс. Но за эти секунды Вилена успевает бесшумно собрать свою одежду и выскользнуть за дверь. Первый порыв — догнать и вернуть в свою постель. Но и она и я понимаем, что это не закончится сном. Поэтому приказываю себе остаться на месте. Нужно дать ей еще немного времени. Скоро она будет со мной постоянно, каждую ночь, я не отпущу ее.

С этой мыслью проваливаюсь в глубокий сон без сновидений, что со мной бывает крайне редко.

□

Лодыжка, которую потянула утром, нестерпимо ноет, когда торопливо бегу вниз по лестнице, не обращая внимания на боль. Только бы Тагир не пошел следом! Я не вынесу больше... то, что он делает со мной, настолько порочно, что несколько раз было ощущение, что у меня остановится сердце. Я и подумать не могла, что между мужчиной и женщиной может быть столько всего... Столько чувственности, такая палитра ощущений, которые я никогда прежде не испытывала. Затягивающих, будоражащих. Теперь я поняла смысл слова «шлюха». Тагир показал мне так много... Сейчас я испытываю дикий страх. Потому что мне понравилось. Безумно понравилось. Я поняла в какой-то момент, что готова позволить ему... что угодно.

Но кто я для него, если не шлюха?

Эта мысль причиняет сильнейшую боль, и я начинаю ругать себя на все лады, что вляпалась в это. Сама. Сама пришла к нему! Еще и уснула на его постели...

День был суматошным, я разбирала вещи, что-то стирала, играла с Настей, мы гуляли, кушали, спать малышка наотрез отказалась, новый дом, новая обстановка взбудоражили ее. Еще и куча новых игрушек! У Насти никогда их не было много... А тут — настоящее волшебство.

Я действительно чувствовала себя девочкой Элли, попавшей в волшебную страну. В-первых, перевоплощение Ольги Петровны из ведьмы в фею-крестную. Она не только выделила мне с ребенком большую, светлую, очень красивую комнату, где рабочие спешно собирали детскую кроватку, но и наполнила ее игрушками, заказав по интернету. Баб Варе тоже выделили комнату, чуть поменьше, зато рядом с нашей.

Сразу так много всего произошло, что я забыла о себе, о плохом самочувствии и переживаниях по поводу утраченной девственности. Впрочем, их и не было, разве что расстройство, что было так больно. Я представляла себе совершенно другое.

Это другое и показал мне Тагир ночью, когда обнаружил на своей постели.

Не надо было приходить к нему! Зашла, решив оставить записку с благодарностями по поводу Насти. Присела на кровать на минуту, и уснула. Ненормальная! Сама подставилась. Разве он бы поверил, что вышло случайно? Да он даже спрашивать не стал, что в его комнате делаю. Принял как должное...

Ради справедливости надо отметить, что Тагир дал мне шанс уйти. Прямо сказал, самой сделать выбор. Увы, когда он рядом, мой разум совершенно выходит из-под контроля...

Вспоминаю, как лежала, дрожа от непонятных и незнакомых ощущений, которые пронизывали мое тело. Все казалось неправильным, так не должно быть, но... мне нравилось то, что я чувствовала. Слабость, практически невесомость, нравилось ощущать размеренное дыхание мужчины у себя на щеке, скольжение его пальцев по моей шее, как будто он пытался нащупать мой пульс. И его пальцы у меня между ног, дарящие невероятные ощущения... Пережитое удовольствие выпотрошило меня, разбило на мелкие части, и я пока никак не могла их собрать. Где-то там, среди этих разбитых осколков, затерялся и стыд. Тагир показал мне истинный порок, и то, как он прекрасен. Теперь я никогда не стану прежней, пережив этот иссушающий душу, соблазнительный урок. Он заставил меня потеряться в том, что правильно и что нет. Смёл все мои предрассудки, превзошел все ожидания...

Краснею, вспомнив, как извивалась в его руках, сама насаживалась на его умелые пальцы. Стонала как натянутая струна, и почти требовала, чтобы он продолжал.

* * *

В комнате тихо, Настя сладко спит в кроватке. Подхожу, долго любуюсь милым личиком. Удивительно спокойный ребенок, никогда не просыпалась по ночам, разве что до годика, и то, когда не хватало детского питания, не наедалась... Вздохнув, отрываюсь от созерцания дочери, отправляюсь в ванную. Надо смыть с себя эту ночь, прикосновения Тагира, иначе просто не усну. Залезаю под душ, стою долго. Постепенно дрожь внутри утихает, приходят слезы. Сама не понимаю по какому поводу. Скорее всего, просто выходит стресс. Глупые, ненужные, текут по щекам, смешиваясь с водой.

Говорю себе, что все могло быть куда хуже. Меня на том аукционе мог купить какой-нибудь старик, или громила, или извращенец, который не просто взял бы меня грубо, но и захотел бы повторить, чтобы сделать больнее. Могли быть плети, игрушки, наручники, все что угодно... Меня передергивает от этих мыслей.

Не знаю, сколько времени я простояла под душем, вышла наконец из ванной, совершенно разбитая. Халат, который накинула на себя, казался невероятно тяжелым. Единственное, чего хотелось — упасть в кровать и уснуть.

* * *

Думала, что не усну от всех этих переживаний, но вырубилась моментально. Открыв глаза сразу понимаю, что снова проспала! Насти нет в кроватке, но сильно не беспокоюсь — смутно в полусне видела, как девочку забирает Варвара, великодушно давая мне возможность поспать еще немного. Она и у себя дома так делала. Но сейчас я чувствую укоры совести. Я не принцесса какая-то, валяться до обеда!

Впрочем, еще не обед, время около одиннадцати. Скорее всего, Валиев давно уехал. Я не поговорила о самом главном с ним. Снова. Не спросила сколько он планирует держать нас в этом доме. И почему так помогает. Надо убедить его заглянуть в тайник отца. Расплатиться с ним, за все чем помог... Расплатиться с родителями Насти...

Что я буду делать дальше, пока не загадываю. С этими бы вопросами разобраться.

Единственное, что меня радует этим утром — то что не увижу Валиева. Маленькая отсрочка поможет прийти в себя после вчерашней близости. Потому что сейчас смотреть ему в глаза было бы слишком... Стыдно? Стеснительно?

Сформулировать сложно, эмоции буквально кипят внутри.

* * *

Вбегаю на кухню и замираю, потому что за столом сидит Валиев собственной персоной. Вздрагиваю, делаю машинально шаг назад. Но бежать поздно, Тагир меня заметил.
— Доброе утро, Вилена. Я тебя напугал?

— Не ожидала, что будешь здесь.

— Почему?

— Думала, ты давно уехал на работу...

— Да, ты оказывается любишь поспать подольше.

— Нет... это случайно вышло. Ты не знаешь где Настя? — спрашиваю, только чтобы скрыть смущение.

— Они ушли на прогулку с нянькой.

— Варвара не нянька! — перебиваю его. — Эта милая женщина помогает совершенно бескорыстно...

— Хорошо, извини что не так выразился. Будешь кофе? Я только сварил.

Аромат кофе будоражит ноздри, втягиваю его с наслаждением.

— Да... спасибо.

Вроде бы не так уж страшно, общение проходит нормально, и он не просит опуститься перед ним на колени. Но, теперь не сомневаюсь, что попросит, обязательно. Рано или поздно. Тагир держит меня рядом из-за секса. Больно ли мне сознавать это? Нет. Кажется, я сошла с ума, но у меня это вызывает... возбуждение, предвкушение. Я мечтала, чтобы он хотел меня. И он хочет. Разве это плохо? Пусть я мечтала немного о другом... чтобы любил. Но нельзя иметь все и сразу.

— Доброе утро, — в кухню входит Ольга Петровна, нарушая повисшую между мной и Валиевым паузу. — Что желаете на завтрак, Вилена? Тагир Исаевич уже поел, а тебе приготовлю что пожелаешь. Амина сегодня отпросилась...

— Ну что вы, Ольга Петровна, я сама что-нибудь сделаю, — лепечу смущенно.

— Нет, что ты, деточка...

Нет, ну невозможный контраст, замечаю улыбку Тагира, видимо его тоже веселят изменения в поведении Ольги Петровны.

— Я вообще-то не голодна, — говорю чистую правду. Кофе перебил аппетит.

— Нет, ты обязательно поешь, Вилена, — перебивает Валиев. — Мне не нравятся твои выступающие ребра.

Заливаюсь краской. Даже в этих словах, брошенных холодным тоном, чувствую сексуальный подтекст...

— Хорошо. Я сама сделаю что-то. Яичницу... Салат.

Боже, я точно не смогу запихнуть в себя ни кусочка, если за мной будет наблюдать Тагир!

В результате Ольга Петровна все же начинает мне помогать, потому что у меня дрожат руки и риск порезаться велик... Тагир на какое-то время покидает кухню, я быстро запикиваю в себя завтрак. Может теперь он уедет? Ощущать его рядом... так сложно. Его сегодня так много, что он здесь делает, почему не торопится по делам?

Насти и Варвары все нет, я волнуюсь, набираю им на мобильный. Поговорив немного, иду в свою комнату, не зная, чем заняться. С Тагиром буквально сталкиваемся нос к носу в узком коридоре, который ведет из гостиной ко мне в комнату.

— Ты выглядишь такой испуганной, словно привидение увидела, — усмехается Валиев.

— Просто я сегодня весь день на тебя наталкиваюсь, — выпаливаю, прежде чем успеваю подумать, что несу.

— Я тебя пугаю? Смущаю?

— Нет. Нисколько.

Боже, конечно же ты смущаешь меня, — выкрикиваю уже мысленно.

— Я сама хотела с тобой поговорить...

— Что ж, пойдём.

— На улицу? — предлагаю с надеждой. — Такая чудесная погода...

— Я уже понял, что в мою комнату тебя уже не затащить, — краешками губ улыбается

Валиев. — Но придется, Вилена, смирись. С этого дня ты ночуешь у меня.

После этого заявления у меня из головы вылетают все вопросы, что хотела задать ему. Какое-то время мы молча ходим по просторному саду Маргариты Сергеевны. Такая чудесная погода, что я почти не замечаю боль в ноге. Но от Тагира ничего не ускользает.

— Что такое, Вилена? Почему ты хромаешь?

— Ничего. Немного подвернула ногу.

— Тогда почему молчишь? Терпишь боль? Ты просто невыносима. Пойдем в дом. Надо показаться врачу.

— Нет, пожалуйста! Я не хочу в дом, — отвечаю торопливо. — И врача не надо, уже почти не болит.

— Когда ты ее подвернула? Когда убегала от меня ночью?

Конечно же, густо краснею. Больше всего боялась, что Тагир заговорит о том, что произошло ночью... И вот, моя чертова лодыжка подвела. Ужасно злюсь, кусаю нижнюю губу.

— Нет, не тогда. Днем... Пожалуйста, мы можем вернуться к разговору о будущем?

— Хорошо, — Тагир смотрит на меня, в его глазах пляшут чертики. — Не могу отказать тебе. Тогда хотя-бы сядем где-нибудь.

— Тут есть большие качели...

Длинный подвесной диван со множеством маленьких подушек я заприметила еще вчера. Очень уютное место в окружении кустов роз. Расположившись на нем, Тагир закидывает мои ноги себе на колени. Первый порыв — вырваться, но я подавляю его. Валиев внимательно осматривает мою ногу. А потом говорит новость, от которой едва не падаю с качелей...

— Завтра приедут родители Насти, — огорошивает меня сообщением Валиев. Я аж подпрыгиваю.

— Что? Что ты такое говоришь? Как ты мог! — меня трясет от дикой паники.

— Потихе, не кричи. Они приедут для оформления опекуинства. Отдадут тебе все права на ребенка. Напишут тебя настоящей матерью, или как там правильно... Я не вникал, этим занялись мои юристы. Короче, Настя станет полностью твоей. Ни к чему ей родство с этими алкашами.

— Но откуда... Откуда ты все это узнал? Почему... Ты мне поверил? Что это не прихоть моя была... Я не думала, что поверишь...

Меня душат слезы, эмоции на разрыв. Огромная, всепоглощающая благодарность, хочется даже на колени перед Тагиром упасть... Хотя на коленях я и так перед ним стою довольно регулярно, — усмехаюсь про себя. Минутка черного юмора немного остужает бурлящие эмоции. Тагир ничего не делает просто так. Он, определенно имеет свои цели. Но какие?

— Ты мне объяснишь, зачем тебе все это? Сколько мы здесь пробудем?

— Почему тебя так волнует этот вопрос? Тебе есть куда идти?

— Думаю, если ты узнал о родителях Настей, то и про другие вещи выяснил, — говорю с горечью.

— Да, я знаю, что твой брат умер. Мне очень жаль.

— Спасибо.

— Ты можешь оставаться здесь сколько пожелаешь.

— Серьезно? Это ведь не твой дом, Тагир... Ты не можешь поселить нас здесь навечно.

Скоро вернется хозяйка...

— Не думай об этом Вилена, я сам разберусь с Маргаритой.

— Ты же понимаешь, что я не могу не думать о будущем, имея на руках ребёнка?

— Да, понимаю. Ты очень сильно поразила меня. В твоём возрасте взять на себя заботу о чужом ребёнке... Это необычно. Ты сильная девушка, Вилена.

Мы еще долго разговаривали, Валиев всё-таки вытащил из меня подробности моего прошлого, хотя, конечно, многое рассказывать было непросто, про брата говорить было дико больно. Тагир словно вскрывал мои нарывы. Слушал спокойно, молча, только мрачнел все больше.

□

— Если ты поверил мне в истории с Настей... то должен поверить и про тайник, — перевожу разговор, не в состоянии больше вспоминать прошлое. — Почему ты не хочешь проверить, есть ли там деньги? Я хотела отдать их родителям девочки. Теперь готова отдать их тебе.

— Мне не нужны твои деньги, Вилена. Если они там, я сам отдам их тебе. Сейчас не думай про это. Если их не нашли до сих пор, то сейчас точно никто не возьмет. Там круглосуточно охрана.

— Что ты хочешь сделать с домом?

— Сжечь.

— Ты серьезно?

— Если хочешь, подарю тебе.

— Нет... я никогда не стану там жить. Разве что продам. Куплю маленький домик где-нибудь в деревне. Наверное, я кажусь идиоткой, да? Такие примитивные мечты...

— Нет, ты не кажешься мне идиоткой.

Меня ничуть не утешило, что Тагир не считает меня идиоткой. Куда важнее вопрос — так кто же я для него? Сиротка, которой он помогает из жалости? Пленница? Игрушка?

Больше всего на свете я боялась начать строить воздушные замки, верить в то, что между нами есть что-то куда большее, нежели товарно-денежные отношения. Потому что невольно начинала очаровываться этим мужчиной. Как в юности. Меня тянуло к нему. Наступающей ночи я ждала с предвкушением, и ничего не могла с этим поделать...

Уложив Настю, чувствую, как внутри все дрожит от ожидания. Сама не пойду к нему. Может надо, может он этого ждет... Но я не пойду. Пусть сам придет и скажет мне об этом.

Когда раздался стук в дверь, почувствовала головокружение. Откуда я настолько уверена, что это Тагир? Сердце стучит бешено. Понимаю, что играю с огнем, но мне нужно доказать Тагиру, что я сильнее, чем он думает. Я хочу завоевать его уважение, чтобы относился ко мне как к личности. Пусть даже у наших так называемых отношений есть срок после которого расстанемся навсегда...

— Можно войти? — тихо спрашивает Валиев.

— Лучше я выйду... чтобы не разбудить ребенка.

— Хорошо.

Выскальзываю в коридор. Стараюсь выглядеть спокойной. А ведь весь вечер его ждала, перед зеркалом крутилась, немного румян, немного теней для век... глупо думать, что макияж поможет, но не удержалась.

— Слушаю тебя.

— Я думал, ты поняла, что ночуешь в моей комнате, — спокойно говорит Тагир.

— Да... извини, — опускаю голову.

Почему он такой холодный, отстраненный. Днем он куда-то уехал, вернулся видимо недавно, все еще в костюме, официальном, деловом, при галстукке. Ему, кстати, очень идет такой вот стиль. Чуть приглушает его звериную натуру, рвущуюся наружу. Но меня уже не пугает этот зверь, о нет. Лишь смущает немного и страшит... потому что чувств к нему все больше...

— Ты хотела, чтобы я сам пришел за тобой, — бьет в самую суть Валиев. — Верно?

— Я занималась ребенком, извини. Не думала о тебе. Прости...

Опускаю голову.

— Хорошо, пусть так. Дамы вперед.

Подниматься вверх по лестнице, чувствуя на себе пристальный мужской взгляд — то еще занятие. В какой-то момент ноги заплетаются. Но снизу сильные руки сразу обхватывают талию.

— Осторожнее.

— Да, спасибо, — киваю, не оборачиваясь.

— Как твоя нога?

— Намного лучше, спасибо...

Заходим в комнату. Останавливаюсь в центре, не зная, что делать. Раздеться? Мне неловко начинать первой. Жду его указаний... Что он пожелает сегодня? Минет? Или полное соитие... Боже, я до сих пор смущаюсь этих словечек...

— Я до сих пор смущаю тебя, Вилена?

Интересно, почему здесь, в комнате, его голос звучит ниже? Или мне так кажется? И нотки чувственности тоже мерещатся?

Меня охватывает странное чувство предвкушения. Еще не знаю толком, зачем он меня сюда позвал, а между ног уже становится горячо и влажно. Почему? За что мне такое наказание? Тем более, когда Валиев стоит, отстраненный, равнодушный, даже руки не вынимает из карманов. Но стоит мне сделать всего шаг навстречу, Тагир подается вперед, обхватывает мои руки чуть пониже плеч, привлекает к себе.

— Почему я себя чувствую порочным совратителем малолетних? — спрашивает с легкой насмешкой. Обхватывает руками мое лицо. Прикосновение теплых ладоней отзывается внутри дрожью, пробегающей вдоль позвоночника.

— Я не малолетка, и ты это знаешь, — произношу хрипло.

Он тот, кто лишил меня невинности, так к чему все эти подколы?

— Ты права. Я тоже так думаю.

Тагир проводит ладонями по моим волосам, пропуская пряди сквозь пальцы. Его рука скользит под густую копну, нежно обхватывает затылок, слегка наклоняет мою голову. Другой рукой обнимает меня за спину, прижимая к себе крепче. Чувствую жар его тела, стальную мощь мускулов. Груды прижимаются к нему так крепко, что начинают ныть и гореть. Его губы накрывают мои, горячие, настойчивые. Мои руки сами ложатся ему на шею, обнимая, и одновременно держась, лишь ради того, чтобы не упасть. Даже приходится привстать на цыпочки и повиснуть у него на шее, чтобы переложить хотя бы частично тяжесть своего тела. Мягкие тапочки слетают с ног, теперь я босиком, ноги утопают в ковре с высоким ворсом. Тагир целует меня до тех пор, пока не отстраняюсь, чтобы глотнуть воздуха, которого начинает остро не хватать... Пара секунд... и новая порция поцелуев.

Рука Валиева протискивается меж наших тел, медленно поднимается вверх, пока не накрывает полушарие груди, лаская сквозь платье. Напрягшиеся соски горят, прикосновения сводят с ума. Рука перемещается на другое полушарие. Невольно выгибаю спину, теснее прижимая груди к его опытной руке. Голова кружится, тело словно в огне, все труднее соображать, а уж говорить тем более.

— Безумие. Ты ассоциируешься у меня с этим словом, Вилена.

Замечаю, что и Тагир тяжело дышит. Его скулы кажутся еще темнее от напряжения. В глазах отражался свет ночника, который единственный освещает комнату тусклым светом, создавая впечатление, будто полыхают два костра. Длинные загорелые пальцы тянут платье вверх, умело стаскивают с меня. Ложатся на груди, прикрытые скромным белым бюстгалтером, сквозь тонкую ткань которого явственно начинают проступать твердые соски. От одного вида его руки, смуглых пальцев, стискивающих острый сосок через ткань, меня начинает колотить дрожь. Как же трудно сражаться с собственным телом, которое изнашивает, молит о прикосновении. Раздается тихий щелчок застежки, Тагир отбрасывает бюстгалтер в сторону. Наблюдая за тем, как его ладони накрывают оба полушария, чувствую горячий озноб, пробегающий по телу. Тагир еще крепче обхватывает мои груди, и уже не дрожь, а судорога сотрясает меня от его грубоватых ласк.

Подняв глаза, вижу, что Валиев внимательно изучает мое лицо. Его взгляд становится тяжелым. Наклонив голову, он просовывает язык мне в рот. Движения требовательные, жесткие, даже грубые. Почему это возбуждает еще сильнее? Дрожа всем телом, отвечаю на эти откровенные поцелуи, подрагивающими ладонями глажу шею Валиева, провожу рукой

по коротким жестким волосам, упиваясь ощущениями. Страх почти прошел. Осталась лишь небольшая неуверенность и неловкость, ведь он в костюме, а я — в одних трусиках. Меня бросает в жар при мысли об этом контрасте.

Пламя, бушующее в крови, становится еще горячее. Безрезультатно пытаюсь справиться с этим пожаром, сохранить контроль над собой. Тянусь руками к галстуку Тагира, тяну за узел, но руки не слушаются. Его руки приходят на помощь. Умело развязав галстук, Валиев снимает его, потом идет очередь пиджака, и, освободившись от обоих атрибутов, он снова притягивает меня в объятия. От нового поцелуя приходит ощущение, будто комната вращается. Приходится крепче вцепиться в тонкую ткань его рубашки, пытаюсь удержать равновесие. И все равно я откликаюсь на поцелуй.

— Мне нравится твое нетерпение, продолжай, — посмеиваясь произносит Тагир. Смотрю снизу-вверх, он такой высокий, что приходится задирать голову. Устремляю взгляд на точеный подбородок, очерченный воротом все еще застегнутой на все пуговицы рубашки.

Мои поддрагивающие пальцы скользят по пуговицам. Главное не отвлекаться на созерцание крепких мускулов, обозначившихся под мягкой тканью. Начинаю расстегивать пуговицы, неловко дергая за них. Расстегнув треть, случайно отрываю одну из пуговиц, жутко смущаюсь и останавливаюсь.

— Извини...

— Пришьешь позже. Продолжай.

Голос хриплый, властный, и все равно сквозит легкая ирония в том, как он это сказал. А у меня сразу перед глазами мелькает картина... Как я пришиваю пуговицу... Как жена. Я ведь отлично понимаю, как опасны подобные мысли! Хочется самой себе дать оплеуху. Но отвлекает Тагир, он так жадно пожирает меня взглядом, что мое лицо начинает пылать.

— Мне нравится твоя неопытность, Вилена, — произносит от, на тот раз без тени улыбки. — Не бойся. Сегодня не будет больно. Хотя, никогда в жизни я не был так возбужден. Ты мучаешь меня, детка.

Как же мне нравится его хриплый голос, и слова, что он говорит! Я и не рассчитывала, что смогу возбудить его. Мне безумно этого хотелось. Возбудить его так, как никто и никогда... Все потому, что я по-прежнему... Влюблена в этого мужчину. При одной мысли об этом сердце начинает колотиться просто бешено, в ушах нарастает шум. Будто в вязком тумане заканчиваю возню с пуговицами на рубашке, которую Тагир буквально сдирает с себя. Робко подаюсь вперед, касаюсь губами смуглой груди с выступающими рельефными мышцами, касаюсь шрамов... Тагир останавливает меня. Смотрю обиженно, но он поясняет:

— Я не вынесу, детка. Сейчас я слишком сильно хочу тебя.

Смотрю непонимающе. Так хочет, что ему неприятны мои прикосновения?

Он вдруг подхватывает меня на руки, делает несколько шагов к кровати, кладет меня на постель. Затем начинает расстегивать брюки. У меня перед глазами продолжает все плыть, голова кружится, и все же, приподнявшись на локтях, жадно впитываю каждое его движение. Мне интересно. Хочу чувствовать каждую минуту, проведенную с ним. Каждое его движение, жест.

Полностью обнаженный, Тагир опускается на постель рядом со мной.

— Продолжим, детка?

Не успеваю ответить. Он наклоняет голову, горячие и влажные губы смыкаются вокруг соска. Вцепившись в мужские плечи, задыхаюсь в потоке неизъяснимого блаженства, в то время как Тагир продолжает сводить с ума умелыми ласками, все сильнее вжимаясь в меня.

Давая почувствовать насколько возбужден. Твердая выпуклость, немного пугает, но в то же время, так и манит. Подаюсь ближе, прижимаюсь теснее, чувствуя, как горячие волны растекаются по бедрам. Хочется потереться, как кошке. Делаю это, ощущая, как желание вспыхивает еще сильнее.

Хочу, чтобы он взял меня. Здесь. Сейчас.

Внезапно улавливаю некое движение в противоположном углу комнаты — огромное зеркало шкафа отражает происходящее. Замираю, потрясенная увиденным: обнаженная, спутанные волосы рассыпались по плечам, губы припухли от поцелуев, щеки красные от возбуждения. Моя бледная кожа сильно контрастирует со смуглым загаром Валиева. Он гладит меня, собственнически ласкает руками, которые проникают везде. Где он только пожелает...

От этого зрелища еще сильнее замирает, а затем пускается бешеным галопом сердце. Наши взгляды встречаются в зеркале и какое-то мгновение не отпускают друг друга.

— Нравится, что видишь? — низким голосом спрашивает Тагир. Под прицелом устремленных в зеркало взглядов, нежно гладит, а затем стискивает мои груди, заставив выгнуться и издать стон. Большой палец пробегает по напрягшемуся соску. Прикосновение, словно молния, пронзает тело, дыхание перехватывает.

Он обхватывает пальцами мое лицо, разворачивает к себе. У основания загорелого горла бешено пульсирует жилка. Почему-то именно это еще сильнее возбуждает меня.

— Хочу тебя, — начинает скользить другой рукой по ноге, выше к ягодицам, на внутреннюю поверхность. Прикосновение кажется обжигающе горячим, когда пальцы уверенно ныряют под трусики, накрывая лоно, а затем погружаясь глубже.

Тяжело дышу в раскрытые губы Тагира, когда он отыскивает особую точку, надавливает, начинает гладить, заставляя корчиться от блаженства.

□

— Тебе нравится, как я тебя трогаю, детка? Или мне перестать?

Рука Тагира замирает, подаюсь к ней, показывая, что он мне нужен. Я захныкать готова от разочарования.

— Мне нужен ответ.

— Да.

— А точнее?

— Нравится, — шепчу, снова подаваясь вперед.

— Здесь? — новый нажим выбивает воздух из моих легких. — Тебе нравится, когда я трогаю тебя тут?

— Да, — отвечаю с полустоном.

Его пальцы скользят чуть ниже, разделяя складки плоти, проникая в меня. Тянувшая боль меж бедер становится острой, и единственное, что может ее унять — новое прикосновение к заветной точке. И он безошибочно угадывает это...

— Ты мокрая для меня.

— Это... плохо?

Тагир качает головой, касается губами моего плеча:

— Мне нравится, что заставляю тебя быть такой мокрой.

Он вдруг берет меня за запястье, и кладет мою ладонь на свой возбужденный член. Обжигающе горячий и невероятно твердый. Опускаю взгляд: мне он кажется набухшим до огромных размеров, возбужденным до предела.

— Я больше не могу ждать, — рычит Валиев.

Отстраняется от меня, тянется к верхнему ящику тумбочки. Смотрю непонимающе, пока не показывается небольшая блестящая упаковка, которую разрывает зубами. Смотрю, не отрываясь как Тагир раскатывает презерватив по члену.

— Ты готова?

— Да, — выдавливаю, задыхаясь. Страсть, вязкая и горячая, несется по венам. Тагир накрывает меня своим телом, проникая внутрь, осторожно, медленно. Чувство давления все усиливается, мне становится больно. Его член словно заполняет меня на полную, мне передается его жар. Вскрикиваю, но губы Тагира накрывают мой рот, заставляя замолчать. Его губы и язык влажные, горячие, поцелуи полны исступления. Он буквально расплющивает меня своим телом, овладевая с такой настойчивостью, что не успеваю даже дышать. Входит еще глубже, я вскрикиваю.

— Тсс... Больно?

— Немножко.

— Доверься мне, детка. Станет лучше.

Просунув руку меж нашими телами Тагир находит клитор, начинает ласкать, двигаясь осторожно, постепенно делая толчки более глубокими. Постепенно и правда становится полегче. А потом и вовсе, что-то происходит, пальцы Тагира гладят место, которое словно искры из меня высекает. Так хорошо... невероятно просто. А боль от его размера, от того что переполняет меня, будто до самого сердца достает членом, только усиливает наслаждение. Обвиваю его бедра ногами, прижимаюсь, издаю бесстыдные стоны, которые уже не могу контролировать. Толчки все сильнее, и я встречаю из с упоением. Отдаваясь полностью во власть этого мужчины. Млея от одного осознания этого.

Приподняв мои колени, Тагир начинает врываться в меня резкими и быстрыми толчками. Они отдаются во мне сладкой болью и раздирающим на части удовольствием. Он толкается мощно, до упора, и я теряюсь в сумасшедшем водовороте, тону, захлебываюсь. С каждым его проникновением с губ срывается стон. Невыносимо. Порочно. Сладко.

Взрыв накрывает меня совершенно неожиданно. Безжалостно. Судорога скручивает тело, спазмы прошивают насквозь, до кончиков пальцев. Сильные толчки Тагира продляют этот невероятный взрыв. Последний удар, Тагир хрипло выдыхает, его лицо искажено... и прекрасно. Наступает тишина. Тагир выходит из меня, ложится рядом. Его глаза закрыты.

Мне почему-то отчаянно грустно. Хочется хоть какой-то ласки, знака. Проявления нежности. Хоть какого-то чувства. Ощущаю себя бесконечно одинокой и никому не нужной. Оглядываюсь в поисках своей одежды. Осторожно приподнимаюсь, спускаю ногу с постели...

— Ты куда собралась, Вилена?

Почему его голос звучит так холодно? После всего что мы сейчас пережили... Но конечно, я не буду спрашивать его об этом.

— Мне нужно к Насте.

— Она может проснуться?

— Да... Я переживаю...

На самом деле, Настя спит очень крепко. А Варвара наоборот, очень чутко, и обязательно придет к малышке. Не знаю, зачем я лгу...

— Хорошо.

Я думала, он остановит меня. Сейчас мне еще хуже. Хожу по комнате, собирая свою

одежду. Быстро натягиваю платье на голое тело и выскользываю за дверь. Медлить — значило бы унижить себя еще больше...

Захлопнув за собой дверь своей комнаты, падаю на кровать, сворачиваюсь на постели клубком. Меня знобит. Какая же я идиотка! На что я рассчитывала? Что Тагир побежит за мной? Ну да, конечно, размечталась... Знала ведь, что нельзя строить воздушные замки! Должна скрывать от Тагира, как меня тянет к нему...

А вместо этого отдалась бездумно...

Погода вторила моему ужасному настроению, за окном бушевала гроза. Я закуталась в одеяло с головой. Самое тяжелое, что я не умею плакать. Когда умер Павел я столько плакала, что с тех пор у меня нет больше слез... Или, возможно, подсознательно считала, что это лицемерие. Ведь этой ночью Валиев не сделал со мной ничего из того, что я не желала сама... Случилось то, чего больше всего опасалась: в сердце снова зажглась любовь к Тагиру...

Утром меня разбудила Варвара, Настя опять уже проснулась и была накормлена завтраком, а я начала себя корить — да что ж за мать такая, дрыхнет и даже не слышит, как ребенка забирают из комнаты.

— Дочка, тебя Тагир Исаевич просит через час быть готовой. Куда-то поехать с тобой хочет. Еще он особо отметил, чтобы ты обязательно позавтракала. Так что давай, не подводи меня, вставай, умывайся, — хлопчет, собирая игрушки, разбросанные по комнате.

— Я сама соберу, не надо...

— Говорю же, нет у тебя времени. Поторопись, Вилена. Ух, такой строгий мужчина, я аж трепещу перед ним, — продолжает свою речь баб Варя. — Ты бы с ним как-то понежнее была, что ли...

— Что? Ты о чем?

— Ну ты прям шарахаешься от него. Другая бы наоборот, всячески на глаза попадаться старалась. Эх, ребенок ты еще, куда только Настю родила...

— Настя не моя дочь, — вздыхаю. Пришло время сказать правду. Варвара выпучивает глаза.

— А чья? Ох, не подумала я, ну конечно. Павлика она, да? Бедный парень, хоть частичку после себя оставил.

Вздрагиваю, мотаю головой.

— Ты извини меня, что завела такой разговор, не со зла я... Да еще с утра, дурья моя голова...

— Все нормально, я пойду одеваться. Я потом все расскажу, хорошо? Не обижайся, но сейчас и правда времени нет на это.

— Ну конечно, я понимаю. Собирайся. Оденься покрасивее, щеки подрумянь, а то бледная.

— Хорошо, обязательно.

На самом деле я не собираюсь заниматься макияжем, считаю, что это совершенно ни к чему. Да и завтракать тоже не планирую — потому что мне кусок в горло точно не полезет. Я безумно нервничаю. Потому что эта поездка... от нее зависит вся моя дальнейшая жизнь. Боюсь поверить, что еще пара часов и Настя станет официально моим ребенком. Не нужно будет убегать, прятаться, бояться. Собирать деньги, испытывать постоянное отчаяние. За одно это можно влюбиться в мужчину, правда же? Тагир... он делает для меня то, за что

всегда, всю жизнь буду ему благодарна.

— Ты за что-то сердисься, Вилена? — спрашивает Валиев, когда сажусь в его машину и мы едем приблизительно минут пятнадцать.

— С чего ты взял?

— Такое ощущение. Обычно интуиция меня не подводит. Поговорим о прошлой ночи?

— Извини... Я сейчас целиком на Насте сосредоточена, — бормочу торопливо, нисколько не имея желания обсуждать прошлую ночь.

— Все будет хорошо, не волнуйся. Это быстро, подпишешь документы. Я мог привезти этих людей в дом Маргариты, но адвокаты настаивали на правилах. На том, чтобы все прошло на нейтральной территории.

— Думаешь, они могут передумать?

— Никто не может дать гарантии, что придет человеку в голову спустя время. Не хочется? чтобы они узнали адрес. Кто знает, сколько ты здесь пробудешь, — говорит Валиев задумчиво.

— Я не планирую долго стеснять...

— Ты не стесняешь, Вилена. Дело не в этом, не принимай мои слова сразу в штыки. У меня нет цели тебя задеть, наоборот, я искренне считаю, что дом Маргариты тебе подойдет. У тебя нет больше родственников, а она отзывчивая женщина. Тоже одинокая, ей нужно о ком-нибудь заботиться... Ну и я... всегда буду знать, как ты. Навещать тебя.

— Предлагаешь стать твоей постоянной любовницей? — спрашиваю с горечью. Конечно, я сразу знала, что ничего большего Тагир мне предложить не может... Но как же горько это слышать. — Давай закончим этот разговор, мне сейчас не до судьбоносных решений.

— Хорошо.

До конца поездки мы оба больше не проронили ни слова. Встреча с родителями Насти, как и обещал Тагир прошла спокойно. Были адвокаты, которые больше к этим двум, решившим продать свое дитя обращались. Разумеется, про деньги речи не шло. Мне сделали документы, якобы я родная мать девочки и родила ее... Настоящая же мать, тряслась, как деньги увидеть хотела. Противно было наблюдать все это.

Только когда все закончилась, мы попрощались со всеми и вернулись в машину, я почувствовала, как меня затапливает волна радости и облегчения.

— На этот раз все точно? Ты ведь не обманываешь меня? Я мало что поняла из всех юридических терминов, которыми сыпали твои адвокаты...

— Все точно, Вилена. Зачем мне нужно обманывать тебя, говорю, как есть, — следует спокойный ответ.

— Спасибо. Огромное спасибо тебе! Я... твой должник. Но денег ты не хочешь...

— Поехали домой, Вилена. Там я покажу тебе, чего хочу...

Какое-то время в салоне висит абсолютная тишина. Я ухожу в свои мысли, в которых есть и грусть, и в то же время трепещущее предвкушение. Внезапно меня подбрасывает вперед на сидении, спасает ремень безопасности, иначе бы сила удара, наверное, вытолкнула бы меня в лобовое стекло. Мы попали в аварию? В нас врезалась едущая позади машина? Не успеваю подумать об этом, как Тагир резко дает по тормозам. Какой-то черный джип преграждает нам путь! Из него выскакивают люди с пистолетами, или автоматами, я ничего не понимаю в оружии, и открывают по нам стрельбу. Последнее, что помню, это как Тагир накрывает меня собой, прижимая к сиденью.

— Ползи назад, но не высовывайся, — следует отрывистый приказ, а потом Тагир вываливается со своей стороны из машины. Меня колотит от ужаса, жмусь к полу, тоненько попискивая, слыша выстрелы.

Это конец, только подумала, что все хорошо и жизнь налаживается. Отвоевала ребенка... Что хотят от нас эти люди? Кто им нужен? Тагир или я?

Но кому может понадобиться девчонка, вина которой лишь в том, что когда-то она была дочерью своего отца. Я никому не причинила вреда. Никому кроме Тагира.

Пока я все это прокручивала в голове выстрелы стихли. Распахивается дверь, я замираю не дыша. Боюсь высунуться повыше и взглянуть, кто сейчас занял водительское место...

Машина с визгом покрышек вылетает снова на дорогу. Скорость явно очень большая. Чуть-чуть приподнимаю голову и захлебываюсь облегчением. За рулем Валиев, вот только его ладонь, лежащая на руле — в крови. Салон наполняет запах железа, у меня начинает кружиться голова.

— Что случилось? — спрашиваю дрожащим голосом. — Что нужно этим людям?

— Прости, детка, — Тагир издает стон, и мне становится почему-то очень страшно. Теперь я уверена, что он ранен... — Мне сейчас не до разговоров. Надо выбраться.

— Ты едешь в другую сторону! — замечаю, выглянув в окно.

— Потому что уверен, впереди, по обычному маршруту нас ждут.

— Господи, это не могут быть родители Насти... они обычные алкаши, зачем им...

— Это не они конечно.

— А кто?

— У меня много врагов.

— Снова я беду на тебя накликала, — всхлипываю. — Ты ранен?

— Ерунда.

— Что ты такое говоришь?! Мы же не герои боевика!

Тагир спокоен, а у меня начинается истерика, замечаю, что лицо мокрое от слез. Что если нас настигнут? Что если мы не выберемся? Продолжаю паниковать, но стараюсь не лезть к Тагиру. Надо подумать, могу ли я хоть чем-нибудь помочь ему...

— Не поднимайся, — вдруг командует глухо, когда пытаюсь выглянуть в окно.

Мне безумно страшно, кажется, пора прощаться с этим миром. От дикого страха все тело трясет крупной дрожью, в груди поднимается тошнота. Потому что Валиев все увеличивает скорость, скорее всего это означает, что преследователи обнаружили нас. Снова раздаются звуки стрельбы. Боже, я даже по телевизору никогда боевики не любила, а тут... Паника буквально захлестывает меня, кажется на какой-то момент даже теряю сознание. Очнувшись, бросаю взгляд на Тагира, он сосредоточен на дороге, его смуглое лицо — словно маска, побелевшее.

— Можешь сесть нормально, — цедит сквозь зубы.

— Мы оторвались?

— Пока. Но это ненадолго.

Сажусь, тереблю в руках ремень безопасности, снова бросаю взгляды на Тагира. Его рубашка в крови.

— Тебя надо перевязать... ты же истекаешь кровью. Надо остановиться...

Но Валиев никак не реагирует на мои слова. Видно, что зубами скрипит об боли, лицо все бледнее, бескровное, черты заострены. Сконцентрирован на дороге. И тогда от страха

начинаю говорить какую-то успокаивающую чушь, вспоминать о Насте, о том, что я обязательно должна к ней вернуться.

— Они еще преследуют нас, как думаешь?

— Они не отстанут.

— Думаешь у нас есть шанс?

— Снова вниз, быстро! — резко приказывает Тагир, и я сползаю под сидение. Свист покрышек, перестрелка, затыкаю уши руками.

И все! Никакой информации о дальнейших действиях! Просто несемся на полной скорости сквозь ночь, и у каждого крутого поворота сердце делает головокружительный кульбит. Чувствую, как от нервов начинает потрясывать, подкатывает тошнота...

— Держись, Вилена. Еще немного и мы у цели, — вдруг произносит Валиев.

Мне очень хочется спросить, что он имеет в виду, но страшно отвлекать его, машина все увеличивает скорость. Впрочем, мне достаточно знать, что эта безумная гонка скоро закончится...

— Перебейся назад. Сиди прямо за мной и когда скажу, ты должна будешь открыть дверь и выпрыгнуть.

— Что? Ты издеваешься? Я не смогу!

— Я сброшу скорость до минимума. Будет трава, не волнуйся, не разобьешься, максимум помнешь платье.

Очень смешно! Конечно, я прямо только об одежде беспокоюсь!

— Давай, сейчас, — Тагир вдруг круто берет вправо, мы вылетаем в поле, несемся по нему, а потом в конце он сбрасывает скорость... Безумно страшно, но другого выхода нет. Выскакиваю в высокую траву, зажмурившись. К счастью удачно, только немного ударяюсь бедром. Максимум синяк будет. И тут вижу, что дальше — обрыв. Узнаю это место... Совсем неподалеку отсюда — та самая проклятая поляна, где нас застал мой отец... Я приезжала сюда, после того как вернулась из монастыря. Несколько раз приезжала. Грехи мысленно замаливала, бродила тут как сумасшедшая... В последний раз я была здесь перед побегом с братом. Прощалась... То, что мы оказались именно в этом месте, действует на меня даже сильнее чем погоня и перестрелка. Столько эмоций внутри, меня трясет.

Машина продолжает двигаться, к обрыву. Теперь до меня доходит замысел Тагира. Пока преследователи обнаружат, что нас нет в той машине, можно выиграть время. Но как мы выберемся из этих безлюдных мест, без транспорта, тем более Валиев ранен?

Раздается громкий хлопок, скрежет металла, в воздух поднимается красное пламя. Мы совсем рядом с обрывом. Мои зубы стучат, никак не могу побороть сильнейший озноб.

— Теперь к лесу, — командует Валиев.

Ничего не говоря следую его приказу.

— Черт!

— Что такое?

— Телефон... Не могу найти. Посмотри в кармане пиджака, правом. Обыскиваю все карманы, руки трясутся, пачкаются в крови Валиева, которой все больше... Ему необходима помощь... Что если он умрет? Нет, только не это! Запрещаю себе такие мысли.

— У тебя есть с собой мобильный? — спрашивает Тагир устало.

□

Отрицательно мотаю головой. Сумочка осталась в машине. Со всеми документами на ребенка, которые я таким трудом получила, когда уже и не надеялась...

— Черт, неважно, он все равно не ответит на звонок с чужого номера.

— Я вернусь... Мы недалеко ушли. Я быстро!

Тагир прав, нужно позвонить, но только самому проверенному человеку, которому можно доверять.

— Нет, Вилена, это опасно. Тебя могут увидеть... Нам надо уходить отсюда как можно скорее...

— Я быстро, жди меня здесь!

* * *

Это настоящее чудо, мне удастся очень быстро отыскать телефон в примятой нашим падением траве. Со всех ног возвращаюсь к Валиеву, все душой надеюсь, что с мобильным ничего не случилось и он в рабочем состоянии. Наш единственный шанс! Протягиваю его Тагиру, который сидит на земле, опустившись перед ним на колени.

— Как ты?

— От того что спрашиваешь, лучше не станет, — забирает телефон у меня из рук, отвечая не слишком любезно.

Но я говорю себе, что его можно понять, в такой ситуации глупо ждать сюсюканья. Валиев набирает номер, говорит что-то, буквально несколько фраз на незнакомом мне языке, и нажимает отбой.

— Что теперь?

— Надо добраться до леса. Это место тебе знакомо, — кривит лицо то ли от боли, то ли от неприятных воспоминаний.

— Да, я узнала эти места, — отвечаю тихо.

— Может и поляну ту самую найти сможешь?

— Смогу.

— Удивила, — усмехается Тагир.

— Я приезжала сюда... Помолиться. Когда из монастыря выпустили... — выдавливаю из себя искреннее признание.

Тагир смотрит на меня очень внимательно, словно пытается что-то прочесть на моем лице. Может подозревает во лжи?

Кое-как начинаем продвигаться вперед. Предлагаю Валиеву опереться на свое плечо, но он гордо отказывается, хотя идти ему все труднее. Находит какую-то палку, опирается на нее, теперь движемся чуть быстрее.

Наконец, оказываемся среди деревьев, здесь чувство защищенности усиливается.

— Не волнуйся, за нами скоро придут, — Тагир садится, привалившись к дереву, закрывает глаза.

— Кто придет? Кому ты звонил?

Эти вопросы остаются без ответа, я тоже сажусь на землю возле сосны, напротив Тагира. Наблюдаю за ним пристально, размышляя, что нас ждет.

□

Проходит приблизительно минут пятнадцать, в кустах неподалеку слышу шорох. Вскликаю, испуганно озираясь по сторонам. Тагир же наоборот, даже головы не поднимает, что пугает меня еще сильнее. Неужели он без сознания?

Из кустарника рядом с нашим привалом выходит мужчина, пожилой, длинные седые волосы, борода, крупные ладони... Он производит пугающее впечатление, похож на лешего. Мужчина подходит к Тагиру, тот поднимает голову, и я вздыхаю с облегчением. Они явно знакомы. Незнакомец произносит что-то отрывисто на непонятном мне языке. Валиев отвечает ему, жмет протянутую руку. Старик помогает Тагиру встать на ноги.

— Что случилось, брат? — переходит на русский. — Покажи рану, — не ожидая ответа, приступает к осмотру.

— По ребрам прошла, вскользь, навывлет. Совсем неглубоко, повезло тебе. Прицокивает языком, что-то бормочет, опять на своем языке. Достает из куртки несколько инструментов, маленькую аптечку. Тагир белеет от боли, пока мужчина скрепляет рану.

— Терпи. Чтобы кровь не терял. Дома зашью. Уходить надо.

— Спасибо, Махмуд, — едва слышно произносит Тагир. Мужчина переводит взгляд на меня. — Она тоже идет с нами? Ты не ранена, девочка?

— Нет... со мной все хорошо. Спасибо, что вы помогли нам.

— Иначе и быть не могло. Идемте. Я оставил машину на противоположном конце леса, подальше, чтобы не привлекать внимание. Люди, которые на вас напали, ищут повсюду, я их видел. Если заметят нас, мы все покойники. Эти парни явно не любят шутить.

— Кто они такие?! — произношу с отчаянием, даже не спрашивая, а просто высказывая свой страх, так почему-то легче...

— Бандиты они, ясное дело. Душегубы. К чему имена, подробности? Зачем? Это что-то может изменить? — ворчит старик, ведя Тагира, одновременно раздвигая кусты, тяжело дыша при этом. — Сейчас вам самое главное пересидеть, пока не приедут ваши ребята. Тогда все закончится быстро. Никто больше не посмеет...

— Хватит, Махмуд, — строго осаживает старика Валиев. — Ты что-то слишком болтлив сегодня.

— Так мне тебя тащить легче, отвлекаюсь, — не остается в долгу мужчина.

— Давайте я помогу тоже. Он может опереться на меня! — восклицаю торопливо.

— Нет. Иди за нами, — строго приказывает Валиев. — Скоро выдохнешься и саму тащить придется. Главное не теряйся не отставай.

Меня колотит, но сил полно, кажется, даже бежать могу. Видимо от страха. Последствия сильного шока. Махмуд внимательно смотрит на меня. Качает головой.

— Идёмте, нам сейчас не до споров.

Продвигаемся по лесу медленно и очень тихо, об этом тоже меня предупредил старик. Стараюсь делать как он велит.

достаточно шустро, что не могло не радовать. Мы ехали приблизительно час, у Тагира открылось кровотечение. Новые переживания. Мы оба расположились на заднем сидении, он фактически лежал на моих руках, а Махмуд отрывисто командовал прижимать крепче руку к ране. Моя одежда испачкалась в крови, подташнивало от железистого запаха.

Наконец, когда почти стемнело, машина остановилась возле покосившегося дома. Я никогда не бывала в этих местах. На многие километры тут ничего, кроме маленьких деревушек, полуразрушенных.

Кое-как втаскиваем Тагира в дом, он вваливается в комнату, опираясь на дверной косяк, и пачкая все кровью.

— Свет не зажигай, — выдавливает со стоном.

— Думаешь, и сюда заглянут? — прицокивает старик. — Так, ладно. Без кипятка не обойтись, — уходит куда-то вглубь дома.

— Они могут прийти сюда? — спрашиваю, когда остаемся наедине.

— Не будем рисковать...

Паника видимо отражается на моем лице, потому что произносит тихо, глядя на меня:

— Все нормально. Можешь выдохнуть.

Но я не верю ему. Какая-то чудовищно жуткая ситуация. Ничего не понятно. Мы на грани жизни и смерти... Все эти гонки, стрельба, как в дешевом кино. Чудовищно.

— Ты дойдешь до дивана? — спрашиваю подрагивающим голосом.

— Тебе придется мне помочь.

Валиев падает на диван со стоном.

— Выпивка там — показывает в угол комнаты. — Принеси.

— Тут есть хозяин... Мне неловко.

— Мне нужно виски. побыстрее.

Делаю как он просит, ставлю перед ним стакан и бутылку. Тагир наливает себе почти до краев.

— Так, смотрю анестезию ты уже приготовил, — посмеивается вернувшийся Махмуд. — Ладно, девонька. Тебе лучше на это не смотреть. Иди наверх. Любую комнату выбери, я туда правда сто лет не поднимался. Так что не обижайся, не гостиница. Но что найдешь — твое. Переоденься во что-нибудь, там должны быть чистые вещи, дочка у меня иногда останавливается. Вода там есть. Умыться можно. Кровать есть. Отдохни...

— Ну что вы. Спасибо вам огромное...

Покидаю комнату в указанном направлении. Свет от луны падает в окно, освещая лестницу, ведущую наверх. Да и глаза уже привыкли к темноте. Мне нестерпимо хочется в туалет. Найдя ванную комнату, кидаю быстрый взгляд на себя в зеркало. Глаза огромные и испуганные. Лицо покрасневшее, грязное, на щеке царапина... Долго умываю лицо прохладной водой. Хочется вымыться целиком, я грязная, потная... Но не решаюсь. Мне почему-то кажется, что все может поменяться в любую секунду. И я не хочу, чтобы этот момент застал меня голой и мокрой. Так что я просто обтираюсь полотенцем, которое сильно намочила.

Захожу в первую попавшуюся комнату. Тут пыльно, но все аккуратно. Заглядываю первым делом в шкаф, хочется сменить одежду на что угодно, лишь бы без пятен крови. Нахожу домашнее платье-халат, немного велико, но мне плевать, с радостью передеваюсь в него. Мою одежду можно только выбросить... Кладу испорченные вещи в пакет, оставляю на

полу в коридоре. Снова возвращаюсь в ванную, снова обтираю себя... Действую лихорадочно, нервно. А потом во мне разом кончаются силы, чувствую, что едва стою на ногах.

Возвращаюсь в комнату. Односпальная кровать застелена покрывалом. Выглядит чистым... Хотя мне уже наплевать. Ложусь поверх, прямо в одежде.

Мой сон глубокий, и тяжелый, вязкий, я пробираюсь по длинному черному тоннелю, хочу бежать, но двигаюсь как в замедленной съемке. Позади звучат выстрелы, кто-то кричит. Меня колотит от страха. Хочу закричать и не выходит.

— Эй, проснись, девонька, — меня трясут за плечо, все сильнее.

Открываю глаза, надо мной склонилось лохматое, заросшее лицо, вскрикиваю от страха, и только в следующую секунду понимаю, что это Махмуд. Вспоминаю все что произошло накануне.

— Извините, — произношу хриплым ото сна голосом.

— Да нет, это ты меня прости, что напугал, — говорит старик. — Приехали за вами, вставай давай, а то без тебя улетят.

— Улетят? — переспрашиваю удивленно.

— Давай, давай, поднимайся, пошли, — не реагируя на мой вопрос, торопит меня Махмуд. — Братья за Тагиром приехали. Далхан ждать не любит.

Хочется спросить кто такой этот Далхан, но говорю себе, что это неважно, да и хватит уже приставать к Махмуду. Послушно следую за ним, думая о том, что мне не помешало бы умыться, глаза со сна слипаются.

Спускаемся по лестнице, я иду следом за хозяином дома. Выглянув из-за его плеча, вижу, что возле входной двери, в коридоре, целая толпа мужчин. Все в чёрных одеждах, в руках у каждого оружие. Вздрагиваю, остаиваюсь. Но большинство из них в этот момент начинают выходить из дома. Остается лишь самый крупный, он выделяется и ростом, и размерами, настоящий великан. Явно вожак. Будто чувствуя мой взгляд, он поднимает голову и внимательно рассматривает меня.

— Это кто ещё такая, Махмуд? — спрашивает хмуро.

— Брат тебе всё объяснит, — пожимает плечами старик. — Не бойся, он тебя не тронет, — оборачивается ко мне. — Только с виду грозный, — это уже добавляет тихим бормотанием.

Этот мужчина действительно выглядит устрашающе. Почти два метра роста, широкие плечи, крупные руки, в которых он сжимает пистолет... или автомат, я хоть и дочь бандита, но всегда нарочито игнорировала оружие, не касалась его, смотрела с омерзением, чем злила отца, у которого была настоящая коллекция холодного и огнестрельного арсенала. Перед которой папа испытывал чуть ли не благоговение. А мы с Павлом росли наоборот, пацифистами, ненавидящими этих бездушных убийц.

Пока вспоминаю детство, продолжаю разглядывать мужчину. У него иссиня-черные волосы, длинная чёрная борода, густые брови, прямой нос и очень неприятный, колючий взгляд исподлобья. Великан и чудовище — оба слова подходят ему идеально.

— Только не говори, что это его девка, — кривит лицо великан.

— Я ничего не буду говорить, — пожимает плечами Махмуд. — Но ты все же не пугай девчонку. Видишь же, ребенок совсем.

— Ребёнок бы не оказался здесь, — мне достается ещё один презрительный взгляд.

Вздрагиваю, поспешно преодолеваю оставшиеся ступеньки, и отхожу как можно дальше

от громилы. Но даже уйдя в другую комнату, которая оказывается кухней, к моей радости, потому что дико хочу пить, не чувствую себя в безопасности. Наливаю стакан воды чувствуя, как гнев Великана заполняет все пространство дома и концентрируется на мне.

— Эта девка останется здесь, зря ты ее притащил, Махмуд.

— Она летит с нами, это не обсуждается, — раздаётся голос Тагира.

— Ты в своем уме? — рычит громила. — Ты и так вляпался, я тебя предупреждал, чтобы не лез в это дело, — резкий голос эхом разносится по всему дому.

Делаю глубокий вдох и снова выхожу в коридор, к мужчинам. Концентрация энергетики здесь запредельная. Бросаю быстрый взгляд на Валиева. Он на ногах. Это уже хорошо. Очень радуюсь этому...

— Я действительно не хочу никуда ехать, — произношу, набравшись смелости. Точнее пытаюсь наскрести эту смелость, выходит слабо. Голос дрожит... — Все, о чем я прошу, это вернуться к дочери. Я не собираюсь лезть ваши разборки.

— Что это вообще такое, брат? — поднимает брови Великан, разглядывая меня как энтомолог новую, еще не виданную им букашку. — Кто она такая?

— Я все сказал тебе, брат, — усталым голосом произносит Тагир. — Если мы едем с тобой, то только вместе с девушкой.

Великан ещё раз окидывает меня яростным взглядом, затем пожимает плечами.

— Хорошо, твоя взяла. Но сам будешь разгребать это дерьмо с Тамилей.

Кто такая эта Тамилей? Вряд ли женщина может нести в себе нечто более неприятное, чем эти мужчины, все эта жуткая ситуация. Но вопреки рациональным рассуждениям по спине пробегает холодок. Впрочем, у меня это быстро вылетает из головы, стоит увидеть на чем нам предстоит лететь!

□

Я и забыла о брошенной Махмудом невзначай фразе, точнее слове «улетаем». Оказывается, и правда нам предстоит лететь! Перед домом Махмуда, на лужайке, стоит вертолет, начинающий вращать своими лопастями.

Я боюсь высоты, но глядя на Тагира, мрачного, бледного, не нахожу сил сопротивляться. Почему-то внутри засела уверенность, что я нужна ему...

Садимся вертолёт. Далхан занимает место рядом с лётчиком, а мы позади, вдвоём с Валиевым.

— Ты снова увозишь меня от дочери, — произношу едва слышно, не могу удержаться от этой реплики.

— Нет, Вилена. Девочку привезут сегодня же, не переживай. Все это ради безопасности, вас обеих, — говорит в ответ Тагир.

— Почему ты так говоришь? Напали на тебя, а мы в опасности? Нам нужно просто уехать. От тебя подальше.

Произношу это, и чувствую боль. Я не хочу уезжать от него. Знаю, что ничего не светит, и все равно. Идиотка...

— Я не уверен, что целью этого нападения был я, — удивляет меня Валиев.

— Издеваешься? Хочешь еще сильнее напугать? Поверь, мне и так страшно...

— Я не хочу тебя пугать, но до встречи с тобой меня никто не держал на мушке. Я передвигался абсолютно спокойно, бывал без охраны в заброшенных, безлюдных местах. Если бы хотели убить меня, поверь, давно бы это сделали. Хожу без охраны, часто один. Но стоило мне выбраться вместе с тобой, как нас преследовали, причём очень упорно.

— Но зачем? Кому я могла понадобиться? — спрашиваю с отчаянием, губы дрожат.

— Об этом ты должна хорошенько подумать.

— Я правда понятия имею, честное слово...

— Я верю. Ты можешь об этом не знать.

— У меня нет ничего... Ни денег, ничего... даже представить не могу... Кроме Насти... — из меня вылетают обрывки фраз, меня трясет. Тагир откидывается на спинку и закрывает глаза. Ему плохо, он ранен, только меня с истерикой не хватало... Поэтому я замолкаю, делаю то же самое — закрываю глаза. Высоту боюсь дико, поэтому сижу зажмурившись почти весь полет, хотя меня дико волнует, куда мы летим и что нас там ждет...

Так много передвижений за последние сутки — я абсолютно вымотана. После вертолета, нескольких часов в небе, мы пересаживаемся в автомобиль. Еще несколько часов в дороге. И вот, наконец, Тагир говорит, что мы дома. Это его дом... Место где живет его семья. Где мне точно будут не рады...

И все же не могу не любоваться красивыми пейзажами, зелеными холмами, просторами. От вида огромного дома, возле которого останавливается машина — захватывает дух. Дом стоит в живописном месте, это похоже деревенька, с маленькими домиками, расположенными не близко друг к другу. Вокруг много деревьев, кустарников, клумбы, выложенные камнем.

Брат помогает Тагиру выбраться из машины, на меня даже не смотрит. Сама вылезая и мнусь нерешительно, смущаюсь. Из дома выходят несколько женщин в платках, окружают Валиева, охают. На меня поглядывают с большим удивлением. Чувствую, что не должна быть здесь, эта мысль будто повисла в воздухе. Особенно неприязненно на меня смотрит молодая темноволосая девушка белом платье. Она подхватывает Тагира под руку и помогает зайти в дом.

— Что встала? — не слишком дружелюбно обращается ко мне Далхан. — Шагай в дом, раз приехала.

Сглатываю и киваю. Разве у меня был другой выбор? Тем более что Тагир уверяет, что мне угрожает опасность. Да и не до сомнений мне сейчас. Чувствую себя еле живой, засыпаю на ходу.

— Что это за место? — спрашиваю Далхана. Он все еще действует на меня пугающе, но уже не так как при первой встрече.

— Я тебя сюда не звал, пусть объясняет тот, кто решил притащить тебя сюда. Я даже не знаю кто ты такая и как тебя зовут.

— Вилена, — отвечаю машинально. Протягиваю руку. И вижу, как лицо Далхана каменеет. Глаза наливаются яростью.

— Что? Что ты сказала?

Меня охватывает паника. Черт, и правда, зачем я это сказала? Это же брат Тагира, а значит... Значит он ненавидит Вилену Шахову всей душой.

Пячусь назад, мысленно костеря себя на все лады. Идиотка! Но что надо было сделать? Придумать себе другое имя?

Хочется убежать. Я, в общем, так и делаю. Пара шагов в сторону, куда глаза глядят, все быстрее. И тут чувствую, как сзади больно схватили за волосы.

— Отпусти! — от боли из глаз брызжут слезы.

— Если ты Вилена Шахова, то я рад... Давно хотел перерезать тебе горло, это

настоящий подарок...

Он говорит это таким тоном, что верю ему. От страха вперемешку с усталостью кружится голова, чувствую, как сознание плывет... Последнее что слышу, перед тем как отключиться — крик Тагира.

— Отпусти ее, брат! Сейчас же.

Нет, только не это... Они еще и подерутся из-за меня — последняя мысль, после которой отключаюсь.

□

Придя в себя понимаю, что лежу в какой-то комнате, на постели. Резко сажусь. Оглядываюсь по сторонам. В кресле, возле окна сидит Тагир, привалившись к спинке. Его глаза закрыты. Он, похоже, спит. Только почему вот так, сидя? Из нас двоих ранен он, так что ему положено быть в кровати.

Вздыхаю шумно, вспомнив, как отключилась. Да уж, высоченный бородатый гоблин кого угодно может напугать.

— Проснулась? — еще даже не открыв глаза, спрашивает Валиев.

— Да, спасибо. Отлично выспалась, — во мне просыпается язвительность.

— Я понимаю, ты чувствуешь себя не в своей тарелке, напугана...

— С чего ты взял?

Вместо ответа Тагир бросает взгляд на мои руки, которые сжимаю перед собой.

— Мой брат ничего тебе не сделает. Я поговорил с ним.

— Мне плевать на твоего бешеного брата, — морщусь. — Но ты же понимаешь, я не могу находиться здесь с Настей. Это будет нездоровой атмосферой для нее...

Лицо Валиева словно каменеет. Я уже было приготовилась попросить его отвезти меня обратно в город... И тут понимаю — не стоит и заикаться.

— Ты правда считаешь, что лучше рискнуть и быть похищенной? Ненависть моих родных настолько тяжкое бремя для тебя?

— Я не уверена, что все так, как ты описываешь...

— И готова рискнуть? Хватит, Вилена. Я устал уговаривать тебя.

Мне нечего ему ответить. Я тоже устала. А еще мне безумно страшно, даже на минуту если допустить что те люди, что ранили Тагира — охотились за мной... Что же делать? Разве я смогу им противостоять? И сколько Валиев пожелает быть защитником? Вдруг ему это быстро надоест?

— Нужно поехать и залезть в тайник. А потом мы с Настей уедем очень далеко... За границу, — как ни стараюсь, голос противно дрожит.

— У тебя есть загранпаспорт? — холодно спрашивает Валиев.

— Нет... Но ведь можно сделать.

— Да. Все можно сделать. Я только прошу тебя не торопиться, хорошо? Обещай мне это и в ответ я тоже дам тебе слово... что мы обо всем позаботимся. Сделаем как для тебя будет лучше.

Киваю. Его спокойный голос утешает меня. Переполняет благодарностью. Он так терпелив со мной...

— Когда придет Настя? — задаю самый волнующий вопрос.

— Скоро. Тебе нужно поесть.

— Я ничего не хочу...

— Неважно. Мы давно не ели. Пошли.

Тагир встает и направляется к двери, открыв ее, жестом приглашает меня выйти.

Он ведет меня за собой по длинному коридору, его горячая ладонь обхватывает мое запястье, затем скользит ниже. Обхватывает кисть. Получается, теперь мы держимся за руки. Это заставляет меня покраснеть, сердце начинает биться быстрее.

— Сюда, — показывает на дверь.

Мы оказываемся в большой кухне, плита тут просто огромная, никогда такой не видела. Здесь хлопочут несколько женщин в платках. Тагир что-то говорит им на своем языке. Их взгляды на меня нельзя назвать дружелюбными, но они кивают мне в знак приветствия, и я отвечаю тем же.

— Что ты предпочитаешь? Баранина, курица, плов, — Тагир перечисляет блюда, названия некоторых мне не знакомы.

— Мне достаточно салата.

Валиев усмехается и дает указания женщинам. Те кивают, начинают хлопотать.

— Мне неловко. Я и сама могу приготовить...

— Например, что?

— Пожарить картошку... яичницу, — смущенно опускаю голову.

— Да, хорошая из тебя выйдет жена.

Он явно говорит это с насмешкой.

Садимся за стол — просторная столовая примыкает к кухне. Убранство дома в национальном стиле, колоритное и яркое, я с интересом верчу головой по сторонам.

Одна из женщин приносит нам тарелку со свежим хлебом, нарезанные овощи.

— Ммм, как вкусно пахнет!

— Да, его же только испекли.

— Потрясающе!

Затем приносят какое-то мясное блюдо, две одинаковых тарелки. От них идет ароматный пар. Наклоняюсь ниже:

— Волшебно!

Валиев снова бросает на меня насмешливый взгляд.

— Что-нибудь еще нужно?

— Нет... разве что стакан воды.

Тагир уходит и возвращается с графином.

Едим молча. Я увлечена едой, кажется, что никогда мне не было так вкусно. Пока не замечаю, что Валиев не сводит с меня изучающего взгляда.

— Ты... меня смущаешь, — признаюсь сдавленно. — Почему ты так смотришь?

Он пожимает плечами:

— Не буду скрывать, мне странно видеть тебя здесь. В родительском доме...

— Да... понимаю.

У меня вдруг пропадает аппетит.

— Черт, Вилена, я не хотел снова вернуться к этой теме. Прошое забыто, слышишь? Он делает акцент на последнем слове. Как же хочется ему верить... И не возвращаться больше на тропу воспоминаний. Слишком много боли в прошлом. Раны, которые не заживут никогда...

Нашу паузу нарушает шум, Тагир встает, и я вскакиваю вслед за ним, потому что слышу, чувствую...

Через минуту я уже сжимаю в объятиях свою крошку, плача от счастья. Варвара стоит неподалеку, бедная женщина выглядит испуганной. Еще бы! С момента как я свалилась на ее голову, все эти переезды...

— Я так благодарна тебе, — обнимаю женщину. Больше всего я переживала, что Настю повезут чужие люди... Девочка могла испугаться. — Спасибо, что не оставила ее!

— Разве я могла? — качает головой Варвара. — Что ты... Настя же мне уже как родная.

Но что происходит, Вилена? Что это за вечные переезды, да еще такие срочные? Я не против попутешествовать, но как-то все это выглядит... тревожно.

— Да, понимаю, конечно. Прости... большего не могу сказать.

— Что уж там, не буду лезть. Присмотрю за девочкой. Места тут красивые. А вы отношения свои налаживайте, выясняйте. Я ж так понимаю, к родне тебя Тагир Исаевич привез? Это хорошо. Рада за вас, очень. Красивая вы пара. Любо дорого посмотреть.

— Спасибо большое, — я говорю о девочке, но раз не говорю ничего против речи Варвары, она конечно принимает это за согласие.

К нам подходит молоденькая девушка, представляясь:

— Здравствуйте, меня зовут Совгат. Пойдемте, я покажу вам вашу комнату.

Нас размещают в одной большой и светлой комнате. Приносят даже детскую кроватку, уже собранную. Двое мужчин ставят ее и сразу же уходят.

— Спасибо вам, столько хлопот, — уже в спину говорит им Варвара, но они не оборачиваются.

— Не слишком тут любезные родственники, — качает головой Варвара.

— Надо искупать Настю.

Ванная за соседней дверью, — это нам тоже показала Совгат. Также рядом маленькая кухонька, с холодильником и плиткой. Можно подогреть детское питание. Все продумано до мелочей. Пара кастрюль с едой с главной кухни — Варвара как раз проголодалась, накрывает на стол. Помыв ребенка, мы располагаемся с Настей на пушистом ковре. Разбираем сумки, достаем игрушки, книги, те что заказала нам Ольга Петровна... Кажется это было так давно, словно в прошлой жизни. Невольно задаюсь вопросом, сколько еще испытаний нас ждет...

* * *

Настя засыпает, а я не могу, хотя устала настолько, что едва на ногах держусь. Отправляюсь в душ, долго стою под горячими струями. Это помогает мне успокоиться, но когда возвращаюсь в комнату, вижу раскинувшегося на постели Валиева. Он обнажен по пояс, белые бинты бросаются в глаза, пестрея на загорелой коже.

— Что ты здесь делаешь? — мой голос дрожит, а вопрос — глупый. Потому что и так понимаю, что ему нужно. Несмотря на то, что ранен. И на то, что в этом огромном доме полно народу.

Тагир молчит. Переминаюсь с ноги на ногу, тереблю пояс халата. Он думает, что я буду спать с ним, когда рядом ребенок? Он в своем уме?

— Она так сладко спит, — Валиев кивает на Настю.

— Я это знаю. Она всегда так спит. Судорожно вздыхаю.

— Ты тоже хочешь спать? — спрашивает, при этом его темные глаза сверкнули, и остановились на моих губах. Сердце забилось чаще. На какую-то секунду я вернулась в прошлое и стала той девочкой, которая ждала от него любого знака, взгляда...

Тагир поднимается с моей постели, приближается ко мне... Слегка наклоняет голову. Замираю в ожидании. Но его губы скользят мимо моего рта, касаясь щеки.

— Хорошо. Отдыхай, Вилена. Спокойной ночи.

Уходит, тихо прикрывая за собой дверь. Приваливаюсь к двери. Что все это значит? Зачем он приходил? Но самое ужасное, я уже и думать не могу про сон. Мое тело горит огнем. Оно приготовилось к ласкам, к прикосновениям и теперь ноет от неудовлетворенности. Прикладываю пальцы к щеке, к месту, куда он меня поцеловал.

Ложусь в постель, понимая, что не усну. Закрыв глаза, начинаю молиться о том, чтобы нашлось какое-нибудь решение моих проблем. Потому что дальше жить в таком подвешенном состоянии невозможно. Не хочу быть собачонкой, бегающей за Валиевым, вымаливающей крохи внимания. Но именно в нее я превращаюсь...

Было ощущение что эта ночь никогда не кончится. Мне было холодно и одиноко — так одиноко, как никогда в жизни. Наконец я задремала и проснулась от ощущения что мое лицо заливают солнечный свет. Спасаясь от проникших в спальню лучей, глубже зарываюсь в одеяло, крепче сжимаю веки и облегченно вздыхаю, довольная теплом своей постели.

Ко мне в кровать забирается сонная Настя, прижимаю к себе ее теплое тельце, чувствуя невероятное счастье в эту минуту. Но как бы ни было приятно нежиться в кровати — пора вставать. Нужно накормить девочку завтраком. А потом... не знаю. Продолжить знакомство с не особенно дружелюбными обитателями этого огромного дома, многие из которых не говорят со мной на одном языке...

Хорошо, что я не одна, иначе, наверное, с ума бы сошла. Но рядом Настя, я должна быть ей опорой. И Варвара очень помогает. Уже хлопочет на нашей маленькой кухоньке. Совгат приносит завтрак, свежую выпечку, источающую невероятный аромат.

— Тут у них похоже даже своя мельница. Все свое, и пшеница, и мука, — говорит Варвара. — Красивые места.

— Да, ты права, наверное.

— Пора на прогулку, верно, Настенька? — улыбается Варвара девочке.

Поворачиваю голову, чувствуя, что кто-то на нас смотрит. Девочка лет семи. Очень миленькая, смуглая, темноволосая. Чем-то ее черты напоминают мне Валиева. Вздрагиваю. Боже, у него есть дочь? Может и жена есть? Голова начинает кружиться от этих мыслей. Но я беру себя в руки и улыбаюсь девочке.

— Привет. Как тебя зовут?

Скорее всего она не знает русский.

— Я, — кладу руку себе на грудь, — Вилена. А ты?

— Меня зовут Нурпат, — говорит на чистом русском языке девочка. — Очень приятно с вами познакомиться. Вы идете гулять? Я с радостью покажу вам окрестности. Вы гости дяди Тагира. Добро пожаловать...

— Спасибо, милая, — говорит Варвара, видимо догадавшись, что у меня пропал дар речи. А еще огромное облегчение — девочка назвала Валиева дядей.

Мы отправляемся на прогулку, никто не препятствует нам. Ни одного мужчины не встречаем пока идем по длинным коридорам дома. Только женщин, занятых своими заботами. На улице вдалеке, ближе к воротам видим двоих мужчин, при оружии. Похоже, дом все же охраняется. Но ни Валиева, ни его брата. Мы беспрепятственно идем в другую сторону — там поле, за ним лес. Сбоку постройки, Нурпат показывает нам стойла с лошадьми, дальше коровник. Очень много и другой живности. Повсюду бегаю куры, гуси. От живности Настя в восторге, тянет ручки, хочет погладить, все время приходится ловить ее. Я немного боюсь — особенно по-боевому настроенного петуха.

— Спасибо тебе, Нурпат, за экскурсию, — обнимаю девочку. — Она получилась очень

познавательной.

— Можем сходить искупаться к реке, — предлагает девочка.

— Увы... купальника у меня нет. Кстати, а искать тебя не будут? Мы уже три часа гуляем. Наверное, надо возвращаться. Мама тебя не будет ругать?

— Моя мама...

— Нурпат! — девочку прерывает гневный окрик. Дружно поворачиваем головы. К нам направляется тот, кого мне хочется видеть меньше всего. Старший брат Тагира. И он явно очень зол...

— Что ты здесь делаешь? — вопрос обращен ко мне, и тон самый что ни на есть недружелюбный, а от взгляда хочется съежиться. Странно, но бросив быстрый взгляд на Нурпат, я не замечаю в девочке ни малейшего испуга. Она смотрит снизу-вверх на великана, скорее с удивлением.

□

— Простите, я не знала, что являюсь в этом доме заключенной, мне никто не сказал, что здесь нельзя выйти погулять с ребенком, — мой ответ выходит язвительным, поэтому смущаюсь и добавляю:

— Нурпат не виновата... Это я попросила ее...

— Пап, что происходит? — с огромным удивлением спрашивает девочка. — Прости пожалуйста... Я думала, это гости дяди Тагира...

— Это гости, Нурпат. Но держись от них подальше. Идем.

Оказывается, у Громилы есть дочь. И она вроде бы ничуть не боится этого ужасного, грубого, невыносимого человека. Ну чтож, это, наверное, хорошо, что не боится... Чувствую себя униженной, больше Далхан не говорит мне ни слова. Просто берет дочь за руку и идет вперед.

Мне не остается ничего как взять дочь за руку и последовать за ними. Настя вообще не поняла ничего из произошедшего, продолжает с восторгом разглядывать траву, рвать цветочки, бегать. Ее огромный грубиян ничуть не напугал. Вздыхаю с облегчением. Главное, чтобы моя дочь не чувствовала всего того, что приходится выносить мне. Отвращения. Презрения. Но как иначе? Как может относиться ко мне Далхан, если по моей вине чуть не потерял брата?

* * *

К счастью, весь оставшийся день я не видела больше этого мужчину. Мне хотелось увидеть Тагира, но и его не было. После обеда снова пришла Нурпат.

— Тебя отец не будет ругать за то, что ты снова с нами общаешься? — спрашиваю со вздохом. Настя только что проснулась после дневного сна, и я переодевала ее. Гулять мы сегодня уже не пойдем точно. Надеюсь скоро увижу Тагира, и он объяснит мне, сколько пробудем здесь и что нам позволено...

— Нет, не будет ругать, — улыбается девочка. — Он вообще никогда не ругает меня. Только разговаривает долго и серьезно, если я что-то не так делаю, или хулиганю... Не понимаю, обычно папа довольно гостеприимный. Что на него нашло?

— Ничего страшного, мы здесь чужаки, не знаем ваших правил. Я понимаю, почему твой отец строг с нами, — пытаюсь сгладить ситуацию. — А твоя мама? — хочу сменить

тему.

— Она умерла... — отвечает Нурпат.

— Прости пожалуйста... Я не хотела задеть такую болезненную тему, — беру девочку за руку. Очень хочется обнять ее, но я не решаюсь.

— Ничего. Я ее совсем не помню, мне и годика не было. Ее убили плохие люди. Говорят, после этого папа стал таким. Суровым и нелюдимым. После той истории многое поменялось. Теперь нашу деревню круглосуточно охраняют... Не доверяют чужакам. Но со мной папа всегда очень добрый. Поверьте, он не злой человек.

— Конечно, я верю тебе, дорогая, — обнимаю девочку, не в силах противостоять неодолимому порыву. — Знаешь, я тоже росла без мамы. Она умерла, при родах. У меня нет ни одной фотографии, где она держала бы меня на руках.

— Вас тоже вырастил отец?

— Можно и так сказать, — вздыхаю. — Только он не был таким хорошим человеком как твой.

— Он вас обижал?

— Нет... Он обижал только моего брата. Он был очень жесток с другими людьми. Несправедливо жесток... Поэтому мы с братом убежали от него...

Погружаюсь в воспоминания, сидим с Нурпат обнявшись, Настя, которой не интересны наши разговоры, играет в свои игрушки, собирает башню из кубиков. У меня по лицу текут слезы. Чувствую невероятное единение с девочкой, отец которой меня ненавидит... И тут, подняв глаза, вижу, что Далхан стоит на пороге. Просто стоит. Смотрит. Явно слышал как минимум часть наших откровений.

— Папа! — восклицает заметившая отца Нурпат.

— Ты опять здесь? У тебя урок английского, девочка. Тебя ищут по всему дому. Никому и в голову не пришло посмотреть тут.

— Прости, я забыла про урок, — вздыхает Нурпат. — Уже иду, папа...

Далхан бросает на меня еще один долгий взгляд, но ничего не сказав, скрывается вслед за дочерью.

□

Оставшуюся часть дня я не могла найти себе места. Не помогли ни успокаивающая ванна, ни даже массаж, который сделала мне Варвара, смотревшая на меня с тревогой. Разговор с Нурпат разбудил воспоминания, которые я затолкала как можно дальше, в самые темные уголки души... Перед глазами по-прежнему стоял образ мрачного Далхана. Он? старший из братьев, самый главный в этой семье, в этом доме, считает, что мне здесь не место, смотрит настолько презрительно, что хочется скукожиться от его взгляда. Второго брата я даже в лицо не запомнила, но уверена — он тоже ненавидит меня всей душой. Все обитатели этого дома, точнее, поместья — это слово гораздо больше подходит, смотрят на меня с недоверием и неприязнью. Сколько я выдержу в месте, где все дышит ненавистью ко мне?

Мы легли пораньше, я взяла Настю к себе в постель, мы долго читали сказки, пока девочка не уснула. А я поняла, что сегодня сон мне не светит. Устав ворочаться, я отправилась на кухню. Выпить бы травяного чая, что приносила вчера вечером Совгат. Он подействовал очень успокаивающе... Для этого нужно спуститься на главную кухню. Принимаю решение рискнуть, набрасываю халат, к слову, все мои вещи прибыли в этот дом и теперь нет недостатка в одежде.

Немного неловко рыться на чужой кухне, но в конце концов, я же только немного заварки возьму. Нахожу наконец то что нужно, воду закипячу уже у себя на кухоньке, поворачиваюсь к выходу и тут вижу, как дверной проем загородила огромная фигура. Темно, не разглядеть, только силуэт различаю. Определенно, мужчина. От испуга дергаюсь в сторону, задеваю полку, с которой падают какие-то банки, раздается звон стекла, а я прихожу в ужас.

— Простите ради бога, что я наделала! — густо краснею, начинаю наводить порядок, собирать осколки.

— Не трогай ничего, — резкий грубый окрик заставляет замереть. Это голос Тагира. Застыв, поднимаю глаза на приближающуюся фигуру.

— Прости пожалуйста, — шепчу едва слышно.

— Хватит, Вилена. Ты же случайно, это ерунда.

Сильные руки обхватывают мою талию, поднимают меня в воздух. Тагир выносит меня из кухни. Ставит на ноги, когда оказываемся в коридоре. Только в этот момент понимаю, что потеряла тапочки, они слетели с меня. Тагир опускает голову и смотрит на мои голые ступни. Машинально поджимаю пальцы ног.

— Я хотела сделать травяной чай, — говорю едва слышно. — Идиотка...

— Тсс. Идем.

Тагир берет меня за руку и ведет куда-то наверх. Через пару минут оказываемся в комнате. Сразу понимаю, что это *его* комната, по обстановке, по стилю. Просторная, в темных тонах, пара книжных стеллажей, черный ковер на полу. Очень подходит ему. Мне очень нравится.

— Оставайся здесь. Не вздумай никуда выходить, поняла? Пожалуй, я тебя запру, — задумчиво произносит Тагир. И уходит. Слушаю как поворачивается ключ в замке и меня охватывает дрожь. Мне не по себе. Но бежать никакого желания. Я рада, что я здесь. Потому что истосковалась. Как же хочется думать, что и Валиев тоже. Что поэтому меня сюда

привел...

Его нет минут десять, за это время хожу по комнате, переживая. Тагир появляется на пороге, с подносом в руках. На котором стоит чайник, две чашки, и корзинка, наполненная домашним печеньем. Комнату наполняет запах свежей выпечки.

— Не стоило все это приносить, — говорю, сама не зная почему. Мне приятна его забота. Но слишком страшно привыкать к доброте.

— Ты хотела чай, я его принес. Что такое, Вилена? Откуда столько нервозности? Что тебя беспокоит? Знаю, что ты ждала меня, хотела поговорить. Вот и поговорим. Если все еще хочешь. Или просто попьем чай. Я устал. Давай только без выяснения отношений и криков типа «я здесь не могу находиться». Будь взрослой. Здесь самое безопасное место для тебя.

Возле большого окна стоит стеклянный столик, Тагир опускает на него поднос. По обе стороны — два кресла. Валиев садится в одно из них, вытягивает длинные ноги, голову откидывает на мягкую спинку.

— Ты нашел людей, который на нас напали? — спрашиваю, садясь в кресло напротив.

— Еще нет, но мы активно работаем в этом направлении.

— Я не хочу приносить тебе неприятности, — произношу едва слышно.

— Иногда наши желания неисполнимы.

— Знаю. Но пока я рядом...

— Пей чай, Вилена. Расскажи, как прошел твой день.

Мне не хочется рассказывать. О чем говорить? О косых взглядах, о грубости Далхана? Как бы то ни было, эти люди приютили меня, кормят меня, заботятся. Нельзя обижаться на то, что не рады чужакам.

Чай такой вкусный, мне становится удивительно уютно. Засовываю под себя ноги, смотрю в окно. Между нами виснет молчание, но оно не тяготит, наоборот. Мне комфортно, замечательно сидеть вот так...

— Я хочу, чтобы ты сегодня спала здесь, — неожиданно говорит Тагир. — Я уже предупредил Варвару, она заняла твою постель.

— Ты все решил...

— Ты против?

Смущенно опускаю голову. Нет, я совсем не против, наоборот, горю предвкушением его прикосновений, меня ломает от желания, от тоски по его прикосновениям. Одно тревожит — страшно отдаваться чувствам, которые с каждым днем все сильнее.

Тагир встает, берет меня за руку, вынуждая тоже подняться. Тянет на себя, привлекая в объятия.

— Не упрямясь, Вилена. Нам обоим это нужно. Я хочу тебя, — слова звучат низко, хрипло.

Тагир дотрагивается до моего подбородка и приникает к моим губам. Он будто торопит меня своим поцелуем. И все-таки при этом терпеливо ждет ответа.

— Я не знаю... — но поцелуй прерывает мою фразу, и все мысли, страхи исчезают. Растворяюсь в этих поцелуях, забываю обо всем. Это длится долго, Тагир не торопится останавливаться, его губы неторопливые и очень нежные, пока не начинаю извиваться от уже знакомого желания, которое невозможно игнорировать. Его язык входит в мой рот и выходит, в таком ритме, что у меня буквально плаваются кости. Его поцелуи жгут, его руки ласкают, возбуждают и приводят в экстаз. Бешеный напор вдруг сменяется нежностью, язык

теперь гладит мое нёбо, доводя до экстаза. Мое тело расслабляется, становится послушным, все теснее вжимаясь в стальные контуры.

Тогда его губы скользят ниже, по шее, а рука проникает в разрез халата, сжимая груди через ткань тонкой майки. Вдруг осознаю, насколько жаждала этого прикосновения — безумно, до дрожи в коленях.

Рука Валиева ныряет под майку, одновременно он так сильно прижимает меня к себе, обхватив ягодицы, что его твердая плоть вдавливается в мой живот. Его руки горячие, сильные, властные. Кажется, что кости тают под этим прикосновением.

Большой палец отыскивает сосок под тканью майки и осторожным движением начинает ласкать его, хотя тот уже окаменел от возбуждения. Бесполезно пытаться противостоять всепоглощающей страсти, которая, вот-вот сокрушит меня. Как и пытаться сохранить уважение к себе, не подчиняясь полностью его воле, не растворяясь в этом мужчине без остатка... Больше нет сил думать о последствиях. Всем существом тянусь к нему...

— Я хочу, чтобы ты разделась, — отрывистый приказ заставляет меня вздрогнуть. — Хочу посмотреть на тебя...

Тагир отходит, садится в кресло. Сразу охватывает озноб — без горячего сильного мужского тела становится холодно и одиноко. Он желает, чтобы я устроила стриптиз?

Затапливает обида — я не игрушка! Но и противостоять его воле нет сил. Я не пытаюсь быть красивой и соблазнительной. Раздеваюсь быстро, халат сам падает, через голову стягиваю майку, отбрасываю в сторону — в голове мелькает мысль, что надо было в Тагира ею запулить. Остаются трусики. Руки дрожат, когда поддеваю резинку, спускаю с бедер, переступаю, оставаясь полностью обнаженной перед горящим взглядом.

— Что дальше? Достаточно стриптиза? — спрашиваю с горечью.

Тагир резко поднимается, сгребает меня в охапку, внимательно заглядывает в глаза.

— Я обидел тебя своей просьбой.

Отрицательно мотаю головой, а к глазам подступают предательские слезы. Слабачка! Сама себе противна...

— Вилена, я тащусь от твоей фигуры. Не думал, что задену тебя тем, что попросил. Ты — наслаждение для визуала. Охеренное наслаждение... Но трогать тебя — еще больший кайф.

Валиев действительно пожирает меня глазами, оставляя огненный след, глаза скользят по шее, по изгибу груди, которую он накрывает ладонью, начиная ласкать, до тех пор, пока сосок не становится твердым и нестерпимо чувствительным. Прошептав что-то на своем языке, нагибается, чтобы продолжить ласку языком. Мне приходится сжать его плечи, чтобы не упасть. С восторгом ощущаю игру крепких мускулов под гладкой кожей. Провожу рукой по мощному изгибу плеч. Прерывистый вздох Тагира говорит о том, что его тоже волнуют мои прикосновения. Вдохновенная, глажу его спину, поясницу, вдруг понимая, что меня тоже сводит с ума его тело...

Тагир подхватывает меня на руки и несет к кровати. Почти бросает на нее, замираю неподвижно, не моргая, глядя на него снизу-вверх, наблюдая, как резкими движениями расстегивает рубашку, берется за ремень. Взгляд приковывает полоска темных волос в треугольнике расстегнутых джинсов. Тяжело сплываю, опускаю глаза, борясь с искушением, подаюсь назад. Но разве можно сопротивляться? Чувствую горячие ладони на

своей талии, затем они скользят на бедра, Тагир резко прижимает меня к себе. Наклоняется ко мне, находит мои губы, одновременно проводя рукой по моим волосам. Своими ласками он как будто гипнотизирует меня. Медленно прижимается губами к впадинке под ухом, лижет, словно пробуя на вкус. Никогда не думала, что подобное может настолько сильно заводит. Нервные окончания вспыхивают, соски становятся твердыми и начинают ныть... Возникает ощущение, что этот мужчина понимает и чувствует каждую струну моей души, каждую эмоцию тела. Потому что стоит груди занять, его руки ложатся на полушария, стискивают, мнут... Валиев наклоняется, начинает лизать, посасывать сначала один твердый и чувствительный бугорок, затем другой, заставляя тонуть в бурном потоке эмоций. Удовольствие пронзает, разрывает, между ног нестерпимо горячо и влажно, каждая частичка тела дрожит и трепещет. Меня трясет от собственного внутреннего жара... и от горячего, неистового самца, нависающего надо мной, вдавливающего в постель. Кажется, еще немного — и расплавлюсь...

Выгибаюсь от наслаждения, чувствуя, как пальцы Тагира медленно скользят меж моих ног. Гладят, сначала нежно, едва касаясь, потом усиливая нажим, высекая искры из глаз... Вцепляюсь в простыню и тогда пальцы замирают, а мое тело машинально дергается им навстречу, дарят новые поглаживания, приручая и мучая изысканными ласками. Один из пальцев скользит в меня, настолько неожиданно, что едва не задыхаюсь, ловлю воздух как рыба, кусаю губы, издаю стоны.

— Скажи, что хочешь меня, Вилена.

Тагир обхватывает мой подбородок, заглядывает в лицо, его глаза блестят страстью, похотью. Не могу произнести ни слова, смотрю на него беспомощно, стесняюсь своего состояния, чувствуя абсолютное подчинение, потребность в этом мужчине.

— Посмотри на меня! — приказывает, приподнимая мои бедра.

— Хочу, — выдавливаю смущенным шепотом.

Наши взгляды встречаются, и он входит в меня, жестко, одним мощным движением, наполняя и растягивая, до упора. Все мысли, о том зачем он требовал от меня это признание, выбиваются мощными, нарастающими с каждым ударом, толчками. Жар мужского тела обжигает, спираль закручивается все сильнее, невыносимое предвкушение разрядки охватывает все тело. Это невероятно, похоже на американские горки, это почти лишает рассудка. Слово ища защиты обвиваюсь вокруг сильного тела руками и ногами, отдаваясь на милость, всхлипывая, постанывая, когда проникновение выходит наиболее мощным. Кульминация приближается, ритм учащается. И вдруг, посреди этой бешеной скачки, Тагир прижимается лбом к моему лбу. Он такой горячий... Именно в этот момент что-то разрывается внутри меня, неотвратно и болезненно. Тело прошивают спазмы, один за другим, такие долгие и мучительные, что содрогаюсь и кричу, пугаясь этого состояния. И чувствую, как Тагир взрывается во мне, наполняя мое влагалище своей спермой. Мои руки все еще обвивают его шею, когда содрогнувшись, Тагир падает на меня...

□

В эту ночь я спала невероятно крепко, такого давно не было. Очнувшись от глубокого сна, понимаю, что одна в комнате, Тагира нет. На часах десять утра. Как бы мне хотелось хоть раз проснуться в его объятиях. От этой мысли становится грустно.

Слышу приближающиеся шаги, понимаю, что уже не успею накинуть халат. Всей душой надеюсь, что это Тагир. Нестерпимо встречаться только по ночам. Хочется при свете дня посмотреть ему в глаза, задать множество вопросов о будущем...

На пороге появляется высокая темноволосая девушка, приблизительно моего возраста. На ней стильный красный костюм — не видела здесь никого, кто бы одевался так. Обычно на обитательницах этого дома — простая национальная одежда, длинные платья, или юбка с рубашкой. Эта же девушка словно только сошла с подиума. Но самое странное в ее облике — взгляд. Он меня буквально просверливает. Незнакомка стоит молча, будто в оцепенении. Поэтому первой нарушаю повисшее молчание.

— Здравствуйте, — говорю смущенно, не зная как еще отреагировать на неожиданную гостью.

— Кто ты такая? — следует вопрос, заданный резким, полным неприязни голосом.

— Простите? А вы кто? — спрашиваю растерянно. Меня охватывает нехорошее предчувствие.

— Еще раз спрашиваю. Кто. Ты. Такая.

Теперь уже в тоне незнакомки угроза, которую невозможно не заметить. Не представляю, что сделать, как выпутаться из некрасивой ситуации. Кто это такая? Что она хочет от меня? Имя ей свое назвать?

Вот только я слишком хорошо помню реакцию Далхана, когда свое имя назвала. Вспоминаю, есть ли у Валиева сестра. Вроде я не слышала...

И тут незнакомка бросается на меня, хватая за волосы, пытается стащить с постели. Отбиваюсь, кричу, девушка в ответ шипит как кошка, орет что-то на своем языке. Мне с ней не справиться, она гибкая, сильная. Мелькает мысль, что она может убить меня. Хватает за руки и тащит к лестнице, голую. Отбиваюсь как могу, но явно проигрываю в этой схватке.

И тут какая-то сила отрывает от меня девушку, судорожно хватаю ртом воздух, легкие горят. Сквозь пелену выступивших слез вижу Далхана, он что-то кричит в лицо незнакомке, на своем языке, я ни слова не понимаю. Только то, что он зол. Далхан бросает короткий взгляд на меня:

— Прикройся.

Сказано с отвращением. На меня напали, но все равно я — виновата?

Меня охватывает ярость. Я бросаюсь на ненормальную, дергаю ее за волосы, как она меня до этого.

— Почему? Почему на меня вот так вот можно нападать? Кем вы меня считаете? Животным? — ору, уже не соображая ничего от злости и обиды. Где же Тагир? Почему меня спас его отвратительный мрачный брат? Еще и сделал это унизив меня в очередной раз. Иначе он просто не может!

— Я сказал прикройся, — еще более угрожающим тоном рычит Далхан, отрывая меня от девушки. Подтаскивает к постели, толкает на нее и сам набрасывает на меня одеяло.

— Кто это такая, Далхан? Кто эта шлюха? — в голосе незнакомки звучат истеричные

нотки. — Как он мог так со мной? Как?

— Хватит, Тамила. Я не собираюсь разбираться с этим. Все со своим женихом решай, ясно? Я за него не отвечаю!

— Решу. Не сомневайся. Но сначала убью эту суку!

— Нет. Ты ее не тронешь. Брат привез ее в этот дом. Она под нашей защитой, Тамила. Извини. Мне жаль, что так вышло.

— Тебе жаль? Серьезно? Это все что ты можешь сказать? Наша с Тагиром свадьба через месяц, я нахожу в его постели шлюху, а все что ты можешь сказать, это: мне жаль?

Во время этого диалога, дрожащими руками нащупываю свою одежду. Меня трясет, ощущение, что я попала в параллельную вселенную, или меня засунули в странное кино, сюжета которого я не понимаю. Как это может быть в реальности? Во что я вляпалась? Как так могло выйти?

Одевшись, вскакиваю, отталкиваю стоящего в проходе Далхана, и бегу прочь. Странно, но меня не преследуют. Босиком выбегаю на улицу, несусь как одержимая, не разбирая дороги, пока хватает сил, пока выдерживает сердце. Вот только не выходит избавиться ни от ужасной боли в сердце, ни от неприятных мыслей. Не в силах больше сделать ни шага, резко останавливаюсь, падаю на землю. Уронив голову на руки, выплескиваю свою боль с рыданием. Слез мало, больше глухих стонов. Долго остаюсь в таком положении. Вижу, что добежала до самой реки, встаю и иду к воде, пошатываясь.

Умываюсь, вода ледяная, помогает немного остудиться. Сердце колотится бешено, а грудную клетку разрывает от боли, хочется выть.

Как ни старалась, все равно в душу снова любовь к Валиеву впустила. Идиотка, кретинка. Запрещала себе мечтать, но не помогло.

У Валиева есть невеста. Его невеста только что застала меня в постели своего жениха. Что дальше? Как Тагир допустил это? За что он так меня? За что унизил нас обеих? Это чудовищно! Не будь Насти, я бы, наверное, убежала дальше. Перебралась через эту речушку и отправилась бродяжничать в лес. Но из-за ребенка знаю, что вернусь. И даже если придется снова отдамся Валиеву. У меня нет другого выхода.

Долго иду вдоль реки, иногда отдыхаю, сижу на берегу. Халат промок, ноги заоченели. Время близится к закату, лучи заходящего солнца скользят по листве деревьев. Чувствую себя совершенно измученной, нет больше эмоций. Вижу каких-то людей, направляющихся ко мне, что-то кричащих, но мне все равно. Вижу Тагира. Делаю слабую попытку бежать от него, но я уже не могу двигаться.

— Ты совсем идиотка? — орет на меня Валиев. — Вот значит какая ты мать, бросила ребенка, и куда отправилась? Я чуть с ума не сошел!

— Я хорошая мать... Она с Варварой...

— Куда ты направлялась? Скажи, Вилена?

Не могу понять, почему он так зол, почему орет на меня.

— Ты решил, что я сбежала? В халате? Я даже не знаю, где мы находимся. Я гуляла, ясно тебе? — у меня вырывается нервный смешок, затем еще один, и вот я уже хохочу как безумная, а потом смех переходит в истерику. Из последних сил пытаюсь оттолкнуть Тагира, испытываю шок, ощутив, как ногти впились в его обнаженную грудь. Поднимаю глаза, и обнаруживаю, что его рубашка расстегнута почти до самого пояса. Это я сделала?

Вспоминаю, как боролась с его руками, не давая схватить себя, как кричала что-то. Я оторвала пуговицы, вцепившись в него, а затем стараясь выбраться из его крепких объятий?

— Успокойся. Идем домой, — голос Тагира звучит спокойно, но я догадываюсь, что это ему нелегко дается.

Он подхватывает меня на руки, чувствую сильное головокружение. Лгну к нему, как к источнику тепла, только сейчас понимая, насколько заоченела.

Он несет меня очень долго, я далеко успела убежать.

— Я могу сама идти, — говорю тихо.

— Молчи. Я слишком злюсь на тебя. Полдня за тобой бегали, я чуть с ума не сошел.

— Почему? У тебя есть невеста. Она то никуда не сбежала. Зачем тебе я? — чувствую, как подступают слезы.

— Хватит, Вилена. Я не должен оправдываться перед тобой.

Верно, он мне ничего не должен.

— Зачем ты спал со мной в доме, куда могла в любой момент прийти твоя невеста? Не думала, что ты настолько жесток... К нам обеим.

— Я забыл о ней, — издает короткий смешок. — Только ты в моей голове поселилась, с момента как увидел тебя... в больнице.

Очень долго отмокаю в горячей ванной, когда возвращаюсь в свою комнату, на меня смотрит испуганная Варвара.

— Ох и наделала ты шуму, девочка. Заберу к себе опять Настю. Реши уже свои проблемы с этим мужчиной. Все страдают, ребенок о тебе весь день спрашивал. Даже температура поднялась.

— Прости пожалуйста, — меня охватывает мучительное чувство стыда. — Я не должна была. Как Настя? Может попросить, чтобы доктора вызвали?

— Вызвали, осмотрели. Сказал все хорошо с ней... Она уснула как раз. Милая, я не к тому сказала, чтобы укорить тебя. Знаю, как ты любишь дочурку. Просто жаль мне вас, такие красивые оба, молодые, видно, что любите друг друга... Чего страдаете, зачем?

— Любим? — вырывается у меня с горечью. — Тут не про любовь, история. У него оказывается невеста есть.

Варвара смотрит на меня ошарашенно.

— Не может быть... Как же...

— Прости пожалуйста, но я не хочу дальше это обсуждать. Спасибо, что возьмешь Настю. Только на эту ночь, обещаю...

— Да что ты, милая, я же всегда рада с малышкой посидеть.

— Спасибо, — подхожу и обнимаю крепко. — Что ты я без тебя делала.

* * *

Оставшись одна вместо того чтобы упасть без сил в постель, хожу по комнате. Как же хочется поверить словам Тагира! Что забыл обо всем, меня увидев... Безумно хочется. Но разве можно? Нет, я не должна снова поддаваться, позволять мечтам взять верх над разумом.

Когда мы возвращались к дому, я все же добилась того, чтобы Тагир меня поставил на ноги. Не хотела, чтобы пялились на нас. Но все равно нас встретила толпа обитателей деревни и дома. Видимо ни один не остался в стороне... Мне было неловко, неуютно под

этими взглядами. Я чувствовала себя загнанной в ловушку, было стойкое ощущение, что Валиев обращался со мной как с тряпичной куклой.

— Виленка...

Оборачиваюсь резко, в дверном проеме стоит Тагир.

— Я устала и хочу побыть одна! — стараюсь сказать это твердо, но голос предательски дрожит.

— Нам нужно поговорить.

— Нет... Не сейчас, пожалуйста.

— Извини. Но это будет сейчас. Идем со мной.

— В твою комнату? Где утром меня таскали за волосы и обзывали шлюхой? — спрашиваю с горечью. — Нет, не пойду, не могу! Если тебе так важно что-то сказать... Говори это здесь.

— Хорошо, — вздыхает Валиев. Вглядываюсь в его лицо и отмечаю, что он выглядит усталым. Но я не буду сочувствовать ему. Я должна прекратить наши с ним болезненные отношения. Должна вытравить любовь к нему из своего сердца.

Тагир проходит в комнату, нервно ерошит рукой волосы. Присаживается на край кровати. Наши взгляды встречаются.

— У меня действительно была невеста, еще до нашей встречи. Я не хотел обманывать тебя.

— Наверное, ты считал, что это не обман, — парирую с горечью. — Ты не встретил меня. Ты меня купил на аукционе...

— Ты прекрасно знаешь, что это не так. Между нами нечто большее. Я поговорю с Тамиллой. Она была в отъезде, вернулась неожиданно. Иначе бы давно все объяснил ей.

— Что объяснил? Ты ее бросаешь? — нервно сглатываю.

— Я никогда ее не любил. Мы росли все вместе. Она скорее подруга детства, всем очень хотелось, чтобы наши семьи породнились. Ее мужем мог стать любой из нас троих. Долгое время все думали, что это будет Далхан. Но он встретил свою жену, влюбился без памяти... В общем, не знаю зачем я рассказываю эти подробности. Никаких чувств у нас обоих не было. Тамила на самом деле очень самостоятельная, красивая женщина. Пока мы росли она ни в чем не уступала ни одному из нас. Ни в ловкости, ни в смелости, ни в характере.

— Считаешь, что это должно меня успокоить? — выплевываю с горечью. — Извини, мне не легче. Я чувствую себя... грязной.

— Все пройдет. Я буду с тобой.

— Я тебе не верю! Ты не можешь быть со мной... Я же столько горя тебе причинила! Дело даже не в твоей невесте. Я всегда знала, что у нас не может быть отношений. И вот сейчас, когда все просто ужасно... Никогда еще я себя так гадко не чувствовала... И ты решил мне сказать в этот момент, что...

Запинаюсь, нет сил больше говорить на эту тему, грудь разрывает от боли, воспоминания слишком мучительны...

□

— Ты была ребенком. Во всем виноват твой отец, жестокий больной ублюдок. Подумал, что я с тобой... Черт, Виленка, если бы у меня была дочь, на его месте я бы так же поступил!

Снова ерошит волосы, потом встает резко. Пячусь от него, но Тагир все равно сгребает меня в объятия.

— Ты мне нужна, девочка. Сегодня нужна. Всегда нужна. Ты моя. Это непреложная

истина. Я никуда не отпущу тебя. Буду тебе мужем, а твоему ребенку — отцом.

Его губы находят мои, поцелуй ошеломляет своим напором, невольно поддаюсь ему, раскрываю дрожащие губы, внизу живота уже вибрирует желание.

Никогда не думала, что являюсь одной из тех женщин, чьи чувства порой становятся сильнее разума. Напротив, был даже период, когда считала себя фригидной. С момента трагедии в лесу я и подумать не могла о мужских касаниях, о поцелуях. Но теперь Тагир доказывал мне совершенно обратное. Неконтролируемое возбуждение, потребность в близости с мужчиной вызвали во мне боль и жажду, охватили меня словно лесной пожар, сжигающий все на своем пути.

Тагир прижимает меня к себе так сильно, что невозможно не почувствовать его эрекцию. Он срывает с меня халат, тянет вниз ночнушку. Набухшие соски вырываются на свободу.

Тагир опускает голову, принимается ласкать языком мои груди, втягивает в рот соски. Нас охватывает какое-то безумие. Меньше всего я могла подумать, что после всего произошедшего смогу ощутить желание... И вот сейчас буквально с ума схожу. Изгибаю спину, чтобы груди оказались как можно ближе к лицу Тагира. Забываю обо всем на свете, мои стоны такие громкие, что Валиев закрывает ладонью мой рот.

— Тсс, малышка, ты ребенка разбудишь, — и снова втягивает сосок как можно глубже в рот. Желание уже не знает пределов. Меня трясет от наслаждения, настолько сильного, что его едва можно вынести.

— Мы все-таки пойдем в мою комнату, — с коротким смешком говорит Тагир, подхватывая меня на руки. — Иначе весь дом перебудим.

Я просыпаюсь раньше Тагира, и долго наблюдаю за тем, как он спит. Во сне его лицо выглядит совсем иначе, он еще красивее, трудно оторвать взгляд. Могу ли поверить в слова, которые он говорил мне вчера вечером? Правда ли что есть надежда, что Тагир останется со мной, станет мне мужем, отцом для Насти?

Эти мысли делают меня нервной, возбужденной, не могу больше лежать, мне нужно пройтись, нужно занять себя чем-то. Выбираюсь из постели, иду в свою комнату. Я так рано проснулась, что даже Варвара и Настя еще спят. На цыпочках захожу в их комнату. Смотрю на спящую малышку. Мой маленький сладкий ангел. Я так сильно люблю эту девочку! И всегда буду любить, ничуть не меньше чем родных детей, которых мне возможно подарит Тагир. Прихожу в шок от полета собственных мыслей.

Решив немного подышать свежим воздухом, выхожу на улицу. Накрапывает мелкий дождик, зато воздух — восхитительно свеж. Сегодня я не чувствую ничего из тех болезненных эмоций, что были вчера. Когда меня разрывало от боли. Нет и стыда, мне все равно, если меня увидит кто-то из обитателей...

Дождь прекратился, но небо все еще остается серым. В пасмурную погоду огромный газон и кустарники приобрели яркий изумрудно-зеленый оттенок.

Спускаюсь по каменным ступеням в сад, влажный гравий хрустит под ногами. Ускоряю шаг, минуя каменный фонтан, прохожу вдоль высоких, аккуратно подстриженных зеленых изгородей, похожих на лабиринт. Сегодня я по-другому смотрю на это место. Пытаюсь представить, что это мой дом. И мне здесь очень, очень нравится. Первозданная природа, тишина, свежий воздух. Но конечно, главное — любимый мужчина.

Я так задумалась, что не сразу замечаю направляющуюся ко мне Тамилу. Вздрагиваю. К этой встрече я точно не готова. Увидев, что она приближается ко мне, причем идет со стороны въезда в деревню — начинаю нервничать.

— Не бойся, — говорит с усмешкой бывшая невеста. — Сегодня таскать за волосы не буду. Ты победила.

— Между нами не соревнование.

— Знаю, — следует сухой ответ. — Но здесь мой дом, понимаешь? И дом Тагира. Мы все равно будем встречаться. Значит, нужно научиться как-то сосуществовать.

— Хорошо. Спасибо тебе за эти слова.

— Не благодари, — усмехается в ответ.

— Эй, девушки, у вас новый раунд? — низкий голос заставляет вздрогнуть нас обеих. Поворачиваем головы — к нам идет Далхан. Я все еще нервничаю в его присутствии. Он слишком крупный, высокий, и мрачный. Его взгляд пронизывает насквозь.

— Зря бежишь спасать ее. Мы помирились, — смеется Тамила, но ее смех какой-то неестественный.

— Да? А если скажу, что слишком хорошо тебя знаю?

— Я пошлю тебя подальше! — восклицает девушка.

У меня складывается впечатление, что у этих двоих своя история отношений. Чтож, мне это не интересно. Пусть сами разбираются. Может теперь, когда Тагир решил, что не хочет жениться на Тамиле, его место займет старший брат? Тамила, как мне показалось, не против.

— Всего хорошего, — буркаю в их сторону, но эти двое так заняты, что похоже не услышали.

Медленно иду по саду, радуясь тому, что ушла от не слишком приятных мне людей. Особенно от тяжелого взгляда Далхана. Временами складывается ощущение, что он видит всех людей насквозь. Я ему не нравлюсь и не понравлюсь никогда. С этим нужно смириться. Это его дом. Его мир. Он старший, главный здесь...

К горлу подступает ком, когда вновь думаю о том, что если даже Тагир простил меня, то мнение остальных его родственников навсегда останется негативным. Да и поверить в то, что Тагир все полностью простил — сложно. Я никогда не верила, что меня можно полюбить по-настоящему. Потому что меня не любил собственный отец. Я выросла в окружении людей, для которых важнее всего было мнение предводителя. В нашем доме понятия добра и зла были размыты. Я всегда завидовала своим одноклассникам, чьи отцы приходили на футбольные матчи и концерты своих дочерей. Видела, как эти отцы застегивали пуховики своих дочек, чтобы те не замерзли на улице. Как учили их ездить на велосипеде... У меня же для этого всегда были охранники и гувернеры. Только брат дарил мне свою любовь. Но он был занят собственными демонами, пытаясь выжить в доме отца. У Павла был непростой характер.

Как всегда, когда вспоминаю брата, глаза защипало от слез. Смахиваю их и иду к комнате Варвары, чтобы разбудить дочь. И застываю на пороге, перехватывает дыхание. Настя сидит на коленях Тагира, он ласково гладит ее по голове. Девочка явно не боится. Смотрит на него с огромным интересом, любопытством. Сердце начинает биться чаще, меня переполняют эмоции. Тагир улыбается Насте, глядя на нее заботливо и по-доброму.

Изо всех сил стараюсь поглубже вдохнуть.

Рядом с малышкой, сидя на краю односпальной кровати, Тагир кажется гигантом. Ткань рубашки плотно облегает его широкие плечи, а тонкая шерсть черных брюк подчеркивает мускулистые бедра. Настя несколько не пугается мощного телосложения Тагира. Во всяком случае, очевидно, что она была в восторге от его компании.

— О, вот и мама пришла, — Валиев заметил меня.

— Где... Варвара? — спрашиваю охрипшим голосом.

— У нее какие-то дела в городе, надо много чего купить. Наши женщины как раз едут на рынок, ее обещали с собой взять. А ты куда пропала?

— Вышла воздухом подышать. Спасибо, что присмотрел за Настей.

— Мне было приятно. Не благодари. Как спалось? Ты рано встала.

— Прекрасно.

— Хорошо. Теперь надо позавтракать. Настя уже поела, а вот ты наверняка нет. Верно?

Киваю, чувствуя, что и правда проголодалась. Мы позавтракали вместе, потом отправились на прогулку. Неужели и правда все налаживается? Так хотелось в это верить!

Казалось бы, все хорошо, и можно наконец расслабиться. Но я не могла избавиться от одной мысли — кто же пытался похитить меня? Не оставляла попыток расспросить Валиева, на что он лишь раздражался.

— Я ищу, сказал же. Как только будет что рассказать по этому вопросу, обещаю, скажу тебе первой.

— Ты уже что-то знаешь, я же чувствую! — не могла сдаться и продолжала расспрашивать его. Тем более, Тагир часто отсутствовал. И в эти поездки всегда уезжал при

оружии. Я чувствовала, что эти его отъезды касаются именно нашего дела. Он пытается найти концы. Я знала, что он ищет Вадима, антиквара, который привел меня на аукцион. Что он следит за Викторией, которая познакомилась со мной с Вадимом. Я до сих пор отказываюсь даже мысль допускать, что Вика могла предать меня. Но конечно же, мне хотелось бы поговорить с ней. Увы, бесполезно просить Валиева взять меня с собой. Он даже не говорит, куда периодически летает на вертолете.

— Занимайся ребенком, — следует краткий ответ.

Я не могу злиться за это. Заниматься ребенком, после отчаяния, скитаний, это счастье для меня. Мы много гуляем с Настей, часто в компании Нурпат. Ее отец смотрит на это крайне недовольно, но к счастью строгий старший брат отсутствует в деревушке еще чаще чем Тагир. Да, я наслаждаюсь природой, учусь уживаться с новыми для себя людьми, хотя общаюсь немного — в основном эти женщины не говорят по-русски. Иногда вижу Тамилу, каждый раз это вызывает внутреннюю неловкость, хотя мы вроде бы все выяснили.

Так как Тагир и сегодня уехал, ложусь спать в своей комнате, Настя залезает в мою постель, просит почитать сказку. Мы читаем около часа «Буратино» с потрясающе яркими иллюстрациями. Целую коробку красиво и дорого оформленных детских книг привез из предыдущей поездки Тагир. Так и засыпаю с книгой в руках.

Утром просыпаюсь — девочки нет рядом. Варвара на несколько дней уехала, она подружилась с одной из родственниц Тагира, очень милой женщиной, которая хорошо говорила по-русски. Эта женщина пригласила Варвару на свадьбу к родственникам — помочь с готовкой, и заодно развеяться. Я слышала разговор и как отнекивалась баб Варя, мне стало до слез неловко. Она и впрямь стала нянькой для Насти, причем бесплатной. Деньги брать за свой труд категорически отказывалась. Поэтому я влезла и уговорила женщину поехать, умоляла практически. Обещала, что прекрасно справлюсь. Варвара уезжала очень воодушевленная. Она стала нам семьей, видно было, что ей очень тяжело было жить в одиночестве. Я радовалась своей настойчивости. И вот сейчас испугалась. Меня сразу охватила паника. Вскрываю с кровати. Хватаю первую попавшуюся под руку одежду, натягиваю джинсы, футболку, бегу в комнату Варвары. Может Настя проснувшись отправилась ее искать? Почему я не услышала?

Но девочки там нет.

Стараюсь не паниковать, здесь ничего плохого не может случиться. Она, несомненно, играет где-нибудь. Но все равно в голову лезут разные мысли, которые пугают меня. Я должна ее немедленно найти, убедиться, что Настя в безопасности!

Первым делом заглядываю на кухню, но там никого, дом будто вымер. Начинаю открывать каждую дверь, встретившуюся на пути. Мне попадает женщина, но она не говорит по-русски, не понимает мои вопросы. Я уже просто в отчаянии.

Возле двери натыкаюсь на охранника.

— Моя дочь, — произношу едва не плача. — Вы ее не видели? Я не могу ее найти.

— Твоя малышка с Тагиром. — Они в саду. — Мужчина кивает на боковую дверь. — Это кратчайший путь туда.

— Спасибо!

Воздух прохладный, гравий на тропинке царапает мои босые ноги. Я даже не подумала обуться, настолько испугалась. Спешу по тропинке, стараясь не дрожать, говорю себе, что беспокоиться незачем. Но Тагир еще никогда так не делал. Не забирал малышку. Да, он играл с ней пару раз, но я всегда была с ними.

Добегаю до сада и замираю. На ровной вымощенной плиткой площадке Настя учится кататься на четырехколесном маленьком велосипеде. Тагир ей помогает. Девочка заливисто смеется, ей явно очень нравится. Рядом стоит Тамила, и тоже смеется. Радостно, громко. Они выглядят как настоящая семья.

Мне больно видеть эту картину. Буквально захлестывает ревность, особенно когда Тамила собственническим жестом кладет ладонь на запястье Тагира. Что-то говорит ему на ухо.

Подбегаю к ним, хватаю ребенка на руки, выходит излишне резко.

— Что ты делаешь? — резко одергивает голос Тагира. — Ей нравится.

— Ты хоть представляешь, насколько я испугалась? — выкрикиваю со злостью. —

Почему ты меня не разбудил?

— Ты спала.

— И что? Я же не кукла! Я живая! Чуть с ума не сошла, когда не смогла найти ребенка!

— Теперь ты ее нашла. Не стоит поднимать голос, Вилена. Здесь такое не принято.

— Да что ты говоришь! Мне наплевать!

Пережитый страх, ревность, ярость, все это сплетается в ядовитый клубок. Понимаю, что веду себя глупо. Глубоко в душе я не хочу ссоры. Понимаю, что Тагир не виноват ни в чем. Ни в своем прошлом, ни в настоящем. Но сейчас остановить эмоции мне не под силу. Настя начинает плакать, разворачиваюсь и очень быстрым шагом, почти бегом, удаляюсь. Не могу сейчас видеть Тагира. Да он и не догоняет. Остается с Тамилой, отчего боль еще сильнее разъедает сердце. Возможно я не так уж важна для него...

* * *

— Прости меня, пожалуйста, — усадив Настю на кровать в нашей комнате, целую ее сладкие пухлые ручки. — Я не на тебя разозлилась, малышка. Я просто очень испугалась. Сейчас разогрею тебе супчик. Время обеда...

Ступни жгут, уложив Настю после обеда спать, делаю себе ванночку. Заработала несколько болезненных порезов. Идиотка. Сажу и плачу от мысли, что нужно найти какой-то антисептик. Но я ни с кем не хочу разговаривать.

— Вилена.

В комнату заходит Тагир. Назвав меня по имени больше ничего не говорит.

— Извини, что сорвалась.

— Я понимаю. Ты испугалась за ребенка. Просто я не привык, что на меня повышают голос. И не собираюсь привыкать.

Сказав это, подходит ближе, садится на корточки. Крепко обхватывает ладонью мою лодыжку, разглядывает ступню.

— Ты дурочка. Босиком по гравиию...

— Я очень испугалась.

— Здесь с Настей ничего не случится. Поверь, здесь вырастили много детей.

□

— Есть речка, есть животные. Она такая маленькая. Я виновата... Не услышала, как ты забираешь ее.

— Мы старались быть бесшумными, — мягко улыбается Тагир. — Чтобы не разбудить

мамочку. Так, сиди, сейчас принесу аптечку.

* * *

Когда Тагир заканчивает дезинфицировать ранки, всхлипываю как ребенок. Он накладывает повязки на обе ноги. А затем крепкие руки поднимают меня, он сажает меня к себе на колени, обнимает мое дрожащее тело.

— Я заревновала, — признаюсь, снова всхлипнув. — Прости меня. Увидела вас с Тамилей... мне было так больно.

— Серьезно?

— Да. Дело не в Насте... То есть, это конечно тоже. Но злость была из-за ревности.

Тагир мягко улыбается на это мое признание, обхватывает мои скулы пальцами. Закрываю глаза, наслаждаясь прикосновением твердых губ к своим губам. Запускаю пальцы в волосы Тагира, прижимаюсь к нему ближе, всем телом.

— Прости меня, — говорю спустя какое-то время, оторвавшись от его губ. — Я такая дура.

— Не говори так. Ты то что мне нужно, — возражает Валиев.

— Отличный комплимент, — не могу не улыбнуться. — Спасибо. Что не сердишься...

— Не сержусь. Мне даже приятно, Вилена, что ревнуешь меня. Но я хочу, чтобы ты выкинула эти мысли из своей милой головки. Меня интересуешь только ты. Тамила... К сожалению, с ее присутствием придется мириться. Мы выросли вместе, наши семьи как родные. Ее родители можно сказать заменили мне и братьям семью. Заботились о нас. Но это не значит, что я женюсь на ней. Я все им объяснил, и они поняли. Ты тоже пойми.

— Я постараюсь, — вздыхаю. — Может, на ней женится Далхан? — спрашиваю, немного подумав. В ответ Тагир начинает хохотать.

— Что такое? Что такого я сказала? — хмурю брови. — Ты можешь ответить на вопрос? И не смейся так громко! Настя спит крепко, и все же...

— Насте пора просыпаться, иначе ночью долго не уснет, — теперь уже совершенно серьезно, без тени смеха говорит Тагир. — Так как ты без помощницы... Черт, ты нужна мне. Каждую ночь. Все ночи — мои. Понимаешь? Я попрошу кого-нибудь переночевать с Настей.

— Нет! Ты потерпишь еще пару ночей, — заявляю твердо, и сразу смущаюсь. Но Тагир не обрывает меня.

— Ты хочешь меня помучить? — спрашивает наконец.

— Нет... Возможно, — пожимаю плечами. — Так что там с Далханом? Почему он как старший брат и вдовец не может жениться на Тамиле?

— Я не утверждаю. Но сомневаюсь. Далхан однолюб. Тамилу он ценит и любит как сестру... поэтому вряд ли обречет ее на брак без всякой надежды на взаимность...

— То есть с тобой у нее такая надежда была? — хмурюсь, пристально вглядываюсь в лицо Валиева. Он снова начинает смеяться, на этот раз действительно разбудив ребенка.

□

Дни потекли один за другим, Тагир больше не уезжал, а мне, в связи с этим, все меньше хотелось задавать вопросы. Тем более, когда он был рядом, когда мы каждую минуту проводили вместе, просыпаясь, гуляя, смеялись, рассказывали друг другу свои тайны... а ночью я засыпала в его объятиях. Когда Тагир жадно срывал с меня одежду, и мы пылко занимались сексом, и когда я выдыхала очередной оргазм, он проводил рукой по моему телу и шептал, что оно обладает всем, чем должно обладать тело женщины. Все мои чувства были настолько обострены, что я едва могла есть и спать.

Думать была способна только о Тагире. Он проник в мою кровь, как сильнейший наркотик. Я начала осознавать природу зависимости. Вы пробуете то, что опасно для вас, и вот вы уже на это подсели. Любовь и зависимость — два синонима.

Иногда мне становилось страшно, что сказка, в которой я оказалась, скоро закончится. Я стала неосторожной, отпустила чувства на волю, правильно ли это? Ведь еще совсем недавно мы были врагами.

Еще меня мучило чувство вины перед Тамилей. Эта девушка очень старалась наладить со мной отношения. Отлично ладила с Настей, девочка стала называть ее тетей, обожала играть с ней.

* * *

Сегодня я проснулась очень рано, около получала любовалась спящим Тагиром, а потом на цыпочках вышла из комнаты, чтобы приготовить завтрак. Теперь я делала это на общей кухне, женщины, хлопчущие на ней, принимали меня дружелюбно, я выучила их имена, и приступила к изучению чеченского языка. Я не была уверена, что мне удастся это, но я хоть немного смогу с ними общаться. Так как я нахожусь в их доме, на их территории, и планирую жить здесь долго и счастливо, думаю, это правильное решение.

Не могу не заглянуть в комнату Варвары, где теперь стоит Настина кровать. Баб Варя стала официальной няней, я поговорила с ней очень твердо, договорилась о сумме, которую женщина будет получать. Потому что не могла дальше пользоваться ее бескорыстной добротой. Я старалась проводить с Настей каждую свободную минуту. Но ночи принадлежали Валиеву...

Настя так сладко спит, не могу удержаться, тихонечко наклоняюсь, касаюсь губами пухлой щечки, вдыхаю неповторимый запах ребенка.

— Ты чего так рано? — шепчет Варвара.

— Ох, прости пожалуйста. Разбудила?

— Нет, я уж полчаса как не сплю. Пошли на кухню. Кофейку хочется.

На цыпочках выходим из комнаты. Отправляемся на кухню. Начинаю готовить кофе, но сегодня его запах кажется мне странным. Помешивая напиток в турке на огне, морщусь.

— Знаешь, мне кажется что-то не то. Наверное, кофе испорчен, вылью, надо поискать другие зерна. Сделаем свежемолотый. Запах раздражает все сильнее, вызывая тошноту.

— По-моему, пахнет замечательно, — возражает мне Варвара. — Ну-ка присядь, девочка. Я сама доварю. Забирает у меня длинную изогнутую ложку, начинает сама

помешивать. Послушно сажусь на табуретку.

— Голова не кружится? — спрашивает Варвара.

— Немного, — вздыхаю. — Отравилась я что ли?

— Угу. Твой ненасытный жених отравил, — говорит и посмеивается Варвара.

— Что? Я не понимаю.

— Не будь дурочкой. Известно, на что намекаю. Думаю, ляльку ждешь. Все признаки.

У меня пропадает дар речи. Вскакиваю на ноги, снова сажусь. Это чувство невозможно описать. Да, мы давно перестали предохраняться. Оба знаем, что от этой беспечности бывают дети... Боже, я так хочу ребенка от Тагира! До дрожи, до иступления! Так сильно хочу, что была уверена — мне этого еще долго ждать придется. Просто потому что жизнь меня всегда учила — чем больше ты хочешь, тем меньше получаешь. Судьба обожает раздавать щелчки по носу. А тут... Любимый мужчина... Неужели и ребенком благословили нас небеса?

— Ну что с тобой, девочка, не надо так переживать, — взволнованно говорит Варвара, подходя ко мне. — Хочешь вылью этот кофе если тебе так плохо?

— Нет, конечно нет, — мотаю головой. — Я просто... не уверена.

— Да, я не врач конечно. Тест сделать надо.

— Тест? — раздается мелодичный голос. Поднимаю глаза — Тамила, с сияющей улыбкой вливается на кухню, и сразу к плите.

— Ммм, божественный запах кофе! — укрепляет еще больше меня в подозрении, что Варвара права. Потому что мне запах кажется омерзительным.

— Виленка скорее всего ребеночка ждет, — сообщает бесхитростно Варя.

— Правда?

— Нет, я не знаю... мы просто болтали, шутили, — смущаюсь, ужасно. Ну зачем только баб Варя это брякнула! Мне точно не хочется, чтобы о ребенке первой узнала бывшая невеста моего мужчины. Это... ужасно.

— Ну тогда поздравлять видимо рано. Не волнуйся, Виленка, я никому не скажу, — подмигивает мне. — Конечно Тагиру сообщать лучше, когда это будет уже стопроцентно известно.

Проницательная. Умная. Мне все больше была приятна эта девушка. Тамила достойно приняла поражение, отпустила Тагира и жила дальше. Такая позиция достойна уважения.

— Я ведь специально ей сказала, — оправдывается Варвара, когда остаемся одни. — Это чтобы она видов не имела, и надежд не питала.

— Зря ты так. Некрасиво вышло, — отвечаю, не собираясь скрывать недовольство. — Если окажется что у меня просто заболел желудок, что вполне может быть, это будет выглядеть так, словно мы решили присыпать солью ее рану. Разве это правильно? Не надо было говорить...

— Ладно, прости старуху, — вздыхает Варвара. — И правда, не подумала я, глупость сморозила. Хочешь прямо сейчас в поселок поеду, в аптеку, тест привезу тебе?

— Нет, что ты...

— Ну как же, ведь будешь теперь сомнениями терзаться. Уже вижу, что начинаешь. Нет, я съезжу. Сейчас кто-нибудь из мужиков закончит завтракать, попрошусь в поселок подвезли чтобы.

Варвара уже отлично обжилась, и со всеми нашла общий язык, что не могло не

радовать. Да и ее искренность не давала мне долго на нее сердиться. Я же понимала, что она не со зла...

— Вот, моя дорогая девочка, две штуки купила. Конечно, лучше бы у врача анализы сдать, — на этот раз Варвара произносит все почти шепотом, хотя в комнате только я и Настя. Тагир уехал, сказал, что его возможно не будет пару суток. Я очень сильно расстроилась, но с другой стороны, подбадривала себя тем, что у меня будет время подготовиться к тому, чтобы сообщить ему новость. Если конечно моя беременность подтвердится. Я старалась не радоваться раньше времени — ведь никаких симптомов не было, кроме странной реакции на кофе.

Когда смотрела на полоску теста, ожидая момента истины, пожалела, что Тагира нет рядом. Я стала зависимой от него буквально во всем. Мне очень бы хотелось поддержки в такой момент...

Зато была Варвара, которая стала мне почти как мать. Она за дверью ждала, с огромным нетерпением. Я слышала, как она ходит туда-сюда, как часовой. Наконец, собравшись с духом и вытерев слезы, выхожу из ванной.

— Ну что, деточка? Признавайся уже, будет у меня еще одна подопечная, или подопечный, пацана конечно лучше, — верещит радостно.

— Будет, — улыбаюсь, а по щекам снова слезы текут.

— Плачешь тогда почему? Не рада что ли? Понимаю, молодежь сейчас такая, для себя хотят сначала пожить, идея фикс прямо...

— Я рада, безумно счастлива! — вырывается у меня. — Я ведь о таком мечтать боялась...

— Что ты говоришь такое? Боялась она! Да ты должна была ждать, готовой быть, такой парень у тебя красивый, и ты красотка, любите друг друга. Разве не так дети на свет появляются? — смеется надо мной женщина.

— Это сложно объяснить... Это все мои внутренние страхи, сомнения.

— Выброси их уже.

— Хорошо. Пойду еще тест сделаю.

— Ну давай, чего ж добру пропадать, раз куплено, — смеется надо мной Варвара. — А я пойду чай заварю. Вкусный торт сегодня купила, знала ведь, что к месту будет.

— Спасибо тебе огромное, — возвращаюсь и обнимаю крепко женщину. — Ты мне самая родная, после Настюши и Тагира. Совсем недавно я была абсолютно одна. Поэтому хорошо знаю цену близким. Спасибо, что ты есть у меня.

— Ох, девочка моя, я же сейчас расплачусь, а ведь глаза накарсила. Только не смейся, нравится мне тут... дед один. Одинокий, по-русски не бельмеса, но хорош чертяка. Я его же просила меня в поселок подхватить. Дура старая, правда?

— Прекрати, ну что ты говоришь, никакая ты не старая, и вообще, любви все возрасты покорны!

— Ты ж мой ангел. Ну иди, иди, убеждайся еще раз, а я на стол пока накрою, смахивает слезы Варвара.

Это было самое счастливое чаепитие в моей жизни, при том что я попросила Варвару больше не говорить на тему беременности. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь снова услышал. Особенно Тамила. Не хотелось причинять ей боль.

Утром, после завтрака, как обычно отправляемся гулять с Настей и Нурпат. Девочки очень подружились за это время, не разлей вода стали. Нурпат мне очень нравилась. Порывистая, открытая. Она отчего-то очень тянулась ко мне. Это было так странно! Женщин в доме было предостаточно. Тетушки, невестки, двоюродные и троюродные жены... Вскоре Нурпат проговорила отчего все это — я внешне напоминаю ей маму. Показала фотографии, и правда было сходство. Может поэтому меня так ненавидит Далхан? Я напоминаю ему о потере...

Впрочем, даже Далхан уменьшил свое недружелюбие. И дочери больше не высказывал, чтобы со мной не смела общаться. На большее я не рассчитывала.

— Вилена, привет! — по дороге к дому нас догоняет Тамила. — Прекрасная погода сегодня, — задирает лицо к небу.

Почему я до сих пор чувствую перед ней вину? Сама не могу понять.

— Привет, — улыбаюсь в ответ. — Да, мы отлично прогулялись.

— Устали?

— Нет, совсем нет, — говорю удивленно, не понимая, к чему клонит Тамила.

— Мне очень нужна твоя помощь, не знаю кого еще попросить, — выпаливает вдруг моя собеседница. Словно долго в себе держала и наконец решилась.

— Хорошо, конечно. Сделаю что смогу. Только в дом схожу, Настя пить хочет.

— Я ее отведу, — любезно предлагает Нурпат.

— Спасибо дорогая, отведи ее к Варваре.

— Хорошо! Мы вместе поиграем! Нет, сначала попросим у Вари мороженого! Она вчера сделала!

— Отлично, — улыбаюсь девочке.

Настя и Нурпат убегают к дому, а мы идем в противоположную сторону, обратно к реке.

— Я должна признаться тебе... кое в чем, — начинает Тамила свой рассказ. Мне не очень хочется слушать, но отказать не могу. По крайней мере, она не спрашивает меня ни о чем. Сама хочет чем-то поделиться. Может и правда больше никому сказать не может.

— Я встретила мужчину. Недавно.

— Правда?

Эта новость приносит мне облегчение. Все это время я чувствовала между нами напряжение, которое никак не хотело уходить.

— Да, правда. Зачем мне тебе лгать? Вообще не вижу в какой бы то ни было лжи смысла. Все равно рано или поздно все откроется. Честно скажу, с Тагиром у нас никогда не было особых чувств. С тем же успехом мои родители могли выбрать любого другого из братьев Валиевых. Сейчас я вижу, что вы с Тагиром... что у вас настоящее чувство, то о котором многие могут только мечтать. Я очень рада за вас. Но смогла понять все это, только когда сама испытала подобное.

— Да, наверное, только так и можно понять. Когда сама испытаешь. Я рада, что между

нами все складывается гладко, — откровенно признаюсь Тамиле. — Меня это беспокоило. Меньше всего на свете мне хотелось причинить кому-то боль... Так чем я могу помочь? Сделаю все что смогу...

— Мои родители не принимают этого парня. Боюсь, что никогда и не примут. Но не позволяю себе так думать. Я имела неосторожность рассказать о нём, и отец так разозлился! Запретил мне выходить из деревни, отнял мобильный. Да, я уже взрослая и могу решать свою судьбу... Но как же иногда трудно объяснить это родителям! Мой любимый, его зовут Владимир, сейчас стоит на въезде в деревню, ждёт меня. А я даже позвонить ему не могу!

— Я конечно же могу дать тебе мобильный...

— Ты не понимаешь, я могла бы попросить у кого угодно в деревне. Но не помню наизусть номер Владимира! Это глупо, знаю! Похоже, я настолько от любви голову потеряла, что забыла, мне кажется, все на свете! Ты можешь меня спасти, Вилена! Если сходишь ко въезду в деревню. Это не так далеко, идти минут двадцать. У Владимира тёмно-синий Мерседес. Больше всего знаешь, чего боюсь? Что он сам пойдет ко мне домой! Он иногда такой упрямый! Решит поговорить с отцом... Будет жуткий скандал, или что похуже! Наши мужики, сама знаешь, как к чужакам относятся... Я так боюсь за Владимира...

□

— Хорошо, я схожу, — отвечаю торопливо — в глазах Тамилы блестят слезы. Она права, тут мужчины скоры на расправу. А уж если их слово нарушают... — Что мне передать Владимиру?

— Скажи ему, что я не могу сегодня выйти, спросите его номер, пусть напишет его на бумаге. Скажи, что я обязательно ему позвоню и мы что-нибудь придумаем. Кто знает, может пройдет день-другой, и отец отойдет от гнева, смилостивится... Главное, нельзя терять ни минуты!

— Да, конечно, я схожу.

— Прямо сейчас?

— Да. Иду.

— Я не могу пойти с тобой. Мне домой надо...

— Не волнуйся. Я передам и сразу вернусь. Найду тебя. Я знаю твой дом.

— Нет, ко мне нельзя! Родители могут что-то заподозрить, удивятся. Я сама приду в большой дом.

— Хорошо, — улыбаюсь, и тут же чувствую вину за это, ведь Тамиле так плохо. — Обещаю, все будет хорошо!

Всю дорогу к шлагбауму чувствую себя на подъеме, еще бы, жизнь налаживается, вот я уже не изгой, который все время бежит как загнанный зверек. Вот уже сама помогаю кому-то в беде. Разве не прекрасно?

— Вилена! Подожди! Подожди же, пожалуйста! — раздается детский голосок позади. Оборачиваюсь. Меня догоняет Нурпат.

— Что-то случилось? — спрашиваю с тревогой, сердце сразу сжимается.

— Настя разбила коленку, но не волнуйся, это не страшно, просто ссадина. Она плачет, я думала вы болтаете с Тамилей. Но вижу — ты идешь куда-то прочь от деревни. Куда ты идешь? — тараторит девочка.

Закусываю губу. Нурпат совершенно не к месту здесь, и за Настю теперь сердце неспокойно.

— Мне нужно передать сообщение, но это секрет. Я скоро вернусь, Нурпат. Иди,

возвращайся, помоги Варваре успокоить Настю. Точно ничего серьезного? — спрашиваю строго.

— Садина, маленькая, — фыркает Нурпат. — Я сто раз так падала и у меня даже шрам остался. Какие у тебя могут быть дела за деревней?

— Пожалуйста, Нурпат! — начинаю нервничать, вспоминаю слова Тамилы, что Владимир отправится за ней. Его могут избить, нравы тут правда, дикие. Вздохнув, еще раз прошу как можно тверже:

— Это не мой секрет, Нурпат, но пожалуйста... Вернись обратно. Я приду следом. Очень быстро, правда.

Девочка кивает и уходит, а я продолжаю свой путь бегом.

* * *

Синий мерседес я увидела сразу. Действительно недалеко.

— Здравствуйте, Владимир! — наклоняюсь к водительскому стеклу, которое опущено. С интересом разглядываю мужчину внутри. На вид ему лет сорок, хмурое лицо, квадратный подбородок и очень неприятные глаза. Колючие.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — прищуривается мужчина.

— Меня прислала Тамилла.

— Отлично! — меня удивляет это слово, Владимир словно услышал пароль, после которого включил совсем другое общение.

— Она не придет, к сожалению. Просила записать номер вашего мобильного...

Вдруг замечаю, что на заднем пассажирском сидении кто-то есть. Это сразу настораживает меня. Пячусь назад, по позвоночнику пробегает волна ледяной дрожи. Прежде чем успеваю среагировать и побежать прочь, Владимир набрасывается на меня.

— Стой! Не рыпайся! Ничего тебе не сделаю! — грозно рычит, заламывая мне руки. — Дура, хотел по-хорошему...

— Кто ты такой! Помогите! На помощь!

Глупо орать, когда вокруг бескрайние поля, вдалеке опушка леса, разве что какой грибник пройдет стороной. Никого, кто мог бы броситься на помощь. Но я все равно отбиваюсь изо всех сил. Второй мужчина выскакивает из машины, бросаясь напарнику на помощь. Страх сжимает горло, сдавливает грудь, и в то же время придает мне сил.

— Вилена! Отпустите ее! Отпустите немедленно! Помогите! На помощь!

Оборачиваюсь, хотя и так знаю кто кричит, узнаю голос. Нурпат, глупая! Девочка не послушалась, не ушла! Сейчас бесстрашный ребенок летит на всех порах, чтобы мне помочь! Вырываюсь с утроенной силой, потому что прихожу в ужас. Нурпат может пострадать! Только не это, никогда не прощу себе.

— Уходи, Нурпат, беги в деревню! Позови на помощь!

Девочка замирает, раздумывая. В этот момент второй мужчина подбегает к Нурпат и отвешивает ей сильный удар по лицу. Я ору от ужаса, боже, бедная девочка. О себе просто забываю на этот момент. Но мой малыш... Господи, неужели я потеряю его?

— Вам конец, твари, — цежу сквозь зубы, громче не могу говорить, горло саднит от крика. — Вы покойники. Вас четвертуют за эту девочку.

— Заткнись, сука, а то огребешь также.

— Кто вы такие? Что вам нужно? Тамила наняла? Ну так...

Второй мужчина оказывается сзади, молниеносно прижимает к моему лицу какую-то тряпку, и я теряю сознание.

* * *

Прихожу в себя в какой-то комнате. Странно. Это не подвал. Похитители поселили меня в комфортабельных условиях? Кто же это такие? Зачем я им понадобилась?

Нурпат! Воспоминание пронзает мозг, прихожу в ужас. Боже, где девочка? Бедный Далхан, что с ним будет? Он так любит дочь. Или ее не забрали с собой? Оставили там? Как узнать? Но кто рассказывает своим пленникам всю информацию.

Вскакиваю и начинаю стучать в дверь, она заперта, конечно, как иначе!

— Пожалуйста! Кто-нибудь! Прошу вас!

Дверь распахивается.

— Чего орешь?

Владимир, мой похититель, стоит на пороге с недовольным лицом.

— Что это за место? Куда ты привез меня? Это Тамила, да? Все подстроила, чтобы вернуть Тагира? Идиотка! Разве можно таким способом мужчину вернуть?

— Сегодня тебе объяснят, зачем ты здесь. Ты видишь, что нет никакой нужды в насилии.

— Это ты мне говоришь, после того как я видела, как вы били ребенка?

— Она мешала.

— Что вы с ней сделали?

— Успокойся. Девочка уже дома. Она не нужна была. Только ты. Наберись терпения.

□

Слова Владимира не успокоили меня. Дверь захлопнулась, и я снова осталась наедине со своими страхами. Стало только хуже. Ребра словно сжало тисками, каждый глоток воздуха давался с трудом. Если до этого момента я еще надеялась, что меня просто попугать ревнивая соперница решила, то сейчас стало ясно, что все гораздо серьезнее. Я потеряла счет времени. Только выглядывая в окно, в которое могла увидеть лишь краешек высокого тополя, могла догадываться что сейчас, день или ночь. Темнело стремительно. Вряд ли тот, кто велел меня похитить, придет ночью... Но что если именно так? Что этому человеку нужно от меня? Мечь? Шантаж? Самое ужасное, что понимаю — может быть что угодно.

Ночь между тем все тянулась и тянулась. Казалось, она никогда не кончится. Мне было холодно и одиноко — так одиноко, как никогда в жизни. Наконец я задремала и проснулась от ощущения невероятного, леденящего холода.

Дверь неожиданно распахнулась, в комнату зашел Владимир.

— Пошли, — коротко приказывает, не глядя на меня.

Поднимаюсь, ноги как ватные. Платье мягкое, неприятно липнет к телу. Заставляю себя идти за своим тюремщиком.

Мы идем по длинному коридору, затем спускаемся вниз по узкой лестнице. Меня похоже заперли на последнем этаже. Третьем. Частный дом, стараюсь успеть посмотреть в окна, мимо которых проходим. Еще даже не рассвело до конца, куда меня тащат в такую рань? Так страшно, что думать не могу. Машинально обхватываю живот, горло сводит судорога.

— Мне нужно в туалет, — говорю дрожащим голосом в спину Владимира.

— Потерпишь.

— Меня сейчас вырвет! Я беременна!

Тут же начинаю горько сожалеть о том, что это сказала... Ужасно, если Тагир узнает о ребенке вот так... Что если эти люди собираются шантажировать его? Что он сделает? Ох, да ясно что, снесет тут все, к чертям... Но он может быть неосторожен в своей ярости...

То ли от этих ужасных мыслей, которые спровоцировало мое разошедшееся воображение, то ли от стресса в целом, перед глазами все начинает плыть. Меня выворачивает прямо на ковер. Владимир раздражается ругательствами, я приваливаюсь к стене — дышать стало чуть легче, и я этому рада.

— Тебя тащить, или сама пойдешь? — злобно спрашивает мужчина.

— Сама пойду.

— Двигайся тогда. Тебя ждут.

Мы оказываемся в просторном помещении, видимо это столовая, потому что в центре стоит длинный широкий стол. Шторы опущены, царит полумрак. На столе сервирована какая-то еда, я не приглядываюсь. Мое внимание сконцентрировано на мужчине, восседающем во главе стола. По обе стороны стоят мордовороты с каменным выражением. Замерли на посту.

— А вот и моя гостя, — спокойно произносит мужчина. — Здравствуй, Вилена. Садись.

Я с облегчением падаю на стул, максимально далеко от мужчины. От него веет опасностью, хотя лица и не разглядеть толком. Он не здоровый, обычный, скорее даже

худощавый. На нем темная водолазка под горло, волосы зачесаны назад. Он вдруг подается вперед, подставляя лицо тусклому свету свисающего с потолка светильника. Я вздрагиваю.

— Здравствуйте, — произношу наконец. У меня есть много что сказать этому чудовищу, которое почему-то решило притащить меня сюда. Но не знаю с чего начать. И как лучше себя вести, чтобы не подвергнуть себя риску. Продолжаю смотреть на него. Но это трудно. У мужчины напротив крайне неприятная энергетика. Хочется, чтобы эта аудиенция поскорее закончилась. А еще безумно хочется домой. К Тагиру. К Насте. Только сейчас понимаю, насколько счастливой была моя жизнь в последний месяц. И снова по краю лезвия... Проклятие какое-то...

— А ты не помнишь меня, девочка? Серьезно, не помнишь? — насмешливо произносит мужчина.

Пытаюсь заставить себя взглядеться в черты мужчины. Не заметить ужасный шрам, который пересекает правую половину лица, от виска до самого подбородка — невозможно. Больно смотреть на это уродство, причем авторство принадлежит руке человека. Только чудовище могло сделать такое... Меня вдруг пронзает страшная догадка.

— Стесняешься смотреть? Совершенно напрасно. Я привык к своей внешности. Давно смирился.

Не могу вспомнить его имени. Но это совершенно точно — он работал на моего отца. В те времена, когда Павел еще с нами жил. Вспомнила, потому что брат был влюблен в этого мужчину. Павел тщательно скрывал свои чувства, но я слишком хорошо знала брата, ловила каждый его жест. Я знала про него все. Хоть о многом и не смела говорить вслух, держала при себе свои наблюдения.

Красавчик. Потом этот мужчина пропал. Он не просто был в свите головорезов отца. Он был его финансовым консультантом. Почти гением в разных вопросах афер, уклонения от налогов, офшоров и прочего. Фактически правая рука Глеба Шахова.

— Вижу, ты вспомнила.

— Очень смутно. Только то, что вы работали на моего отца, — произношу осторожно. — Простите, но я была еще ребенком. Имя точно не вспомню...

— Эрик, — ухмыляется мужчина.

— Да, точно. Эрик... Зачем я здесь? Я ничего плохого вам не сделала. Я сама много страдала из-за того, в какой семье родилась.

— Не можешь, значит, представить? — усмешка на изуродованном лице пугающая, недобрая.

— Понятия не имею. Но вы же расскажете мне, верно? Простите, но мне очень плохо. Я оставила дочь, она будет волноваться. Пожалуйста, отпустите меня, умоляю.

— Я привез тебя сюда не без причины, Вилена.

— Мой отец мертв, сдох как собака. Разве это не стерло все его долги?

— Ты считаешь, что такое можно стереть? — снова лицо пересекает ухмылка, подчеркивая уродливый шрам.

Боже... Это отец сделал, наверняка. И теперь этот мужчина добрался до меня, чтобы утолить свою боль и ненависть. Колючий ледяной пот течет по позвоночнику, от шеи, меж лопаток... у меня дрожат колени, хорошо что сижу — точно на ногах бы не устояла.

— Успокойся. Такие грехи не переходят на детей. Глеб ответил за все при жизни, — вдруг отрывисто говорит Эрик. Во мне вспыхивает надежда.

— Тогда зачем я...

— Потому что есть еще и финансовые вопросы. Твой отец упрямый сукин сын. Я пытал его, но он так и не сказал мне где спрятал компромат на меня.

— Вы думаете, что я знаю? — смотрю недоуменно.

— Уверен в этом. Ты ведь приехала на аукцион. Я очень внимательно смотрел запись с камер наблюдения в доме. Ты прокололась, Вилена. Это я подослал Вадима, когда узнал, что ты хочешь прийти в свой родной дом. Сразу понял, зачем ты идешь туда. Уж точно не за детскими счастливыми воспоминаниями.

— Я понятия не имею ни о каких бумагах! — отвечаю совершенно искренне.

— Ну да, тогда я — папа Римский, — оскаливается мой собеседник. — Ты либо уже залезла в тайник, либо не успела. Я склоняюсь ко второму варианту. Мои люди глаз не спускают с дома. Который должен был попасть ко мне в собственность. Для этого я организовал чертов аукцион. У меня были куплены все... Я не учел лишь то, что многие охранники твоего папаши мечтали залезть к тебе в трусы. Валиев не исключение. Выскочил как Джокер, испортил мне всю игру. И он за это заплатит.

— Тагиру не нужен этот дом, мне тем более! Забирайте его!

— Заберу, — Эрик усмехается. — Хотя мне он тоже не нужен. Я уже сказал, мне нужен тайник.

— Вы могли давно обыскать дом!

— Нет... Там люди Валиева.

— Так это вы... напали на нас!

— Какая проницательность.

— Я готова сотрудничать. Но я прошу вас... я должна быть уверена в своей безопасности!

— Условия тут ставлю я, Вилена.

— Тагир придет за мной! Все его люди придут!

— Такая твердая убежденность умиляет. Чтож, ты даже права. Один Валиев уже пришел.

— Что? О чем вы?

— Старший братец здесь. Так что Тагиру есть над чем подумать.

— Я уверена, что дом ему не нужен! Почему не сжечь эту проклятую халупу? Сколько прошлое будет портить мне жизнь? Я больше не могу...

Обхватываю руками лицо. Я не понимаю, что нужно от меня Эрику. Тайник... Я готова отдать ему все, что есть там. Любые деньги. Мне ничего не нужно! Но могу ли вот так слепо поверить? И что он говорил про старшего брата? Намекает, что и Далхана в плен взял?

Меня начинает колотить, чувствую, как снова спазмы стискивают желудок.

— Простите... мне нужно...

Не успеваю договорить, в комнате вдруг вспыхивает свет. Красивая стройная брюнетка в белой тончайшей шубе, явно запредельно дорогой, резко прерывает мою речь своим появлением. Небрежным жестом скидывает эксклюзивную верхнюю шмотку, обнажая короткое вечернее платье цвета металл. Шуба падает на пол, а девушка, грациозно, точно кошка, садится на стол между нами, загораживая моего собеседника.

— Эрик, дорогой, ты чего тут сидишь в полумраке? — спрашивает насмешливо, при этом смотрит на меня.

— Марго, я решаю деловые вопросы. Ты мне мешаешь.

— И гостье своей не представишь?

Брюнетка жадно впивается в мое лицо взглядом, изучая с явной неприязнью. Это настолько раздражающе неприятно, что даже немного прихожу в себя. Отвечаю незнакомке таким же взглядом. На что девушка неожиданно издает короткий смешок.

— А она интересная. Отличный вкус, братец. Ладно, я спать. Скучно с вами.

— Марго, погоди, — останавливает девушку Эрик. — Сначала поговорим.

— Не слишком ли тебе много, брат? И с ней говоришь, и со мной хочешь.

Я вдруг понимаю, что девушка под кайфом. Ее зрачки расширены. Она явно не в себе.

— Я пойду... — начинаю неуверенно, чувствуя, что дурнота опять подступает. И тут же ругаю себя. Надо было узнать, когда все закончится! Насчет физического насилия я почти спокойна — Эрик дал понять, что этого не будет. Поползновений тоже — я знаю, что он гей. Хотя все может быть. Надо прежде всего узнать про Далхана! И эта девушка... вдруг с ней можно договориться? Вдруг она не в курсе дел брата? Как отреагирует, если скажу, что меня держат против воли? Но вдруг она во всем на стороне Эрика... Скорее всего так и есть.

— Владимир! — подзывает точно барин слугу, тот сразу подбегает, едва ли не кланяясь.

— Отведи ее в комнату.

Дергаюсь как от удара, Марго это замечает.

— Я провожу девушку, брат. Мне кажется ей нехорошо.

— С чего это ты сегодня так переполнена человеколюбием?

— Почему бы и нет для разнообразия? — кривится Марго.

Похоже у брата и сестры сложные отношения. Сильной любви пока не заметно. Возможно, мне это на руку.

□

— Я буду вам очень благодарна, — произношу едва слышно.

— Она такая милая, Эрик. Где ты ее откопал? Прямо сокровище.

— Не твое дело, Марго. Сказал же, не лезь, — еще более грубо отвечает Эрик. — Ее отведет Владимир. Чего встал? Тебе был отдан приказ!

Владимир резко, словно его толкнули в спину, подается ко мне, хватая за предплечье, едва не выворачивая. На глазах выступают слезы. При этом понимаю, что мужчина не хотел причинить мне боль. Он тоже сильно нервничает под грозным взглядом босса. Да кто же это такой? И почему его настолько страшатся обитатели его дома?

Владимир тащит меня по лестнице вверх, тяжело дыша. Останавливается на пару секунд на верхней ступеньке. Все мои мысли заняты Далханом. Если он правда здесь, я должна ему помочь, пусть даже он ненавидит меня! Я не могу оставить брата Тагира в беде!

— А теперь замер и отпустил ее руку, — раздается за спиной женский голос. Тон ледяной, угрожающий. Похоже я правильно поняла, брат и сестра не ладят.

— Марго, умоляю... — оборачивается Владимир. Девушка подается к нему, толкает к стене, обхватывает его шею ладонью, сжимает. — Заткнись. Ты же знаешь, милый, что по итогу я всегда добиваюсь своего? Вот и не шали, а то больно будет.

Меня почему-то завораживает эта сцена. От Марго веет запредельной сексуальностью, против которой пасует даже страх перед хозяином.

— Пойдем, детка. Я провожу тебя в твою комнату, поболтаем.

Но и мне эта женщина явно не друг, от ее холодного голоса по нервным окончаниям пробегает холодок.

— Давай, рассказывай, зачем ты здесь, малышка, — требовательно спрашивает Марго,

когда заходим в мою комнату. Куда меня нужно отвести сообщил дрожащим голосом Владимир. Мне одно было предельно ясно — вес мой тюремщик имеет куда меньший, нежели Марго, которую тут, похоже, все боятся. Или, по крайней мере, опасаются. Или просто не хотят связываться.

Нужно найти с ней контакт. Как с женщиной с женщиной. Или любой другой. Подкупить. Надавить на жалость... Объяснить, что ее брат напрасно так себя ведет — никому не нужны его чертовы бумаги! Кроме него самого. Даже состояние, которое может быть в тайнике — не нужно, абсолютно. Мне от собственного прошлого хочется лишь одного — чтобы оно навсегда осталось позади и не напоминало о себе.

Посмотрев еще раз внимательно на свою собеседницу, понимаю, что уклончивость тут не вариант. Ее подкупить можно только откровенностью.

— Меня похитили. Привезли сюда. Твой брат сейчас объяснял мне причины этого. Вот все что я знаю.

Стараюсь, чтобы голос не дрожал, но у меня это плохо выходит. Слезы душат, очень сложно сдерживать их. Помогает только ледяное равнодушие, которое исходит от Марго. Оно позволяет подавить иллюзии и надежду на то, что проникнется моей ситуацией.

— Эрик не совсем мой брат. Мы сводные, — кривится Марго и удивляет тем, что из моей речи выделила то, что я совсем не ожидала. Девушка подходит к креслу, стоящему возле окна, опускается в него, продолжая задумчиво меня разглядывать.

— Ясно, — сажусь на край кровати, потому что ноги начинают противно дрожать.

— Понимаю, ты надеешься на помощь, что растаю и захочу немедленно спасти маленькую обиженную принцессу, — усмехается Марго. — Мне жаль, детка. Я не про героизм. В какой-то степени сама тут пленница.

— Мне так не показалось, — замечаю тихо. — В любом случае ты права, глупо было надеяться.

— Ну что ты, надежда — разве это глупо? Иногда это все что есть у человека, — с неожиданной горечью произносит Марго. — Я могу дать тебе надежду. По крайней мере, твердо пообещать одно. Никакого физического насилия. Я не допущу.

Обгащенная наркотиками девица обещает мне свою защиту, при этом сообщая что ничего не решает и не может повлиять на своего брата-психа. Впору рассмеяться, но меня почему-то трогают слова этой девушки.

— Спасибо. В свою очередь скажу, что твой брат не угрожал мне. Он хочет вернуть какие-то бумаги, и думает, что я смогу помочь. Я готова сотрудничать. Мне нечего скрывать от него, нечего прятать. Мне не нужны деньги. Ничего не нужно кроме собственного здоровья и безопасности. Я... беременна. И очень хочу сохранить этого ребенка. Я только хочу сказать... это все очень опасно, твой брат связался с людьми, которые придут за мной. И они... они же сотрут тут всех с лица земли.

— Ого! Такое милое начало, сладкая девочка, и такая угроза потом...

— Я не угрожаю, что ты. Я правда боюсь.

— Правильно понимаю, что ты говоришь про отца своего ребенка? Его ждешь? Он придет за тобой?

— Да.

— Так веришь своему мужчине? — в этом вопросе отчего-то мне мерещится горечь.

— Да, верю. Эрик намекнул, что брат моего мужчины тоже здесь... в плену. Меня это очень сильно тревожит. Это плохо. Это может спровоцировать вражду, которой не будет

оправдания. Не будет возможности для примирения, понимаешь? Ты говоришь, что против насилия... Нас очень жестоко похитили... Со мной была девочка, совсем ребенок. Ее ударили... сильно. Владимир сказал, что девочку не стали похищать, оставили там, неподалеку... Но можно ли верить тому, что сказал мне Владимир?

Тараторю все это на одном дыхании, когда произношу все произошедшее вслух — оно кажется еще более ужасным. Марго все больше хмурится, выглядит напряженной, кусает нижнюю губу. Резким движением она встает с кресла.

□

— Я слышала больше, чем хотела услышать.

— Если ты мне поможешь, — добавляю еще более торопливо, — я сделаю все что в моих силах, чтобы сгладить эту ситуацию.

— Отдыхай, малышка. Я попрошу, чтобы тебе принесли еду. Переодеться. Прими ванную. Тебя никто не побеспокоит.

Марго направляется к двери.

— Ты еще придешь ко мне? — выдыхаю ей вслед.

— Думаю да. Увидимся... Черт, — Марго оборачивается. — Я даже имени твоего не спросила. Хотя могу и у брата узнать.

— Вилена Шахова, — произношу с болью, ожидая что теперь отношение резко поменяется.

Лицо Марго мрачнеет.

— С этого надо было начинать. Это все меняет.

— То есть ты не поможешь?

— Я этого не сказала. Черт... дочка Шаха. Как же... Откуда ты взялась?

— Разве теперь это имеет значение?

Ничего не ответив, Марго выходит. Тут же дверь снова приоткрывается, в проеме появляется лицо Владимира. Но тут же, убедившись, что я на месте, он исчезает. Щелкает замок.

Не знаю сколько сижу, уставившись в одну точку, в полном оцепенении. Снова открывается дверь, Владимир входит с подносом еды, потом возвращается еще раз — приносит стопку чистой одежды.

— Спасибо.

Владимир не отвечает, уходит и снова щелкает замком.

Марго

— Ты меня удивил, Эрик. Не думала, что ты даже на это способен, — замечаю осторожно, стоя на пороге кабинета.

Сводный брат поднимает голову, оглядывает меня с ног до головы с неприязнью.

— Зачем ты лезешь во все это? Иди лучше прими еще что-нибудь, чем ты там закидываешься. Заглуши свою совесть, если конечно она у тебя есть. Если болит.

— Ты думаешь, что может быть иначе? — спрашиваю с горечью.

— От тебя всего можно ожидать. Мы мало знакомы, если уж начистоту, Марго. Наши родители поженились пять лет назад, нашли на старости лет свое счастье. Мой отец принял тебя как дочь, баловал.

— Но ты не принял... — перебиваю горькую речь.

— Мне, по большому счету, было плевать. Я жил на обезболивающих, после того что со мной сделал Шахов. А теперь на обезболивающих живешь ты... после того что сделала.

— Хочешь сказать: «убила наших родителей»? Говори как есть, Эрик. Не стесняйся, — прячу боль за кривой усмешкой.

— Зачем произносить вслух то, что и так ясно?

Сводный брат никогда не отличался милосердием. Нет, наоборот. Эрик из тех, кто добивают не из жалости, а потому что считают, что так правильно. И он добивал. Меня. Я знаю, что он никогда не смог бы простить мне смерть своего отца. Поездка с благотворительного вечера в Ницце полгода назад. Скользящая дорога. Лишний бокал шампанского. Мне можно было бы найти оправдание. Я не так уж была пьяна, а гроза внезапно разыгралась страшная. Сама я чудом выжила. На всю жизнь осталась инвалидом — у меня теперь в позвоночнике металлическая пластина. И в руке. А еще я вряд ли смогу иметь детей. Но какие уж тут дети, это так, к слову пришлось.

Эрику на все это плевать. Он обожал отца, боготворил. Действительно, Федор Петрович был изумительным человеком. Ученым. Глубоким, вдумчивым. Очень добрым...

Я их убила. Маму и отчима. Сводный брат лично сообщил мне об этом, когда пришел ко мне в больницу. Как и то, что мне придется за это заплатить. Он пока еще не решил какой будет казнь...

Эрику всегда нравилось жить мезтью, долго планировать, предвкушать. Когда мы познакомились, он проходил курс реабилитации после того что с ним сделал Глеб Шахов. Изуродовал, глумился. За одну лишь ошибку.

Я так много слышала про Шахова. Но ни разу про его дочь. И вот, Глеба нет. Есть только эта девочка. Похожая на ангела. Беременная... У меня щемит сердце, когда думаю о ней. Потому что знаю, что из себя представляет Эрик. Он не отдает пленных...

— Девушка беременна, — все же я это произношу. Сама не знаю зачем. Проверить, есть ли хоть что-то святое у этого человека? Или просто стреляю в пустоту, перевожу стрелки на другого, потому что пока Эрик занят войной с другими, я живу... Пусть даже в ожидании расплаты. Но когда знаешь, что тебе осталось совсем немного, все вокруг видится в тысячу раз красивее. Даже воздух, которым дышишь кажется слаще...

— Ты внезапно стала человеколюбивой, Марго? Интересно.

Он даже картинно присвистнул, показывая степень своей иронии. Такой вот Эрик. Неумолим во всем. Обожает черную краску и готов весь мир ею замарать.

Да, он тоже много страдал. Его виной перед Шаховым была лишь любовь, тяга к его сыну Павлу. Шахов ненавидел людей нетрадиционной ориентации. Он и сына то ненавидел. А Эрика и вовсе...

— Мне кажется, она совершенно невинная девочка...

— Заткнись, Марго. Пока я не велел своим людям проверить *твою* невинность.

Не осознаю, что моя левая рука поднимается и, описывая дугу, приближается к лицу сводного брата, пока в нескольких дюймах от его худой щеки мое запястье не обхватывают цепкие сильные пальцы. Все это происходит в полном молчании. Говорят только взгляды.

Когда Эрик отпускает мою руку, очень медленно поднимаю голову, волосы падают мне на лицо, скрывая широко раскрытые глаза, в которых плещется боль вперемешку с яростью. Щеки начинают полыхать жаром, тяжело хватаю ртом воздух, словно только что провела несколько раундов боксерского поединка.

— Иди к себе и проспись. Не нарывайся, Марго. Мне сейчас не до тебя, ведь это хорошо, не так ли? Поживи в свое удовольствие, ради разнообразия.

Он серьезно мне это предлагает? Поднял над головой гильотину, а теперь советует насладиться жизнью? Чтобы не мешалась под ногами, пока не придет мой черед...

* * *

Если между мной и сводным братом все предельно ясно, то его шакалы (в смысле охранники и прочие мордовороты), слуги и другие обитатели особняка — их немало, от массажиста до эксклюзивного повара-француза, не в курсе что я такая же по сути пленница, как Вилена Шахова. У меня нет ни копейки денег, моя мать была небогата, знакомство с отцом Эрика стало для скромной переводчицы билетом в новую жизнь. Даже если попробую сбежать — меня найдут, и будет только хуже. Я трусиха. Боюсь боли. Поэтому живу в капкане, заглушаю боль всякой дрянью, от кокаина до сильнодействующего снотворного, ожидая того, что решит Эрик, что придумает для меня.

Сейчас действие наркотика почти прошло. Мне нужна новая доза. Я хочу еще.

У меня есть отличный поставщик в клубе. Сегодня он меня одарил по полной программе. Веря, что делает это для любимой сестренки Эрика. А не для бедной как церковная мышь выскочке.

Неважно... Новая дорожка кокса взбудрила, придала силы. Мозг загорелся, обрабатывая информацию быстрее, все чувства обострились. Мне захотелось приключений. Драйва. Безумия.

Поэтому выхожу из дома, по длинной дорожке в конец сада, где стоит гостевой дом, в котором расположен тренажерный зал и баня. Ну и подвал для пленников, похоже, необходимый атрибут в жизни Эрика. Он всегда занимался криминалом, еще до Шахова. Иногда мне приходит в голову, что причина так его изуродовать была не одна. Слышала обрывок разговора из которого поняла, что у Эрика были амбициозные планы свалить Шаха...

Возле входа в гостевой дом стоят двое охранников.

— Добрый вечер, — произносят вежливо, вот только похотливые взгляды куда менее приличны, нежели слова.

— Я хочу посмотреть на пленника, мальчики, — заявляю капризным голосом.

— Но... разве так можно, то есть, надо спросить у хозяина, — говорит один.

— Ты серьезно хочешь побеспокоить моего брата из-за такой мелочи? Эрик занят. Он не против. Или ты мне не веришь, дорогой?

Сжимаю пальцами лацкан дорогого пиджака, чуть тяну на себя. В глазах двухметрового блондина с карими глазами мелькает испуг. Бойтесь, что испорчу дизайнерскую вещь? О да, все парни Эрика на работе должны выглядеть с иголочки, при полном параде. Строгие костюмы и галстуки. Мне отчего-то хочется захихикать. Я играю в этом особняке роль придурковато-безумной сестрички. Поэтому парни сторонятся меня. Сумасшествие — отличная защита от любых поползновений. Вот только Эрика не так просто убедить в своей игре. Этих доморощенных охранников, мальчиков на побегушках — раз плюнуть.

Поэтому, один из них ведет меня вниз, по крутой лестнице.

* * *

Тут тяжелый запах. Пытаюсь сообразить, на что похоже. Меня передергивает, когда понимаю, что пахнет кровью.

Я никогда прежде не бывала здесь, и надо сказать, зрелище производит тяжелое впечатление, гнетущее. Каменный пол, сырость, обшарпанные стены. Такой интерьер совсем не в духе Эрика, который любит во всем лоск и богатство. Я словно в другое измерение попала. Здесь царит полумрак, в котором лишь слабый свет фонаря открывает страшную картину.

Пленник привязан толстыми веревками к широкому железному стулу, больше походящему на скамью с высокой кованной спинкой. На запястьях — наручники, словно мало пуг, больше похожих на канаты, пересекающих его грудь. Лицо мужчины перепачкано грязью вперемешку с кровью. Крупный, можно даже сказать здоровый бородатый детина, на первый взгляд словно сбежавший со съемочной площадки сериала «Викинги». О да, он бы там точно пришелся ко двору. Невольно поеживаюсь. Почему меня все это заводит? Нахождение здесь, пленник. Никакого сочувствия. Наверное, прав Эрик, утверждающий, что я — чудовище.

— Оставьте меня, мальчики, — произношу капризным тоном, слегка кривя губы. — Можете вернуться на свой пост.

При этом не свожу глаз с пленника. Мне интересно, он без сознания, или притворяется? Почему, когда я на него смотрю, адреналин буквально зашкаливает? Как в клетке с тигром. Чувствую себя живой... Именно за это позабытое ощущение жизни, крови, бегущей по венам, я душу готова продать. Потому что нет ничего слаще, чем жизнь на пороге ее завершения. Так, стоп, Рита. Хватит философствовать. К черту всех... На сегодня есть интересное занятие... Посмотрим, каков этот зверь. Будет ли он умолять, или угрожать? Мне не терпится проверить его реакции... Одно я про него уже знаю. Он в сознании.

Потому что поднимает лицо ко мне. От колючего острого взгляда, который осязаемо царапает меня, пронзает огнем злобы, по спине пробегает холодок.

— Вы уверены, Марго... Что хотите остаться с ним наедине? Он опасен, — говорит мой провожатый. — Мы не можем оставить вас с ним. Если что-то случится, то ваш брат... Даже представлять не хочу, что он сделает, — морщится как от зубной боли, настолько легко признаваясь в своем страхе и беспомощности перед хозяином, что мне хочется расхохотаться.

— Он же приковано наручниками. У меня ключей нет. Да если бы и были, я освободить его не собираюсь, сладкий. Я же не сумасшедшая, — наступаю на охранника, провожу длинными ногтями по его шее, слегка царапая, отчего он вздрагивает. Видно, что хочет отшатнуться. Как от прокаженной. Смешно. Пожирает плотоядным взглядом и в то же время боится до трясучки. Жалкое зрелище. Скучное. Надеюсь, с пленником будет поинтереснее...

— Но если ты не выполнишь мой приказ, я пожалуюсь брату.

Угроза оказывается действенной. Охрана еще пару секунд покумекав, кивает, и друг за дружкой оба покидают подвал.

— Недолго. Марго, пожалуйста... Не подставляйте нас, — кидает на прощание второй, чуть помельче.

— Никаких подстав. Я быстро, — обещаю с улыбкой.

Мы остаемся наедине.

Теперь пленник в моей власти. Внимательно разглядываю его лицо. Трудно понять, симпатичен он или урод — слишком много ссадин и кровоподтеков. Довольно густая борода средней длины. Толстая шея, мощная грудная клетка. Рубашка висит лохмотьями, открывая густую черную поросль на груди. На мужчине нет брюк, только трусы, поэтому я могу наслаждаться видом мощных крепких волосатых ног. Почему меня это заводит? Неужели я настолько извращенка? Мне нравится, что он почти обнажен. Это ставит его в уязвимое положение передо мной. И я собираюсь насладиться этим в полной мере.

— Кто ты такая? — в пронзительной тишине низкий хриплый голос бьет по нервам.

Теперь пленник не таясь тоже разглядывает меня, так же внимательно, пристально. Кожа начинает гореть под его взглядом.

— За что ты здесь? — отвечаю вопросом на вопрос. Ответ мне известен, но интересно, что скажет этот мужчина.

Забавный разговор, интересно, так и продолжим задавать друг другу вопросы и оставлять без ответа. У мужчины есть грубоватый шарм, безусловно. И, пожалуй, даже передоз с мужественностью. Кажется, таких я раньше не встречала. Не могу сравнить ни с одним знакомым. Не красавец, но притягивает невероятно. В глазах проскальзывает такая властность, что колени начинают дрожать.

□

— Значит, ты сестра этого подонка, — произносит мужчина с отвращением.

— Потихе, малыш, с обвинениями, — произношу как можно нежнее. — Ты не в том положении чтобы разбрасываться эпитетами.

— Ты пришла сюда чтобы угрожать?

— Нет. Простое любопытство. Скучный вечер.

— Тогда вали отсюда побыстрее.

— Ммм, какое сладкое предложение. Серьезно? Тебе не кажется, что ты немного не в том состоянии, чтобы раздавать указания? — произношу как можно насмешливее, и делаю шаг, потом другой, приближаясь к зверю. О да, сейчас он видится мне именно так. Зверем в

клетке. Диким и необузданным.

Мужчина даже не пошевелился. Ни единого звука. Я надеялась, что дернется ко мне, что натянутся жилы на мощной шее. Вывести из равновесия. Зацепить, оцарапать. Но я так просто не сдаюсь.

— Ну давай же, почему ты такой скучный? Ты мог поугрожать мне. Рассказать, что сделаешь со мной, если я не помогу тебе сбежать, — подначиваю с усмешкой.

— И часто брат тебя вот так посылает? — к моему разочарованию мужчина продолжает оставаться абсолютно расслабленным, равнодушным.

— Нет. Меня никто не посылает. Я делаю только то, что хочу. Знаешь, с кем я болтала прежде чем к тебе прийти?

О, вот оно, кажется я разбудила в нем интерес.

— Твоя маленькая сладкая невестка. Очень переживает, бедняжка. Еще и беременна. Но ты не волнуйся. С ней хорошо обращаются.

Замолкаю, снова наблюдая за пленником. Интерес сменяется злостью, даже больше, чем злостью. Чувствую, что его обуревают первобытная, звериная ярость. Она выкристаллизовывается в нем, грозя вырваться на свободу и разорвать меня на части. О да, этот зверь сейчас именно об этом мечтает.

Глубокий вдох, и еще шаг на встречу. Я стою почти вплотную, если протяну руку, могу дотронуться до гривы спутанных черных волос.

— Ты боишься, — внезапно произносит мужчина. Насмешливо и холодно.

— Тебя?

— Не знаю. Я не экстрасенс, блядь. Но я тебе обещаю, твой страх не напрасен. Ты заплатишь за этот разговор.

— Почему? Что я тебе сделала?

— Ты принадлежишь его семье. Он причинил вред. Этого достаточно.

— Какой ты грозный.

Я все же касаюсь его волос. Мужчина отшатывается, ударяясь о кованную спинку. По помещению разносится гул.

— Такой грозный, а меня боишься. Почему? Может потому что я тебя возбуждаю.

— Пошла на хер отсюда! — рычит пленник, раздражаясь потоком брани, большая часть которой не на русском языке. Но значение слов и так понятно.

— Я уйду, только когда смогу убедиться...

— В чем? Что тебе надо, сука?

— В том, что ты меня хочешь...

* * *

Сама не понимаю, что делаю, что на меня нашло. Возможно самое простое объяснение — концентрация наркотика в крови запредельна. Меня душит одежда. В голову приходит безумие, и я не могу отказать себе в этом. Скидываю платье. Дальше и белье: бюстгальтер, трусики. Оставляю только чулки — мне лень с ними возиться. Глаза мужчины вспыхивают недобрым светом. Это отзывается внутри сладкой дрожью. Между ног чувствую сладкое тянущее ощущение. Вопреки столь грязному поведению — я не шлюха. У меня был всего один мужчина, серьезные отношения. Они закончились еще до того как моя мама

познакомилась с отцом Эрика. Я застала любимого в постели с лучшей подружкой. Самый омерзительный день в моей жизни, сдохнуть хотелось. Этот стресс я переживала мучительно долго, не могла ни с кем встречаться, не хотела. Жила как монашка. Иногда сходила с ума, мастурбировала... Мне даже интересно было, где та грань, после которой мой целибат закончится? Когда я выздоровею? Но меня не ломала моя жизнь, было много разных развлечений, компании, путешествия, яхты... Потом наркотики. Сладкая жизнь, богатая, которая наступила для меня после замужества мамы поглотила меня целиком. Засосала и выплюнула на обочину...

Во что я превратилась? Что вытворяю? И не могу остановиться...

Мне интересно, что сделает этот огромный зверь. Хочу спровоцировать его, эмоций хочу, чтобы выл, рычал. Мне нужна его сила. Как вампиру нужна кровь...

Он смотрит. Жадно, пожирая горящим взглядом. Вижу, как в нем происходит внутренняя борьба.

— Ты пришла сюда от недотраха? — цедит сквозь зубы мужчина. — Не ебет никто?

— Может быть. Ты меня хочешь? Ты бы меня выебал? — спрашиваю томно, с придыханием, наклоняясь к нему, почти касаясь твердыми заостренными сосками его лица. У меня маленькая грудь, первый размер. Но мне всегда было достаточно, никогда не мечтала о буферах, как некоторые, даже многие, дурочки из светской тусовки Эрика, например. Там модно делать пластику на все что только возможно. Так странно, что именно сейчас, с этим огромным варваром царапнуло: эх, были бы побольше. Возможно тогда в нем не было бы столько хладнокровия и презрения. Морщится, словно тухлятину увидел. Взгляд пленника обдаёт меня презрением. Отворачивает голову. Вот сволочь...

Удар по самолюбию исключителен. Поэтому я делаю еще более невероятное. Опускаюсь перед мужчиной на колени. Кладу ладони на его ноги. Провожу медленно. Понятно, что тут вопрос принципа. Будь он развязан — уже трахал бы меня как бешеный бык. Он определенно возбужден, свидетельство этому — оттопыренные черные трусы. Они не могут скрыть стояк. Но именно контроль, который он упрямо пытается сохранить, работает как самый охуенный афродизиак, сводя меня с ума. И я делаю следующий шаг. Касаюсь кончиками пальцев резинки черных трусов, а потом дергаю изо всех сил, стаскиваю к коленям. Срывая с пленника последнюю защиту. Хочу увидеть его стыд, ошеломление. Но шок пронзает меня — при взгляде на более чем внушительное достоинство. Огромный, мощный, с темными прожилками вен и крупной головкой, пенис зверя стоит торчком, чуть покачиваясь.

□

Меня опалает жаром, словно из открытой духовки, щеки моментально начинают пылать, а во рту пересыхает. Чувствую панику и желание отойти подальше.

— Упоротая сука, — в голосе мужчины звучит омерзение. — Больная на всю голову. Надеюсь ты понимаешь, что подписала себе приговор? Я выебу тебя во все щели, сука, а потом отдам своим людям. Раз у тебя так чешется. Получишь по полной, тварь...

Мне становится по-настоящему страшно. Я не подчинила его, не унизила, только разозлила. Вздрагиваю, пульс зашкаливает, сердце бешено бьется о грудную клетку. При этом чувствую, как между ног становится очень влажно. Я хочу этого зверя. Это совершенное безумие, но я его хочу... Злясь на себя, всеми силами пытаюсь скрыть свою уязвимость и неспособность контролировать реакцию тела.

— Я хочу тебя потрогать. Ты разрешишь мне? — спрашиваю, как можно более

беспечным тоном, чтобы показать, что меня нисколько не напугали его слова. В конце концов, чего тебе бояться, Рита? Этот зверь тебя просто затрахает до смерти, удовольствие получишь... А вот твой сводный брат напротив, придумает настолько жуткую экзекуцию, что... Кто из зверей предпочтительнее?

Не дожидаясь ответа обхватываю пенис ладонью, сжимаю, провожу вверх-вниз по толстому стволу. Порочно до предела. Захватывающе. Приятно. От мужчины сильно пахнет потом, настоящий первобытный, дикий запах. Он не отталкивает меня. На головке выступает капля влаги. Смазка. Он готов к соитию, как бы не рычал, как бы не поносил меня последними словами. Я могу взять его. Сесть сверху. Он ничего не сделает мне... Его руки скованы. Снова провожу сжатой ладонью вверх-вниз, размазывая влагу по члену. Новое гортанное рычание заставляет вздрогнуть, между ног тянет все сильнее. Не в силах противостоять искушению, поднимаюсь на ноги. А затем сажусь на колени к пленному. Без предупреждения. Я хочу почувствовать его член своей промежностью. Потереться об этот горячий ствол.

— Я тебя разорву, — выдыхает хрипло. — Тварь...

— Разорви, — облизываю губы, вдруг понимая, что больше всего на свете хочу его поцелуя.

У него красивые губы. Идеальной формы, не тонкие, не пухлые. Словно вырезанные скульптором. Касаюсь их пальцами руки, которой только что дрочила ему... Отшатывается. В глазах ярость. Дергается вперед так сильно, что чуть не слетаю с его колен. Мне приходится впиться пальцами в его плечи, оставляя след длинных ногтей. Подаюсь обратно, ближе, чувствуя, что головка члена упирается прямо между ног. Обжигающе горячая. Еще движение и мы соединимся.

Оглушающие хлопки заставляют вздрогнуть, податься назад и слететь с колен пленника. Обернувшись вижу Эрика. Он смеется и аплодирует.

Когда он вошел? Сколько уже находится здесь?

Лихорадочно ищу глазами платье, прижимаю к себе, прикрываясь. Чем вызываю громкий смех сводного брата, и поток брани изо рта пленного.

— Вы оба блядские извращенцы, таким место в аду, — выплевывает мужчина.

Я даже имени его не знаю. И только что едва не трахнула его, как ошавшая от похоти кошка. Прихожу в ужас от этих мыслей. Возбуждение как рукой снимает, на его место приходит неприятный озноб.

— Честное слово, ты прав, парень. Тут нормальностью и не пахнет, — картинно смахивает слезы, выступившие от смеха, Эрик. — Но честное слово, такого я не ожидал. Марго, что с тобой, детка? У тебя крыша от наркоты поехала?

Молчу. Что мне сказать? Стыдиться? А смысл? Самое дерьмо в моей жизни уже случилось. То что произошло сейчас... не так уж и важно. Неприятно вторжение Эрика, но в целом — плевать.

— И что ты будешь делать, большое уебище? — спрашивает пленник, глядя на Эрика. — Присоединишься?

— О, ты приглашаешь? — Эрик выглядит так, словно переполнен энтузиазмом. — Хм, ты, наверное, не в курсе? Или, может быть... Марго, просвети нашего приятеля.

Мотаю головой. Мне вдруг становится ужасно холодно и неприятно.

— Ладно, я сам. Дорогой, я ведь не по девочкам, знаешь? В противном случае я бы давно выебал свою сводную сестру. Посмотри, как хороша. Гибкая, стройная. А лицо какое?

Губы... так и просятся отсосать. Хочешь ее? Вижу, что хочешь. Торчком стоит у тебя. Красивый член. Мне нравится...

От насмешливых, грязных слов Эрика у меня начинает кружиться голова. Охватывает чувство вины. Что если я подставила этого человека? Эрик... он может захотеть его. Как я захотела. Вздрагиваю от этой мысли.

— Так хочешь ее? Или меня? Выбирай, кто тебя трахнет, — сводный брат произносит жуткие слова, от которых у меня волосы на всем теле становятся дыбом.

— Не надо, Эрик, прошу тебя, — бросаюсь к брату, продолжая прижимать к себе платье. — Прости, что я пришла сюда. Я была не в себе...

— Сейчас все прошло?

— Да, абсолютно. Я никогда больше не прикаснусь к коксу...

— Сколько обещаний сразу. Сколько покаяния. Не помню, чтобы ты так яро просила прощения, когда убила моего отца, — кривится Эрик.

— Прошу, не вмешивай в наши проблемы этого чужака! Его это не касается!

— Марго, ты первая вмешала его. Придется пожинать плоды. Я придумал отличное развлечение. Выбор за тобой, как ты любишь, сестренка. Либо ты отсосешь этому бедолаге, потому что у него скоро член от стояка отвалится...

□

Эрик делает паузу наблюдая за моей реакцией. Полный шок, ужас, неверие услышанному. Нет, он это не всерьез, не может...

— Либо я сам ублажу его, — договаривает Эрик.

Невольно бросаю взгляд на пленника. Абсолютно бесстрастное лицо, словно нас и не слышал. Каменная глыба, от которой меньше всего можно ожидать, что запросит пощады.

— С нетерпением жду твоего решения, сестренка. Мы *оба* ждем.

Тагир

— Отпусти меня, Заур, быстро, — цежу сквозь зубы. Отталкиваю руку друга, в бешенстве швыряю сотовый в стену, за полметра от сидящей на стуле Тамилы, которая вздрагивает, и сжимается сильнее, продолжая закрывать лицо руками.

— Если ты ее убьешь, это не поможет, — ровным тоном без эмоций уговаривает меня друг. — Тебе станет легче на пару секунд. Зато проблем огребешь по полной. Сам знаешь. Тамила — семья...

— Если с Виленой что-то случится, я тебя по кругу пушу, сука, — поворачиваю лицо к бывшей невесте.

Как я мог быть таким наивным? Допустил, чтобы эта змея подползла к моей девочке... И ужалила в самое сердце. О да, Тамила все рассказала. Сейчас она бледнее полотна, сидит на стуле, связанная, трясется. Как жаль, что баба. Был бы мужик, я бы убивал его с наслаждением, кулаки вязли бы в крови. Женщину не могу ударить. Поначалу это придавало Тамиле смелости. Затряслась, когда поняла — бить не буду, но в живых не оставлю. Увидела, как привязываю к крюку веревку, завизжала и выдала всю историю подчистую. Верещала как свинья перед бойней.

«Прости, прости меня ради Аллаха!», — орала как безумная, падала на колени, хватала за ноги, ползая по холодной плитке подвала, куда я притащил ее. До сих пор продолжает повторять эти слова, от которых ярость накрывает меня лишь сильнее:

— Прости, Тагир... Умоляю... Прости-и, — в ее голосе звучит мука, но не рождает во мне ни капли сочувствия.

— Зачем тебе мое прощение? О чем ты думала, когда совершала все это? Пошла на сговор с чужаком...

— Он сказал, что Виленка его бывшая... Что денег ему должна много. Он про нее столько всего рассказал...

— А ты поверила, да? Сука, ты думаешь я идиот?

— Я была рада поверить, да, ты прав! Я ревновала тебя, искала причины, чтобы увидеть, что ты ошибся! Я хотела вернуть тебя, потому что люблю, всегда любила! — выкрикивает бывшая невеста.

— Думаешь, тебя это спасет? Ты не только Виленку подставила. Из-за тебя дочь Далхана до сих пор без сознания. Брат от ярости с ума сошел, в одиночку за уродами бросился. Но если бы он был здесь... Ты бы уже не дышала, и ты это знаешь, верно? Тебе все равно недолго осталось.

Кивком показываю на веревку. Тамила становится бледнее полотна. Трясется мелкой дрожью. Во мне нет ни капли жалости к ней. Огромное желание увидеть ее мертвой — вот все, что я к ней чувствую.

— Хватит, Тагир. Ты прав, пусть с ней Далхан разберется. За ребенка ей придется ответить, — снова вмешивается Заур.

— Но не за мою женщину? — рычу яростно.

— Твою женщину мы вернем, как только будем знать точный адрес. Вопрос пары часов. Скоро выдвигаемся.

— Только это может стать твоим спасением, тварь, — еще раз с отвращением смотрю

на Тамилу.

Тамила рассказала все, вывалила передо мной свое омерзительное нутро. Как ревновала, злилась. Как в кафе в городе к ней подсел обаятельный мужчина и завел разговор про Вилену. Предложил план, за помощь в реализации которого пообещал заплатить щедро. Но Тамила не думала о деньгах. Ее подкупила возможность избавиться от соперницы. Сначала отказалась, обещала подумать. Оказывается, шакалы кружили вокруг нашей деревни неделями. Искали ходы, варианты... И только беременность Вилены стала решающим фактором. Спусковым крючком.

Беременность! Моя девочка беременна. Не могу в это поверить. То, что я узнал об этом вот так, когда она в лапах черти кого, сводит с ума. Каждую секунду острый, ядовитый страх разъедает внутренности. С ней ничего не должно случиться, иначе мне не жить.

Я собрал всех своих людей. Всех, кто мог прийти на зов, кто был мне когда-то должен, кто за деньги рад ввязаться в заварушку. Нет времени изучить противника. Его возможности, его мотивы. Известно немного. В центре, как всегда, чертов Шахов и его прошлые грехи.

— Прости меня, прости! Прости, умоляю! — снова заходится в истерике Тамила.

Ее плач перекрывает мелодия телефона. Заур отвечает на звонок. Смотрю на него вопросительно. Отключившись, отчитывается:

— Возле дома Шахова никакой активности нет.

— Все равно продолжайте следить. Вы убрали охрану из дома?

— Двоих оставили, иначе будет подозрительно.

— Да, ты прав.

Я почти уверен, что похищение Вилены как-то связано с этим домом. Других причин просто нет. Надо было сжечь проклятую халупу, только руки не дошли. Все откладывал. Вилена несколько раз про тайник говорила. Может дело в нем? Так просто и банально. Увы, деньги всегда были мощнейшим мотиватором для разного рода людей. Особенно для корыстных тварей. Я не успел все выяснить, не успел защитить свою девочку. Потому что ею был поглощен. Одурманен. Вилена Шахова всегда была моим личным апокалипсисом. Она свела меня с ума своей чувственностью, нежностью, открытостью. Только теперь я понял, что она из себя представляет. Понял, что хочу быть с этой девушкой всю жизнь, и ради этого горы свернуть готов. Разорвал помолвку с подругой детства не думая... Кто же знал, что этим Вилену под удар подставляю. Мой дом, моя деревня всегда были мощным тылом, крепостью. Никогда здесь не водилось предателей...

Ладно, что толку голову пеплом посыпать. Я найду ее. Обязательно найду.

Только недавно удалось выследить Вадима, мужчину, который обманом подставил Вилену под аукцион. Сейчас мои люди «ведут» его. Я почти уверен, что Вадим приведет нас к похитителю Вилены. Потому что не верю в совпадения.

— Закрой ее в подвале, Заур, — сказав это, направляюсь к двери, больше не глядя на Тамилу. Слишком сильное омерзение она во мне вызывает. Останавливаюсь, возвращаюсь за разбитым телефоном, мне нужна сим-карта. Не стоило позволять себе слабость. Телефон не жаль, но вышло глупо.

— Нет, пожалуйста, Тагир! — торопливо, захлебываясь произносит Тамила. — Я же ничем не смогу навредить... Пожалей родителей... Ты ведь как сын им.

— Лучше бы ты их пожалела, и не совершала подлости, — говорит Заур, до этого момента ни разу не вмешавшийся в мой допрос, ни слова не сказавший Тамиле.

— Она пришла в себя, — в дверь заглядывает Совгат, ее голос дрожит. Девушка с ужасом и омерзением смотрит на Тамилу. Вся деревня видела, как я тащил ее за волосы на допрос. Ее крики, плач, все слышали. Даже если помилую эту тварь, хотя я не собираюсь этого делать, здесь не будет ей жизни. Она привела чужака в наш дом. Того, кто причинил вред ребенку. Этого ей не простят, будут плевать в спину. Да, она не думала, что получится вот так. Но когда задумываешь подлость, сложно все прогнозировать, не так ли? Об этом всегда нужно помнить.

— Теперь все будет хорошо, так врач сказал. Спасибо Аллаху, все будет хорошо, и наша милая Нурпат поправится! — произносит Совгат к моему огромному облегчению. Напряжение чуть-чуть отступает. На секунду замираю, чтобы сглотнуть появившийся в горле ком, глаза щиплет. Бедная девочка совершенно случайно влезла в историю с похищением. Пришлось проследить цепь событий, где это возможно, остальное прикинуть приблизительно. Нурпат побежала следом за Виленой и стала свидетельницей похищения. Но этим людям она была не нужна. Только Вилена. Нурпат видимо кричала, хотела помочь. Ее ударили по голове так сильно, что девочка потеряла сознание. Ее нашел Далхан. Возможно то, что он обнаружил дочь практически сразу, даже успел увидеть отъезжающую машину похитителей, спасло Нурпат. Ее сразу доставили в больницу. В тот момент, когда Далхан нашел ее, девочка очнулась и смогла рассказать, что произошло. Поэтому разъяренный отец бросился вдогонку за бандитами, оставив ребенка на руках жителей деревни, которые прибежали следом. Нурпат частично даже запомнила номер машины. Она очень испугалась за Вилену, которую полюбила как сестру. Очень просила Далхана вернуть ее.

Безумие... Вокруг творится полное безумие. Все переплелось, любовь, ненависть, зависть, предательство. Семье Тамилы придется покинуть деревню. Очень жаль их. Хорошие, добрые люди, немолодые уже. Им придется на старости лет полностью менять свою жизнь, свой уклад. Но Тамиле не место на моей земле.

— Вадим привел наших людей к дому, — отвлекает меня от мыслей Заур. — Мы окружили его. Сейчас ребята передали, что хозяин выдвигается куда-то. Кажется, Вилена с ним. Что будем делать?

— Она в порядке? — спрашиваю глухо. Нет нужды пояснять мой вопрос. Заур понимает с полуслова.

— Ребята говорят, что Вилена выглядит хорошо. Не связана, не избита. Сейчас они куда-то едут. Кажется, она не сопротивляется, готова ехать с ним по своей воле. Это на скидку, Тагир, — добавляет торопливо.

Чувствую лишь облегчение от услышанного. Конечно, моя девочка не глупа. Она сотрудничает с похитителем, готова дать ему что требуется. Скорее всего речь о тайнике.

— Нам сейчас двинуть на них? Народу там много, но нас столько же, а через час будет в два раза больше.

— Нет. Проследить.

Это самое трудное решение в моей жизни. Хочется завершить все немедленно, сжать любимую в объятиях. Но я понимаю, что на кону еще и брат. Он не выходит на связь вторые сутки. Есть вероятность, что он тоже угодил в лапы к этим уродам.

— Как только Вилена и хозяин покинут дом, возьмите всех, кто там есть, общите. Чем больше пленных, тем лучше. Ни один не должен ускользнуть. Мне сообщайте координаты Вилены. Я выезжаю следом.

Я почти уверен, что конечная точка — дом Шахова. Но не могу рисковать. Я должен оказаться с Виленой рядом, как можно быстрее.

Вилена

Время в плену тянется невыносимо, буквально с ума схожу. От бессилия. От напряжения. Хочется кричать, бить ладонями в дверь. Никогда не страдала клаустрофобией, но именно это сейчас накрыло меня. Ужасное состояние беспомощности изводит.

Не выдержав, когда заходит охранник, принесший еду, умоляю его:

— Пожалуйста... мне нужно поговорить с Марго.

— Она сама придет, если сочтет нужным, — пожимает тот плечами, показывая, что не собирается беспокоить хозяйку.

И все же Марго появляется спустя пару часов. Она выглядит странно. Очень бледная и какая-то пришибленная. Дрожащая. Очень испуганная. Мне передается ее состояние, ощущаю сильнейшую тревогу.

— Что случилось? — не могу не спросить, хотя не надеюсь, что эта странная девица станет откровенничать со мной.

— С чего ты решила, что случилось? — естественно, Марго выпускает свои колючки. Она внутри — настоящий дикобраз, я это уже поняла. Поэтому ее резкость меня уже не смущает.

— Ты выглядишь очень бледной. Я почти уверена, что-то произошло. Поделишься? Ты обещала помочь мне...

Я не рассчитываю, что мой напор повлияет на Марго. Но я должна перебрать все способы разбить ее броню. Союзник мне не помешает.

Дальше происходит то, что я меньше всего могла ожидать. Марго падает в обморок. В буквальном смысле, на пол передо мной, отключается. Бросаюсь рядом на колени, легонько похлопываю по щеке. Ее лицо кажется странным, губы опухшие, на шее несколько крупных красных пятен. Что это? Аллергия? Пугаюсь еще больше.

— Пожалуйста, кто-нибудь, на помощь!

Подбегаю к двери, стучу в нее, бросаюсь обратно к Марго. Нащупываю пульс, он совсем слабый. Лучше бы снять с нее это узкое платье, явно мешающее дышать, приходит мне в голову. И тут замечаю — на девушке нет белья... Мне вдруг становится очень страшно. Конечно, возможно Марго просто из тех, кто не носит белье. Она определенно экстравагантная натура. Но не настолько же... Почему-то не верится, думается о другом. Марго возможно пережила насилие... Это ужасно, чудовищно, но от Эрика всего можно ожидать.

Снова встаю и торопливо подбегаю к двери, но не успеваю ударить по ней — за спиной раздается стон.

— Не зови никого...

Оборачиваюсь и возвращаюсь.

— Как я рада, что ты пришла в себя! Что с тобой такое? Ты так меня напугала! Что произошло?

— Умоляю, не тараторь так громко, — Марго со стоном принимает сидячее положение.

— С тобой что-то сделали, да? — спрашиваю едва слышно.

— Что? С чего ты взяла? — тон безразличный, но успеваю заметить, как Марго вздрагивает.

— На тебе нет белья.

— Какая ты любопытная, однако.

— Ты не из тех, кто принимает сочувствие, это я уже поняла.

— А ты считаешь, что сочувствием можно помочь? Вылечить? Спасти? — горько усмехается девушка.

— Нет, я не настолько наивна. Просто иногда может стать чуть легче.

— Возможно ты права. Кажется, мне уже легче. Поможешь мне подняться на ноги? К себе пойду.

— Да, конечно.

Марго тяжело опирается на меня, я подвожу ее к креслу.

— Ты не расскажешь, да? Хорошо, не нужно. Я не страдаю любопытством... Но мне кажется тебе лучше не уходить сейчас. Останься... Ты можешь даже переночевать здесь. Попросим успокаивающий чай.

— Думаешь наши церберы умеют его готовить? — Марго пытается улыбнуться.

— Не знаю... Прикажи им отвести меня на кухню, и я приготовлю.

— Маленькая хитрая пленница, ты считаешь меня полной идиоткой? По-моему, ты задумала побег.

— Нет, Марго. Это было бы глупостью. Я понимаю, что людей у Эрика слишком много. И потом, считаю безопаснее дождаться моего мужчину. Думаю, он скоро найдет меня.

— Стучи в дверь, громче. Пока не откроют, — властно произносит Марго.

****

Эта странная девушка не пожелала чай, как я ни уговаривала. Нет, она и правда поговорила с охранником и тот отвел меня на кухню — о чудо, я не могла поверить в это. Под его бдительным надзором я смогла заварить себе травяной чай, решив, что в моей ситуации нет места для застенчивости. Я полазила по полкам, заглянула в холодильник, сделала себе сэндвич. Сопровождающий меня мужчина смотрел на все это равнодушно и бесстрастно, и я снова подумала, какой странный дом. Хозяевам наплевать что пленники шуруют у них на кухне? Но похоже, тут не готовили, никто не питался домашним. Холодильник был полон, но только продуктами для закусок.

Для себя Марго приказала охраннику принести бутылку виски. Подумав, я достала из холодильника сыр, колбасу, порезала хлеб. Хотя почти уверена, что сестра Эрика собирается пить без закуски. Что-то произошло с ней, что глубоко ее шокировало. Можно даже сказать растоптало. Но что?? Кто мог применить к ней насилие, если все охранники вытягиваются при виде нее как по струнке? Ни один ее приказ даже не обсуждается. Неужели брат? Даже на секунду допустить такую мысль чудовищно.

* * *

— Может быть, ты хотя бы начнешь закусывать? — прошу Марго, которая наливает себе уже четвертую порцию виски. — представляешь, какое тебя завтра ждет похмелье? И вообще, мешать спиртное с другой дрянью, смертельно опасно. Ты же упала в обморок. Извини что я тут занудствую, но я тебе добра хочу.

— Ты такая милая, — хмыкает Марго. — Мне даже приятна твоя забота. Обо мне давно никто не волновался, крошка. Так что я прямо кайфую...

— Может тогда послушаешь меня и остановишься?

Я ведь вижу, что каждый глоток Марго болезненно морщится. Словно у нее болит горло. На нем так и остаются красные пятна. Что это? Неужели ее душили?

— Прости детка, — отрицательно качает головой.

— И ты меня. Не хочу быть занудой.

— Ты не зануда, Вилена. Ты очень хорошая. Но как... как ты можешь любить одну из этих тварей? — шокирует меня вопросом.

— Тварей? Ты знакома с Тагиром? Почему ты так говоришь о нем?

— Нет, — отрицательно мотает головой. — Не знакома.

— Почему тогда такой вопрос?

— Забудь.

— Нет, я не могу забыть!

— Вилена, я говорила в общем. Не конкретно про твоего мужчину. Но все они, согласись, связаны с криминалом, опасны...

— Твой брат, вот кто опасен! — выпаливаю в сердцах. — Мне кажется, у него не в порядке с головой, прости конечно...

— Ты совершенно права, малышка, — Марго начинает хохотать, истерично, до слез. — Черт, как же ты права, ты даже не представляешь! А знаешь, что самое главное? — добавляет уже серьезно, впиваясь в меня взглядом. — Он не оставит тебя в живых, малышка. Ты не должна надеяться на своего принца. Тебе надо бежать. Я помогу тебе... Завтра. На рассвете.

— Спасибо, — нервно сглатываю. Меня напугали слова Марго. Она не шутит.

— Пока еще не за что...

— Ты не расскажешь, что с тобой случилось?

— Нет, детка. Моей откровенности есть предел. Такое не рассказывают даже на смертном одре перед исповедью.

Марго продолжает пить, и я снова переживаю. Как она собирается помочь мне, если явно намерена свести счеты с жизнью на фоне алкогольной интоксикации? Вдруг за дверью слышится шум и крики, грохот. Затем дверь распахивается, охранник падает внутрь, его голова разбита, хлещет кровь.

— Кто тебе разрешил, сука, устраивать посиделки с моей пленницей? — рычит Эрик, направляясь к Марго. Со всей силы отвешивает ей пощечину, так что голова девушки дергается так сильно, что невольно вскрикиваю. Бросаюсь к Марго, она уже пьяна настолько, что видимо не чувствует боли. На ее лице нет ровно никаких эмоций. Из разбитой губы течет кровь.

— Пьяная сука, — рычит Эрик, в его голосе звучит омерзение. — Что, так сильно понравилось сосать огромный хер, решила это отпраздновать?

Меня колотит от ужаса, не могу понять, что с этими двумя, что они делают, почему так сильна их ненависть друг к другу.

— Пожалуйста, не надо так, — не могу не вступить за Марго, но меня никто не слушает. Заходят двое мужчин с непроницаемыми лицами, они уносят сестру Эрика.

— Даже удивительно, как у Шаха могла вырасти такая дочь, — произносит Эрик, глядя им вслед. В его голосе звучит неприязнь и даже отвращение. — Столько эмпатии, надо же, едва не плачешь, хотя сама находишься в незавидном положении.

— Я много страдала от своего отца. Не так сильно как вы... Но я никогда не была с ним

духовно близка, ни капли. Я сбежала от него как только смогла. Вместе с братом. Если вы знали моего брата... если вы любили друг друга, неужели он не рассказывал о том, как мы жили? Он очень любил меня... как и я его.

— Давай не будем тратить время на эту психологическую херню, — обрывает меня мужчина. — Если думаешь, что я размякну, как только покажем друг другу свои шрамы, — усмехается криво, — ты ошибаешься. Не хочу слушать о прошлом, сейчас меня интересуют только документы.

— Да, я уже это поняла. Я готова отдать вам все что угодно!

— Вот и умница. Держись подальше от Марго. Она конченная сука, ей недолго осталось.

— Как вы можете говорить такое? Почему?! — мне безумно больно и страшно за эту девушку.

— Тема закрыта.

Эрик разворачивается и уходит. Мне же остается лишь молиться чтобы любимый нашел меня. Чтобы спас и меня, и Марго.

Я почти засыпаю, когда дверь внезапно распахивается и вошедший охранник вытаскивает меня из постели.

— Что вы делаете? Что случилось? — меня колотит от страха.

— Заткнись, хозяин велел тебя привести, — рычит на меня здоровенный детина, рядом с которым чувствую себя дюймовочкой.

Он приводит меня в небольшую комнату, судя по обстановке это кабинет. Несколько полок с книгами, высокий сейф, письменный стол. Эрик сидит в кресле, держа в руках сигару, как раз прикуривая и жадно затягиваясь. Он говорит по телефону.

— Ладно, не нервничай так, Аслан. Отказали, значит отказали. Других партнеров найти не проблема. Я прилечу через неделю, когда закончу здесь с делами. Тогда и решим, что делать с контрольным пакетом. Эрик разговаривает хладнокровно, равнодушно. Закончив разговор поворачивается ко мне:

— Завтра утром выдвигаемся. Ты готова?

— Вы для этого меня позвали? Спросить готова ли я? — спрашиваю недоуменно.

— Да. Хочу убедиться, что эксцессов не будет. Я же не идиот и понимаю, что за домом Шахова твой любовник следит. Он и до нашей встречи держал там своих людей. А сейчас думаю там полно народу. Поэтому для начала мы прогуляемся по городу. Решил тебе сказать, чтобы была готова и не верещала как резаная свинья. Будет шоу. Ты должна улыбаться. Ресторан, все дела. Тебе принесут вечернее платье. Постарайся, как ты умеешь. Так как было на аукционе, поняла?

— А потом вы меня отпустите?

Эрик отзывается не сразу. Прищуренными глазами сквозь сигаретный дым он пристально разглядывает меня. Неприятный, физически ощутимый взгляд, как если бы его руки касались меня на самом деле. Невольно поеживаюсь.

— Да, конечно, Вилена. Я всегда выполняю свою часть договора.

Почему я не верю? С каждым словом Эрика у меня все отчетливее возникает ощущение, что он заводит меня все дальше и дальше в лабиринт.

□

Огромный автомобиль бесшумно разрывает тьму светом ярко-жёлтых фар. Внутри машины тепло, сумрачно, пахнет терпким парфюмом, кожаные сиденья поскрипывают от малейшего движения.

Я сижу в белом вечернем платье, на голове сложная прическа, сделать которую специально приехала девушка-стилист. Утром с меня сняли мерки, даже размер обуви, и через пару часов привезли несколько вариантов вечернего наряда. Выбирал Эрик. Почему белое — я не поняла. Это казалось глупой насмешкой. Но я не спорила. Говорила себе, что надо потерпеть, что скоро все закончится. Запрещала себе нервничать, чтобы это не отразилось на ребенке.

Рядом сидит Эрик. Мы не разговариваем, с момента как он приказал мне сесть в машину — не проронили ни слова. До этого я пыталась поговорить с ним о Марго. Наверное, я ненормальная. О себе нужно думать, о том как вырваться из лап Эрика. Но я не могу не волноваться об этой странной девушке, даже сейчас. Надеюсь, брат ничего не сделал ей. Даю себе обещание, что как только вырвусь из плена, обязательно помогу Марго.

С нами в машине водитель, рядом с ним, на переднем сидении — громила охранник, пережевывает бычьими челюстями жвачку. Нас сопровождают две машины вооруженных до зубов людей и от этого невольно внутри зарождается панический ужас. Что ждет меня дальше?

Безумно страшно, но понимаю, что нельзя этого показывать. Я все выдержу, этот кошмар скоро закончится.

Автомобиль останавливается. Охранник и водитель покидают машину первыми. Открывают дверь со стороны Эрика. Он выходит и жестом приглашает меня наружу.

Мы в центре города. На площади, возле самого дорогого ночного клуба, всем известной «Клетки». Беспечно оглядываюсь по сторонам, пока минуем автомобиль, направляясь к клубу.

— Улыбайся, Вилена, — холодно приказывает мой спутник. — Мне не нужна твоя кислая мина.

Его ладонь стискивает мое предплечье, до боли.

— Зачем мы здесь? — задаю вопрос дрогнувшим голосом.

— Скоро поймешь, если не дура. Улыбнись. Быстро, — командует холодно, словно я для него цирковая зверушка.

Подчиняюсь, чувствуя, что выходит у меня ужасно, криво и ненатурально.

Два охранника на входе в клуб приветствуют нас с непроницаемыми лицами.

Рука, держащая меня, разжимается, выпуская из стальных тисков. Глубоко вздыхаю, пытаюсь отдышаться. Стараюсь контролировать панику.

Нас охватывает поток воздуха, громкая музыка и разноцветный букет огней — все наваливается разом. Интерьер клуба изысканно дорогой — повсюду белые колонны, позолота. Ди-джей заводит публику выкрикивая грязные словечки в микрофон. Но мы не проходим в большое помещение, залитое огнями. Эрик ведет меня по узкому коридору, с каждым шагом звуки музыки все глуше. Наконец коридор заканчивается.

Мраморная лестница, застеленная толстым ковром ручной работы, убегает высоко вверх. Она кажется бесконечной, ощущение что поднимаюсь и поднимаюсь. У меня

начинает кружиться голова. В конце нашего восхождения нас встречает мужчина в смокинге.

— Рад видеть, Эрик, — произносит отрывисто. — Ваш столик готов.

Я окончательно теряюсь в хитросплетениях происходящего. Мы что, будем ужинать? И для этого столько действия, пафоса? Чего добивается Эрик? Но он вряд ли мне скажет, поэтому молча следую за своим тюремщиком.

К моему удивлению, я не ошиблась, помещение в которое входим — ресторан. Несколько пар за столиками ужинают, спокойно переговариваясь.

— Что это за место? — спрашиваю с удивлением. — Ты привез меня сюда чтобы поесть?

— Если ты голодна, сделаем заказ. Я буду только виски, — последняя фраза обращена к официанту, который стоит по стойке смирно возле стола.

— Нет, я не голодна.

— Тогда виски?

— Нет... Только стакан воды. Когда мы поедем в дом моего отца?

— Скоро.

— Зачем мы сюда приехали? У тебя деловая встреча?

— Нет, дорогая. На сегодня мое дело — только ты. Закончим, и оба сможем расслабиться.

— Надеюсь. Я безумно устала...

— Да, могу себе представить, — Эрик подносит к губам только что принесенный официантом бокал. Медленно потягивая янтарный напиток мой спутник внимательно разглядывает меня и от этого невольно поеживаюсь. Стискиваю пальцы, чувствуя внутреннюю дрожь. Как же мне омерзителен этот мужчина! Чего он добивается? Думает, что Тагир следит за нами? Хочет убедить Валиева, что я нахожусь сейчас в этом месте по доброй воле? Липкий страх ползет по позвоночнику от этой мысли... Что если Тагир поверит? Нет, он не настолько наивен и глуп, нет! Но кто знает... Страх не спешит отступить...

Мы просидели в странном месте около часа. Эрик не сводил взгляда с телефона, ему все время приходили смс, он отвечал на эти сообщения. У меня пересохло в горле, пришлось попросить еще один стакан воды. Мне принесли помимо этого еще и вина, но я категорически отказалась.

— Теперь мы можем поехать в особняк твоего отца, — удовлетворенно произносит Эрик спустя два часа нашего бесполезного сидения.

— Мне нужно в туалет.

— Хорошо, дорогая. Только не обижайся, я зайду вместе с тобой.

Он действительно это сделал, спасибо, что в кабинку не зашел. Но предварительно сбил замок, одним ударом ребром ладони.

— Мало ли тебе придет в голову пошалить, дорогая, — усмехнулся при этом криво.

— Нет, мне абсолютно не до шуток, — отвечаю устало.

— Вот и умница, — произносит едва слышно и без всякого выражения всего в паре дюймов от моего уха.

Отшатываюсь и скрываюсь в кабинке.

По дороге к особняку Эрик особенно молчалив, погружен в свои мысли. Мне же наоборот, хочется чтобы он хоть что-то сказал, это помогло бы понять его настроение и что планируется. Без конца сжимаю кулаки и ломаю пальцы, не в силах справиться с напряжением. Наконец видимо это достает моего спутника. Он переводит взгляд от окна на мою персону.

— Что такое, Вилена? Нервишки шалят?

— Немного, — не вижу смысла отрицать.

— Потерпи и все закончится.

— Мне кажется я слышала это уже бесконечное число раз, — вырывается у меня.

Эрик хмурится, и я жалею, что это сказала.

— В доме, куда мы направляемся слишком много воспоминаний, — пытаюсь перевести разговор на другую тему. — Поэтому легко мне быть не может... Ну и конечно я не уверена в том, что мы найдем в тайнике, о котором ты так гредишь.

Зря добавила последнюю фразу. Эрик напрягается, смотрит на меня тяжелым взглядом, который почти невозможно вынести.

— Для твоего блага они должны быть там, — произносит холодно.

— Мне об этом ничего не известно, сколько раз объяснять! — восклицаю отчаянно.

— Тсс, тихо. Не стоит повышать голос в моем присутствии, — предостерегает меня

Эрик невыразительным шепотом. — Мы подъезжаем. Покажи мне свои запястья, девочка.

Вздрагиваю от страха. Что он хочет от меня? Зачем ему мои руки? Сделать укол?

Но перечить этому человеку точно не стоит, и я протягиваю руки. Эрик достает веревку и ловко связывает их. Не очень крепко, не больно, но мой страх растет в геометрической прогрессии.

— Зачем это? — не могу не спросить, проведив вопрос сквозь стиснутые зубы.

— Не нервничай так. Это лишь мера предосторожности. Я почти уверен, что хорошо запутал следы и смог увести твоего парня подальше отсюда.

Вот зачем был ресторан! Эрик хитер как дьявол!

Как же я ненавижу этот дом, он столько горя принес мне в жизни. Даже сейчас. Когда отца давно нет в живых, тут пахнет жестокостью, насилием. Дом будто живой организм излучает это. Словно отец жив...

Меня пронзает страшная догадка... Что если это на самом деле так? Ведь я не видела тела, оно было вроде как изуродовано, я не вдавалась в подробности... Но даже если так, при чем тут я?

Не теряя времени сначала обнаруживаю в нише ключ, затем направляюсь к тайнику. Веревки на руках мешают, красноречиво смотрю на Эрика, но он кивает на сейф.

— Ты справишься, я в тебе уверен.

Поворачиваю ключ, снова окунувшись в далекое прошлое. Сейф поддается сразу. Не знаю в какой момент у Эрика, стоящего рядом, появляется нож. Он резко дергает меня к

себе. Острое лезвие касается шеи. Я буквально парализована страхом, не могу пошевелиться.

Сейф пуст. В нем нет абсолютно ничего...

Но Эрик не выглядит удивленным. Он словно ждал этого.

— Честное слово, я понятия не имею...

— Отпусти девочку, урод, — раздается до боли знакомый голос. Резко оборачиваюсь. Нет, нет, не может быть! Я точно попала в параллельную реальность, сюрреалистичный сон. Вижу отца и не могу в это поверить. Хотя поступок вполне в его духе. Разорился, и чтобы сохранить деньги, о которых никто не знал — инсценировал собственную смерть. Банально. Ужасно. Я не рада его воскрешению. Наверное, это грех, и бог покарает меня за то, что я плохая дочь.

— Привет, Глеб. Давно не виделись. Помнишь меня? — растягивает губы в улыбке Эрик. — Ты мастер устраивать сюрпризы, этого не отнять.

Крепче стискиваю зубы, сдерживая рвавшийся крик. На лбу выступает холодный пот, к горлу подступает тошнота. Понимаю, что вот-вот потеряю сознание.

Нет, не потеряю! Я не могу позволить себе слабость! Скорее всего Эрику действительно удалось обмануть Тагира. И теперь я беззащитная, меж двух монстров, сама должна справиться с предлагаемыми обстоятельствами. Если хоть чего-то стою. Должна позаботиться о себе и о своем малыше.

— Папа, — губы едва шевелятся. — Как же так... Неужели это правда?

Краткая усмешка пробегает по губам отца, он поднимает взгляд, чтобы посмотреть в мои глаза. Смотрит долго, тяжело. С каждой секунды мне все тяжелее выдерживать этот взгляд.

— Ты не самая лучшая дочь, Вилена, и ты об этом знаешь. Ты предала меня. Но все же я рад тебя видеть.

— Я сюда приехал не для того чтобы быть свидетелем ваших семейных разборок, — резко прерывает нас Эрик. — Давай, Шах, отдай то что мне нужно, и я оставлю тебя в живых. Будем считать, что это станет твоим вторым воскрешением.

□

— Ты прекрасно знаешь, что бумаги перепрятаны. Раз я здесь, они гарантируют мою безопасность. Я прекрасно в курсе всех твоих дел, и хорошо подготовился, если пришел сюда без армии, как ты. Маленький трусливый мальчик. Думал тебе под силу Шаха свалить? — смеется отец.

Лицо Эрика покрывается красными пятнами, а затем багровеет от ярости. Два шакала, два противника, и я посреди них.

— Папа, пожалуйста, отпусти меня... — произношу с мольбой. Эрик меня похитил... Я не по своей воле оказалась с ним...

Глаза в глаза. Его злые против моих испуганных.

— Позови одного из своих шакалов, пусть отведет дочь наверх в мой кабинет, — приказывает отец Эрику. Удивительно, но аура власти окружает его, как и раньше. Я словно переносусь в свое детство. — Нам нужно поговорить наедине, решить наши вопросы. С дочерью позже разберусь.

Когда дверь за мужчиной, проводившим меня наверх по приказу отца захлопывается, бессильно падаю в кресло, ноги не держат меня. Слишком много потрясений! Чувствую себя ужасно плохо, голова раскалывается, все тело ноет словно меня били. Болят связанные запястья.

Последний раз я стояла в этом кабинете на коленях... перед Тагиром. В тот момент думала, что хуже просто не бывает, что ничего ужаснее со мной уже не случится. Чувствовала себя несчастной. Какой же душой я была! Как бы хотела перенестись сейчас именно в тот день злосчастливого аукциона. Я бы отдалась Тагиру сразу, не думая. Впрочем, я и так отдалась ему, по собственной воле. Потому что всегда этого хотела.

Но я была бы умнее, осторожнее, никому бы не верила, ни единой душе, кроме любимого.

Внезапно внизу раздается выстрел, прозвучавший эхом на весь дом. Выстрел... По позвоночнику ползет липкий страх. Вместо того чтобы расслабиться, как бесполезная амeba, надо найти способ освободить руки! Как минимум... Вряд ли я могу сделать что-то большее...

Вскакиваю, бросаюсь к письменному столу, наклоняюсь к ящикам и тут раздается звон стекла. Невольно отшатываюсь к стене, прижимаюсь к ней испуганно, парализованная страхом. В комнату врывается мужчина, весь в черном. В первый момент я не узнаю его.

Вглядываюсь в худощавую высокую фигуру, кажущуюся мне знакомой. Поверить не могу... Тагир! Понимаю, что не могу дышать, горло спазм перехватывает, виски мучительно сжимает стальной обруч. Вцепившись в спинку кресла, с огромным трудом сохраняю способность стоять на ногах.

— Вилена, — выдыхает Тагир едва слышно, и в один прыжок оказывается рядом. Его крепкие руки обхватывают меня, и в этот момент меня охватывает чувство невероятного покоя. Я больше не рискую упасть. Я больше не одна против целого мира... Он здесь, рядом со мной, моя поддержка и опора.

— Как ты, детка? С тобой ничего не сделали? — голос любимого дрожит от едва сдерживаемой ярости, я чувствую, что он на грани, что с огромным трудом сохраняет спокойствие.

— Со мной все хорошо... — выдавливаю тихим голосом. — Я думала...

Запинаюсь. Не получается сделать так, чтобы моя речь не сбивалась.

— Думала, Эрик обманул тебя, запутал следы. Возил меня по городу. Он больной на всю голову урод... Но ничего не сделал мне. Физически. Я...

Мои слова невнятные, отрывистые. Начинают душить слезы. Ненавижу себя за это и ничего не могу поделать. Тагир сжимает меня крепче в объятиях. Прижав к себе, целует мои волосы.

— Тсс, милая, только не плачь. Скоро все закончится. Надо лишь потерпеть немного. Ты права, ему почти удалось обмануть нас. Я здесь один... Остальные будут минут через десять.

Он один, помоги нам Боже! Против целой армии!

— Мой отец жив.

Из глаз все-таки брызжут слезы. Тагир смотрит на меня недоверчиво

— Как это может быть? Ты уверена? — спросив это, достает из кармана нож. Ощущение холода лезвия на коже, небольшой рывок, и мои руки свободны. С облегчением растираю запястья.

— Сейчас они о чем-то разговаривают внизу. Для Эрика... Это псих, который меня похитил, — объясняю поспешно. — Для него воскрешение Шаха тоже стало сюрпризом. Отец, конечно, в своем репертуаре...

— Изворотлив как змея? — скалится Тагир. — Мне хорошо это известно. Я должен был подумать о такой возможности.

— Мы ведь не в киношном боевике живем! — шепчу возмущенно. Мы стараемся переговариваться едва слышно.

— Я убью этого чертового Эрика, за то что он сделал. Буду отрезать по кусочку, — мрачно цедит сквозь зубы Тагир, говоря это больше самому себе, нежели мне.

— Надо просто дождаться твоих людей, — произношу едва слышно. — Уходи. Они могут прийти сюда в любую секунду... Кто знает, что придет им в голову. Свяжи мне снова руки, чтобы они ни о чем не догадались.

— Нет, я ни за что тебя не оставлю, — спокойно произносит Тагир. В его голосе стальная решимость.

Слезы слепят глаза, забивают горло, хоть и понимаю, что не лучшее время разыгрывать нервную барышню. Сейчас главное — выбраться отсюда, а поддаться истерике равносильно провалу. Сглатываю дважды, в попытке взять себя в руки, как недавно пыталась побороть страх. Слезы струятся по лицу, я уже ничего не вижу, все расплывается. Ненавижу себя за то что так слаба.

— Все будет хорошо, малышка, — успокаивающе шепчет Тагир. — Мы справимся. Должны. Ради нас. Ради малыша...

О боже, он знает! Знает о нашем ребенке!

— Я в порядке, — отвечаю, чувствуя облегчение от того, что за шепотом нельзя различить дрожь в голосе. Меня охватывает внезапное чувство защищенности. Я больше не сомневаюсь в Тагире. Моя вера в него абсолютна. — Мы можем вылезти в окно. Так, как ты сюда вошел...

— Нет, я не могу рисковать тобой. Это слишком опасно.

В этот момент слышим шаги. Кто-то направляется к двери кабинета!

— Уходи, Тагир, умоляю! — шепчу дрожащим голосом.

— Успокойся. Делай, что скажу и когда скажу, — спокойно одергивает меня любимый.

Киваю, но мне безумно страшно. Колени дрожат, но я говорю себе, что должна справиться.

— Хорошо.

В этот момент стаккато выстрелов разрывает ночь. Одновременно дверь отворяется, на пороге появляется охранник, тот, который привел меня сюда. Меня ослепляет режущий глаза поток света, потому что в кабинете полумрак и глаза отвыкли от яркости. Что-то мелькает мимо, ничего не успеваю понять. Раздается хрип, безжизненное тело охранника виснет в руках Тагира. Он сработал молниеносно, невероятная точность реакции! Тагир опускает поверженное тело на пол, перешагивает, крепко берет меня за руку. Мы выходим из комнаты. Движемся осторожно по узкому коридору. Нам нужно спуститься вниз, потому что здесь мы в ловушке. Нас найдут моментально. Раз прислали охранника за мной, значит

времени в обрез. Внизу, на улице, снова раздаются выстрелы. Слева приближаются звуки тяжелого топота.

Нам все же удается спуститься бесшумно, и тут же выстрелы слышатся со второго этажа. Оттуда, где мы только что были.

— Это твои люди? — спрашиваю шепотом.

— Надеюсь, — мрачно отвечает Тагир.

Понимаю, что он ни в чем не уверен. Дом отца огромен и за каждым углом может таиться опасность. В таком темном, со множеством комнат и коридоров пространстве, трудно разобраться где свои, а где чужие.

Я не успеваю даже понять, что они появились. Как незримые тени, окружают нас, и вот уже Тагир без сознания на полу. Они подкрались со спины, не было ни единого шанса. Двое хватают его под руки и куда-то волокут.

— Сама пойдешь, или как ему, помочь? — спрашивает один из бандитов. — Эрик приказал привести тебя.

Мне не хочется, чтобы он ко мне прикасался, да и выбора у меня нет, разве под силу справиться с огромным качком облаченным в черное. Поэтому, сглотнув, киваю. Двигаюсь следом, не сводя взгляда с Тагира, умирая от страха прежде всего за него. Мы возвращаемся в гостиную, где находятся все те же персонажи. Мой отец. Эрик. Живые и невредимые. Как жаль, я надеялась что те выстрелы принадлежали именно им. Если бы эти двое убили друг друга... Это был бы идеальный расклад. Но увы, жизнь не идеальна. Тагир со стоном приходит в себя. Бросаюсь перед ним на колени. Его голова сильно разбита, течет кровь.

— Зачем это все? Неужели нельзя без насилия? — кричу, повернувшись к отцу.

— Это тот сраный мудака, из-за которого ты сбежала? — в голосе Шахова звучит бешенство. — Я думал, что убил его. Именно он все испортил, отнял у меня дочь. Ты была совсем ребенком, а он — поганый извращенец. Как он смог уйти от моих людей? Твари, они уверили меня, что он на том свете. Никому нельзя верить, — сетует отец.

— Заткнись! Я люблю его! А ты — всегда был чудовищем, поэтому я сбежала от тебя. Не было других причин! Только ты!

— Не нарывайся, дочь. Теперь, когда я вернулся, все расставлю по местам. Ты снова поедешь в монастырь. Больше не позволю неуважительно к себе относиться. Я дал тебе жизнь, а значит, она принадлежит мне. Этот ублюдок сдохнет. Он должен был давно кормить червей. Я был уверен в этом.

— Мне не интересны твои семейные разборки, Шах, — кривится Эрик. — Мы почти пришли к соглашению, давай вернемся к тому на чем остановились. Не хочу отвлекаться на этих Ромео и Джульетту. Блядь, я сам готов убить этого мужика. Хочешь? Будет от меня бонус, и мы вернемся к нашим баранам.

Я начинаю кричать, это не намеренное отвлечение внимания, а настоящая истерика. Психика начинает сдавать из-за стресса, в котором я находилась с момента как попала в лапы Эрика. Все эти дни я очень мало ела — было почти невозможно себя заставить, и очень плохо спала. Каждая мышца начинает дрожать, сначала плечи, затем спина, наконец ноги, и вот все тело неудержимо трясет. Мучительно сознаю, что нам уже вряд ли что-то может помочь, но я готова к смерти. Рядом с любимым. Если они убьют его, то и я жить не буду! В этот момент понимаю, что Тагир пришел в себя. Без единого слова он поднимается на ноги и прячет меня за спину, удерживая в пределах вытянутой руки. Сердце трепещет, желудок подкатывает к горлу. Но мне становится гораздо спокойнее за крепким тылом. Как

же я люблю его. Безумно люблю. Помедлив, протягиваю руку, касаюсь любимого, не то извиняясь, не то оправдываясь. Ослабевшая, уставшая, прижимаюсь лбом к его спине, с наслаждением впитывая жар сильного тела. Боже, какой же он теплый, и как же я замерзла! Меня продолжает трясти. Пауза в комнате ощущение что длится вечность. За окном вдруг снова раздаются автоматные очереди. Крики, ругательства. Эрик и отец заметно напрягаются.

— Твои шакалы, пожаловали? — холодно спрашивает Эрик.

Тагир лишь молчаливо пожимает плечами.

— Нам пока лучше оставить его в живых, — с отвращением произносит Эрик. — На всякий случай.

Это последнее, что я помню. Потом кажется был какой-то взрыв, небольшой, но волной меня сбило с ног, и я потеряла сознание. Чему благодарна, потому что придя в себя увидела настолько страшную картину, что это почти невозможно вынести. Мой отец, изрешеченный пулями. В крови, на лице застывшее выражение удивления. Он явно не ждал такого финала...

Рядом на колени опускается Тагир, появившийся из ниоткуда. Его лицо измазано чем-то черным, вперемешку с кровью.

— Как ты, детка? — спрашивает тихо, поднимая меня как ребенка, на руки.

— Нормально, — я едва могу говорить.

— Не смотри туда. Закрой глаза. Пожалуйста. Ради нашего малыша, — увещевает меня Валиев. Делаю, что велит. Безраздельно доверяю ему.

□

Догадываюсь, что в этом доме случилась кровавая бойня. Вокруг стоит ужасный запах гари, чего-то паленого. Как хорошо, что я была без сознания. Возможно, это спасло мне жизнь.

— Я хочу, чтобы этот дом сгорел, — произношу слабым голосом.

— Нужно вынести тело твоего отца...

— Мой отец уже похоронен.

Сама удивлена тем, что сказала. Я не чувствую боли. Мой отец был чудовищем, и я приняла эту истину давно. Но даже чудовище можно оплакивать... Вот только сил на это не осталось. Возможно, это шок. Может быть я даже пожалею об этом в будущем.

— Хорошо. Ты можешь открыть глаза, — голос Тагира звучит абсолютно спокойно, только пальцы, лежащие на моей талии слегка вздрагивают, а затем он прижимает меня к себе чуть сильнее.

Чувствую, что мы покинули полуразрушенный дом, воздух все еще тяжелый, дымный, но свежее. Мы на улице. Тагир подходит к огромному джипу, вокруг несколько мужчин, но совсем немного. Оглядываюсь по сторонам. Думаю, чтобы справиться с людьми Эрика нужно было куда больше народу...

Тагир осторожно сажает меня в салон, сзади.

— Ляг, милая. Тебе сейчас лучше не двигаться.

— Я ранена? — спрашиваю с удивлением. Чувствую себя немного оглушенной, но боли нет.

— Нет, все хорошо. Но я все равно волнуюсь. Ты беременна, поэтому я переживаю, — объясняет Валиев.

От этих слов в груди теплеет. Да. Нам еще предстоит поговорить об этом. Я надеюсь на этот разговор. Это жизненно важно. Все эти ужасные люди, события, они отняли у меня возможность самой сказать о ребенке любимому мужчине. Увидеть его реакцию. Хотя, судя по заботе, которую проявляет Тагир... он хочет этого ребенка. Что может быть важнее? Во мне все сильнее разрастается робкая надежда на это.

Тагир достает спереди плед, накрывает меня, затем садится на место водителя.

— Все? Мы уезжаем?

До сих пор не могу поверить, что все правда закончилось.

— Мы едем в больницу. Тебя нужно осмотреть, — заявляет Тагир твердо.

— Твой брат! — вспоминаю неожиданно. — Как же Далхан? Он жив, я надеюсь? Надо допросить Эрика!

Меня снова начинает колотить. Разве можно говорить, что все кончено? Как может Тагир возиться со мной, когда неизвестно, что со старшим братом.

— Эрик смог уйти от моих людей, но это ненадолго, — спокойно отвечает Тагир. — Далхан жив, мои люди напали на дом этого кривого уроды, освободили брата. Так что Далхан сам закончит эту войну. Эрик ничего не сделал тебе? Ты сказала мне правду? — добавляет напряженным голосом.

— Правду, — киваю, облизывая пересохшие губы. — Скажи, с Нурпат все хорошо? Эти сволочи ударили ее... Девочка пыталась мне помочь. Наверное, Далхан ненавидит меня за то, что пришлось пережить его дочери...

— С Нурпат все отлично. Она очень ждет твоего возвращения. Как и Настя.

Моя сладкая крошка... За нее я не так сильно волновалась, знала, что с Варварой девочке хорошо, и верила, что Тагир никогда ее не бросит, что бы со мной ни случилось. Но сейчас, когда все позади... меня раздирает желание обнять дочку, вдохнуть ее нежный запах.

— Я очень хочу домой. Очень.

Я назвала место, куда меня привезли против воли, домом. И правда, сейчас это самое близкое и родное место. Но там есть Тамила... Нет, сейчас я не могу говорить о ней. Даже мысль об этой женщине причиняет мне боль. Потому что не понимаю, как можно быть настолько жестокой.

— Ты хочешь что-нибудь, детка? Пить? Поесть? Есть сэндвич и немного шоколада.

— Я очень хочу пить.

Тагир протягивает мне небольшую бутылку воды, и я выпиваю ее практически залпом. Есть мне не хочется.

— Меня там кормили, — говорю, чтобы успокоить Тагира. — Аппетита не было, но я себя заставляла что-то есть, ради ребенка.

— Ты умница, Вилена.

Как же приятно слышать от него похвалу. Машина трогается с места, меня начинает укачивать, словно в колыбели. Невероятно приятное чувство, тревожные мысли отступают. Нет, мне еще о многом надо поговорить с Тагиром, вопросов миллион. И волнения еще не все позади. Но не сейчас. Я слишком устала... Только порванное вечернее платье невероятно раздражает. Оно пропиталось копотью. Мне ужасно хочется его снять. Кое как вылезая из него, сохраняя лежачее положение, извиваясь как змея.

— Что такое детка? — сразу напрягается Тагир.

— Я раздеваюсь, — отвечаю, хихикнув над собственным ответом. — Прости, не знаю, как пойду в больницу, но я больше не могу в этом платье.

— Разберемся. Делай как тебе лучше, милая.

— Кстати, Эрик был любовником моего брата, — добавляю после паузы. — Он тоже сильно пострадал от моего отца...

— Я отдал этого уroda брату. Почти не сожалею об этом.

Но я вижу, как сильно руки Тагира сжимают руль. Невольно вздрагиваю. Судьбе Эрика точно не позавидуешь. Братья Валиевы не прощают покушений на семью. И ради чего? Всего лишь какие-то документы. О которых теперь никто никогда не узнает. Отце мастер по тайникам. Я вдруг вспоминаю о Марго. Она принадлежит к врагам, потому что родня Эрику...

— Тагир, мы можем все-таки отложить поездку в больницу? — спрашиваю взволнованно. — Ненадолго. Поедем в особняк Эрика, пожалуйста. Там есть девушка... Она такая же заложница, как и я. Она помогала мне. Я за нее переживаю.

— Поговорим об этом потом. Сначала клиника.

Мне не хочется спорить, настаивать. Тагир волнуется о малыше, разве может быть что-то более важное? Я обязательно помогу Марго, сразу как меня осмотрят.

* * *

Проходит около получаса с момента, как мы выехали, может даже меньше. Я даже умудрилась под конец задремать, убаюканная ровным спокойным голосом любимого, по которому отчаянно соскучилась. Тагир переговаривался через наушники со своими людьми.

Машина останавливается, и я просыпаюсь. Пока Тагир вылезает, смотрю в окно и морщусь, узнавая это место. Клиника Вероники Астафьевой. Неужели мы не могли поехать в другую больницу? Тагир помогает мне заботливо завернуться в плед. Тут же подбегает медсестра с каталкой.

— Здравствуйте, Тагир Исаевич. Вероника Геннадьевна сейчас подъедет, ее не было в клинике в тот момент, когда вы позвонили. Но не волнуйтесь, наш лучший специалист по

узи, и гинеколог, Мария Андреевна, все ждут.

— Спасибо, Лариса, — коротко кивает Тагир, помогая мне сесть в каталку.

Мои щеки горят. Понимаю, что это лишь капризы, но мне не хочется быть в клинике бывшей Тагира. Мне не хочется пускать Веронику в нашу жизнь.

— Почему именно сюда? — спрашиваю расстроено.

— Вилена, это лучшая клиника в городе. Точнее, единственная частная. Что ты имеешь против Вероники?

Ничего. Кроме того, что ты с ней спал.

Я не произношу это вслух, но похоже, это написано у меня на лице. Потому что Тагир усмехается.

— Ты ревнуешь что ли? Детка, если у меня что и было с Астафьевой, это никогда ничего не значило, абсолютно. Но я понимаю твои чувства. Завтра найду других врачей. Но сегодня, детка, сделай это ради меня. Потерпи.

— Хорошо, — вздыхаю, чувствуя себя ревнивой дурой. — Тогда и ты сделай кое-что для меня.

— Все что угодно.

— Я хочу видеть Марго. Пожалуйста, умоляю. Скажи своим людям, чтобы ей не причинили вред! Она тоже жертва Эрика, хоть они и родственники. Я очень волнуюсь...

— Ты не устаешь меня удивлять, — усмехается Валиев. — Способна одновременно ревновать к одной женщине и спасать другую. Хорошо, сделаю что ты скажешь.

Мы уже подкатили к въезду в корпус клиники, Тагир передает мое кресло подбежавшей медсестре, а сам достает телефон.

* * *

Меня привозят в большой просторный кабинет, где много разной медицинской аппаратуры. Без Тагира, без физического контакта с ним, чувствую себя потерянной, покинутой. Непреодолимое желание прижаться к надежному теплему телу поглощает все мои мысли, отгоняя тревогу за Марго на второй план. Я так нуждаюсь в любимом, что желание превращается в боль. Ничего не хочется больше, чем прильнуть к нему, почувствовать его тепло, убедиться, что он рядом и любит меня, заботится.

Опять меня затапливают вспышки ужасных воспоминаний, слова отца, решимость Эрика... Кошмар последних дней вымотал меня, как морально, так и физически. Внутри рождается рыдание, я не могу сдержать слезы и злюсь на себя за это.

— Здравствуйте, прошу прощения, что заставила вас ждать, был срочный пациент, — в кабинет заходит приятная женщина средних лет, в белом халате. Сейчас сделаем УЗИ, потом вас осмотрит наш лучший врач. Не переживайте.

Видимо эта женщина приняла мои слезы на тот счет, что переживаю о ребенке. На самом деле внутри меня какая-то странная уверенность, что все замечательно. О чем спустя сорок минут мне сообщает еще одна очень милостивая, чуть помоложе, доктор.

— Поздравляю, Тагир Исаевич, — говорит она с улыбкой.

Тагир зашел в кабинет уже после осмотра, спросив разрешения. С его присутствием мне сразу полегчало, я взбодрилась и даже смогла улыбнуться доктору.

— С вашим малышом все прекрасно, сейчас ему почти 12 недель. Развитие в пределах

нормы. Самочувствие мамы хорошее, разве что пульс высоковат. Лучше конечно если беременность будет протекать под наблюдением...

— Добрый вечер, — речь доктора внезапно прерывает появление Вероники. Она выглядит странно. Какая-то нервная, взъерошенная, на голове черти что, одежда мятая. Круги под глазами, словно плакала.

— Здравствуй, — говорит ей Тагир, а я — просто киваю. Почему-то по спине пробегает холодок, мне неуютно в присутствии этой женщины. — Нас прекрасно обследовали и без тебя. Если отвлек, извини. Мы, наверное, сейчас домой поедем.

— Ну что ты, дорогой, — Вероника неожиданно резко меняется в лице, натягивает сияющую улыбку. Ты должен мне рассказать, что произошло... Я ничего не поняла по телефону. Думаю, Вилене лучше остаться под наблюдением до утра. Правда, милая, зачем тебе сейчас ехать куда-то. Лучше отдохнуть...

Она все говорит и говорит, и я действительно чувствую усталость, сонливость. Мне во время обследования сделали укол, успокаивающий, как сказала врач. Видимо лекарство начало действовать.

— Хорошо, если вы считаете, что так будет лучше, — вздыхает Тагир. Снова берется за телефон, делает какие-то распоряжения. — Как ты, малышка? — спрашивает меня.

— Устала. Спать хочется.

* * *

Мне выделяют палату, наверное, самую лучшую, судя по интерьеру.

— Я ненадолго оставлю тебя, — мягко говорит Тагир.

— Ну конечно, здесь за мной присматривают, — отвечаю полусонно. — Ты поедешь к Далхану? Ты сможешь Марго? Тогда я отпущу тебя со спокойной душой.

— Ты зациклилась на этой Марго.

— Я хочу ей помочь. Она очень несчастна.

— Хорошо, детка. Просто спи.

□

Тагир целует меня в лоб и уходит, а я проваливаюсь в глубокий сон. Мне снится отец, он направляет на меня пистолет, и я внезапно просыпаюсь, дрожа от озноба. Меня охватывает ужасное предчувствие. Внезапно дверь в палату открывается, очень медленно и осторожно. Чувствую себя так, будто попала в фильм Хичкока. С трудом сдерживаюсь, чтобы не закричать. Почему-то я уверена, что крик мне не поможет.

Вероника. В ее руках пистолет. Почему я даже не удивлена?

— Зачем ты это делаешь? — спрашиваю, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Неужели Тагир не оставил возле моей палаты охранников? На него это не похоже. Но Веронике он доверял абсолютно. Сейчас, глядя на ее перекошенное от ненависти лицо, понимаю, что мы оба были чудовищно беспечны.

— Из-за тебя, сука, погиб мой любимый! — цедит сквозь зубы Астафьева. — Как же я ненавижу тебя, тварь. Но знаешь в чем ирония? Это не моя инициатива, грохнуть тебя. Это он попросил. Сказал, что это его последнее желание.

— Кто? Кто тебе сказал такое?!

Это не мог быть Тагир, нет конечно. Но кто еще мог встречаться с Вероникой и так

сильно меня ненавидеть?

— Отец? — выдыхаю едва слышно.

Нет, пожалуйста, пусть это будет не так. Да, он чудовище. Но он же растил меня, заботился... Он дал мне жизнь. Я не хочу думать, что меня породило на свет аморальное чудовище. Озноб прокатился по всему телу, внутри что-то оборвалось.

— Ты знала, что он не погиб, с самого начала? — осеняет меня догадка.

Затем в голову приходит другая мысль, и сердце начинает биться неровными толчками: *Неужели она была с Тагиром, зная, что Глеб Шахов жив? Она была с ними двумя одновременно?*

Твои мысли написаны у тебя на лице, — насмешливо произносит Вероника. Да, все так. Я всегда любила твоего отца, знала о его планах, помогала ему во всем. Но и Тагир для меня — нечто особенное. Никогда не желала ему вреда. Я ведь так и не сказала Глебу, что Тагир выжил.

Вот почему для отца это стало сюрпризом. Последние кусочки паззла встали на место.

— Мой отец мертв, теперь уже точно и окончательно. Зачем тебе убивать меня? Потому что пообещала? Но никто не спросит с тебя за это... А Тагир спросит... Ты сама видишь, как он любит меня. И нашего ребенка.

— Ничего, я утешу Тагира, — оскаливается Вероника, поднимая руку и нацеливая на меня оружие.

— Советую зажмуриться. Сейчас все закончится, Вилена.

Но я упрямо смотрю в лицо этой женщине. Пусть. Пусть сделает это, когда я смотрю ей прямо в глаза! Озноб вернулся, но на этот раз еще более ледяной. Дрожая всем телом тяжело сглатываю поднявшуюся тошноту.

Почему, отец? Почему ты приказал этой женщине убить меня? Откуда в тебе столько ненависти?

Я не нахожу ответов на свои вопросы. Почти смиряюсь с мыслью, что мне суждено последовать за отцом в мир иной. Я все-таки машинально закрываю глаза, раздается выстрел. Боли нет, это так странно. Я нахожусь в сознании, слышу крики, топот ног, ругательства.

— Открой глаза, детка. Не пугай меня, малыш, — слышу голос Тагира и не могу поверить в реальность происходящего.

— Это правда ты? — спрашиваю дрожащим голосом.

— Да, я, детка. Прости меня. Как я мог оставить тебя наедине с этой тварью? Ты не хотела, а я... просто идиот. Я должен был предположить...

— Она мертва? — спрашиваю слабым голосом.

— Да. Она мертва. Не смотри, малыш. Мы сейчас поедем домой. Никаких больше больниц. Я тебя не оставлю ни на секунду.

— Да, это было бы неплохо, ведь как только оставляешь, меня сразу кто-то пытается убить или похитить, — говорю со смешком, чувствуя подступающую истерику. На мою долю действительно выпало слишком много всего за последнее время. Невыносимо много.

Тагир бережно закутывает меня в плед, который сжимаю пальцами, чувствуя, насколько слаба. Поднимаюсь на ноги, любимый сразу подхватывает меня, и выносит из палаты на руках. Ловлю себя на мысли, что последнее время он постоянно носит меня. Даже несмотря на обстоятельства, это безумно приятно.

□

Что может быть слаще, чем объятия маленькой дочери после разлуки? С наслаждением обнимаю Настю, вдыхаю ее нежный детский запах. Маленькие пухлые ладошки легко сжимают мои плечи, малышка лепечет что-то. Удастся разобрать только одно слово:

— Мама...

Конечно же не могу сдержать слез, они заливают лицо, мешают разглядывать заметно подросшую малышку. Меня словно год не было, хотя на самом деле прошло не больше недели.

— Доченька моя любимая, прости меня. Прости, что исчезла... Это не от меня зависело.

Вряд ли Настя понимает мое бормотание, перемежающиеся всхлипами.

— Хватит душу рвать, девочка, — слышу за спиной ворчливый голос Варвары.

Оборачиваюсь. Та глаза вытирает, тоже не смогла не прослезиться.

— Спасибо тебе огромное... — выдыхаю едва слышно, горло перехватывает от эмоций.

— За что, милая? — удивляется женщина.

— За заботу... Я была спокойна за ребенка, зная, что она с тобой.

— Вилена, солнышко мое, ты меня на старости лет счастливой сделала, разве не понимаешь? — прорывает неожиданно Варвару. — Жила я одинокая, никому не нужная. С тоски помирала. Огород да телевизор по вечерам, ничего больше. А теперь у меня внученька есть. И дочка... Ты мне как дочь, деточка.

Подхожу ближе, обнимаю, меня переполняют эмоции.

— Я тоже тебя очень люблю. Ты часть нашей семьи. Буду счастлива, если навсегда останешься с нами...

— Да уж, никуда от вас не денусь, — качает головой, широко улыбается. — Мне тут замуж предложили, представляешь? Я тебе про него рассказывала. Ох, да ладно, разве время сейчас, — обрывает сама себя укоризненно.

— Что? Ты серьезно? Я очень рада! — восклицаю искренне. — Кто этот счастливчик?

— Мне стыдно, ты только вернулась от похитителей, а я о себе заладила. Познакомлю вас, он из местных, хороший мужик. Лучше о себе расскажи. Как ты, милая? Они не навредили тебе? Не обижали, сволочи поганые?

— Нет. Все обошлось. Хотя местами было очень страшно, — признаюсь со вздохом.

— Надо думать! Как вообще такое может быть в наше время, как? В голове не укладывается! А уж то, что Тамила эта проклятая затеяла... и вовсе нет слов! Я-то дура, при ней о беременности твоей сболтнула... Не представляешь, как я корила себя все это время, как ненавидела. Говорила себе, что из-за меня, дуры болтливой, все получилось. Даже на колени перед Тагиром твоим встала, повинилась...

— Ты не виновата в подлости Тамилы. Ты не по злобе, обронила нечаянно. Я не виню тебя, что ты, мне и в голову не приходило... А Тагир? Что он сказал?

— Велел за Настей смотреть как можно лучше, и больше думать, а меньше языком болтать. Строгий он у тебя. Но добрый. А уж переживал как за тебя! Думала убьет эту сволочь Тамилу...

— Надеюсь, он ей ничего не сделал? — вздрагиваю. Со всеми этими событиями напрочь забыла про бывшую невесту. Даже не злилась на нее, все страхи были в основном

из-за Эрика, его явно прогрессирующее безумие, агрессия, заслонили все остальное.

— Боже, ты еще и переживаешь за нее? — восклицает Варвара. — Как можно быть таким ангелом, как? Дочка моя милая, она не стоит и крупицы твоего сочувствия, змеюка поганая. Если бы не она, Настя бы не плакала столько ночей, умоляя позвать маму.

— Правда? — в горле появляется ком. Едва сдерживаюсь, чтобы не разрыдаться.

— Ох, ну что у меня за язык такой. Опять тебя расстроила! Все нормально у нас было, милая. Я спала с девочкой, старалась отвлекать ее, чтобы не вспоминала, не расстраивалась.

— Спасибо тебе огромное! Но ты так и не сказала, что стало с Тамилей. Не думаю, что Тагир способен причинить физический вред женщине.

— Он — нет. Но вот Далхан бы ее точно прибил, только он сразу в погоню бросился. Пока мы тут за Нурпат переживали... бедный ребенок пострадал, надо же. Но с ней все хорошо уже, бегают всюду, носится.

— Знаю.

Мне Тагир по дороге рассказал все что происходило с Нурпат, во всех подробностях.

— Тамилу изгнали из деревни. Ее родители, бедные, с каким же стыдом они уезжали.

— Мне жаль ее. Отверженная женщина. Ее можно понять.

— Ты бы так поступила на ее месте?

— Конечно нет!

— Вот тебе и ответ, милая.

* * *

Меня закрутил настоящий вихрь событий, так что больше некогда было размышлять о Тамиле, Эрике, вспоминать ужасные события, которые произошли со мной.

Я готовилась к свадьбе. Выбирала платье, фату и прочее. Мне конечно помогали с организацией, Тагир нанял профессионала, женщину, очень приятную, вежливую, которая старалась учесть все мои пожелания. Вот только пожеланий у меня не было. Все казалось сном, сказкой о Золушке. Я и белое платье? Выхожу замуж за мужчину своей мечты? Как может быть такое? Я не понимала, не могла поверить в происходящее.

Тагир просто заявил — быть свадьбе, и все начали суетиться, поздравлять, готовиться к этому событию. У меня кружилась голова от счастья.

Немного огорчало то, что любимый первые несколько дней отсутствовал. Объяснил, что нужно закончить историю с Эриком. Я понимала. И очень ждала приезда Марго. Почему-то верила, что она вот-вот появится здесь и тогда я буду окончательно счастлива. Не знаю почему я чувствовала ответственность за эту едва знакомую мне девушку. Может, потому что она казалась мне беззащитной? Совсем как я недавно.

* * *

— Ты выбрала свадебное платье? — низкий голос раздается над ухом, отвлекая меня от интересного романа. День был суматошным, только уложила Настю, поднялась к Тагиру, и, ожидая его приезда, увлеклась книгой.

— Ты меня напугал! — вздрагиваю.

— Прости. Думал ты слышала, как я вошел. Наверное, ты по мне не соскучилась, раз книга занимает тебя больше, — слегка насмешливо произносит Тагир, отходя от кровати к маленькому журнальному столику, кладет на него свой мобильный.

— Не говори так, — зачарованно наблюдаю как он раздевается, снимает пиджак, вешая на спинку кресла, расстегивает брюки. У меня пересыхает в горле. Понимаю, что за три дня пока его не было, несмотря на занятость безумно истосковалась по нему. У нас так давно не было близости. Он не трогал меня с момента как спас. А мне до безумия хотелось близости с ним. Хорошо, что вернулся, я уже почти на грани. Не могу терпеть как хочется прикоснуться к нему...

— Ты устал? Сделать тебе ванную?

Спрашиваю и краснею, вспоминая наш первый раз. Как взял меня в этой комнате, как я мыла его перед этим. Тогда меня это пугало и казалось унижительным. Сейчас вспоминаю об этом как о чем-то особенно прекрасном.

— Моя маленькая сладкая жена, — Тагир заключает меня в объятия. — Иди сюда, — обхватывает подбородок, прижимаясь губами к моим губам. — Сдохнуть готов как хочу тебя...

— Тогда почему не приезжал эти дни? — спрашиваю, чуть отстранившись. — Я думала ты меня не хочешь...

— С ума сошла? Больше всего на свете я нуждаюсь в тебе, детка.

Тагир подхватывает меня на руки, несет к постели. Мы жадно целуемся, поглощая друг друга, отдавая страсть, эмоции. Голова кружится от избытка чувств. Мне уже не интересно выяснять почему он не приезжал эти дни. Хочу его, здесь и сейчас, немедленно. Помогаю расстегнуть рубашку, руки не слушаются. Дернув слишком сильно, отрываю пуговицу. Смущаюсь. Замираю.

— Потом пришьешь, женушка, — посмеивается Тагир.

— Еще не жена, — отвечаю, задыхаясь от его поцелуев.

— Осталось совсем немного. Да и неважно это. Ты моя.

— Всегда была твоей...

Я словно впадаю в транс. От его запаха, от оглушающего желания близости. Раньше такого не испытывала. Интересно, это беременность так действует на меня? Мне хочется быть раскованной, хочется касаться мужа... везде. Помогаю Тагиру снять брюки, вместе с трусами они летят на пол. Касаюсь напряженного мужского естества, с наслаждением наблюдаю как Тагир тихо выдыхает сквозь зубы. Его реакция придает мне смелости. Начинаю поглаживать его, сначала осторожно, затем более уверенно.

Тагир перехватывает руку.

— Ты решила добить меня, детка? Не сегодня. Не когда я безумно голоден по тебе. Теперь моя очередь раздеть тебя.

Вместо ответа тянусь за поцелуем. Сначала это робкий осторожный поцелуй, я проверяю, насколько далеко он позволит мне зайти. Чувствуя, что Тагир дает мне полную свободу действий, продолжаю более напористо, приоткрывая его губы языком, углубляя поцелуй. Скоро каждая клеточка в моем теле трепещет от его близости. Не выдержав, снова принимаюсь поглаживать восставшую плоть, дурея от ощущений, наслаждаясь его твердостью и собственной смелостью. На сей раз Тагир не останавливает меня. Вместо этого он сосредотачивает свое внимание на чувствительных полушариях, спустив мою

ночную рубашку ниже, ласкает их, вырывая из моего горла стоны.

— Тебе хорошо, малышка?

— Невероятно...

Тагир наклоняется вперед, втягивает сосок в рот, и я вскрикиваю, ощутив резкий прилив желания. Все тело ломает от потребности в большем. Он такой уверенный в себе, горячий, мощный. Его сила заставляет мое сердце колотиться, а кровь бурлить, испепеляя вены. Смотрю в мужественное лицо, искаженное страстью, и меня пронзает сладостная дрожь, охватывает первобытный инстинкт, настолько сильный, что ему невозможно сопротивляться.

— Я люблю тебя, девочка. Безумно люблю, — Тагир добавляет что-то на своем языке. Это звучит невероятно интимно. Кровь еще сильнее закипает от желания. Не могу ответить ему сейчас, горло перехватил спазм. Но мысленно произношу что-то вроде молитвы. Благодарности Богу за то, что подарил мне наивысшее счастье. Любимого. Теперь, я точно знаю, что именно этот мужчина мой суженный, мой единственный. Предназначенный судьбой.

Я создана только для него, для него одного.

Начинаю покрывать грудь Тагира легкими поцелуями. Впервые не только позволяю его страсти обрушиваться на меня, а хочу давать ее в ответ. Меня охватывает эйфория, когда понимаю, что дыхание Тагира становится учащенным, прерывистым. Он отстраняется от меня всего на секунду, чтобы сорвать мешающую ночнушку. Жадно оглядывает горящим взглядом мое обнаженное тело. Касается живота, пока еще плоского. Но скоро он начнет расти, не могу дождаться этого момента. Буду ли тогда привлекательной для любимого? Пока отодвигаю этот вопрос. Сейчас не до этого, особенно когда Тагир проводит пальцами вверх, по ребрам, груди, по соскам, которые сейчас за пределами чувствительны. Меня буквально током от этого прикосновения бьет, подаюсь назад, выгибаюсь, подставляя соски его ладоням, предлагая себя. Умоляя о большем.

Тагир опускает голову, сжимает губами болезненно напряженный сосок, одной рукой удерживая меня за талию, а второй лаская другое полушарие, даря невероятное наслаждение. Снова и снова со стоном ловлю ртом воздух, пока Тагир ненасытно ласкает мои груди. Спазмы сладчайшей муки пронзают все тело до кончиков пальцев.

Тагир чуть отстраняется и оглядывает меня, в его взгляде восхищение, и это еще сильнее сводит меня с ума. Пытаюсь оценить, что он видит — полураздетая, дрожащая, готовая уступить любым его желаниям.

В этот момент он поднимает голову, смотрит на меня... и что-то страшное мелькает в его взгляде.

— Я никогда не смогу отпустить тебя, девочка. Ты это понимаешь?

— Я тоже никогда не смогу отпустить тебя, — произношу тихо, смотря ему в глаза, вкладывая в этот взгляд всю свою любовь. — Я твоя навеки. Об этом всегда мечтала... И ты это знаешь!

Тагир внимательно вглядывается в мое лицо.

Снова притягивает к себе и целует. Лечу в бездну. Его поцелуй жадный, ненасытный. Но постепенно этот безумный накал страсти сменяет нежность и сладкая истома.

Тагир не торопится перейти к главному. Он видимо хочет довести меня до крайней степени возбуждения. Чтобы умоляла взять меня. И я почти готова к этому.

Поражаю его самоконтролю, его силе.

Пальцы Тагира спускаются ниже, к последней преграде в виде моих трусиков. И я сильнее жмусь к нему, подталкивая, умоляя. Его пальцы скользят под резинку, натягивают ее, дергают. Раздается треск и вот я уже полностью обнажена. Он касается самой интимной части моего тела. Вздвогнув, закрываю глаза, мне трудно дышать, настолько велико сейчас возбуждение. Этот мужчина сводит меня с ума в прямом смысле. Много лет назад он стал моим наваждением и так продолжается по сей день.

□

Подавшись вперед, Тагир осторожным движением входит в меня. Замираем оба, тяжело дыша.

— Не останавливайся, — выдыхаю ему в губы, выгибая спину.

Он ускоряет темп. Часто дыша, прижимаюсь к нему бедрами, ловя новый ритм. Не прекращая толчков, Тагир ловит мои губы, и я кричу в них, когда его член входит в меня до предела.

— Скажи, что ты моя, — горячее дыхание опалает мои губы.

— Я твоя, — вскрикиваю от нового выпада, заполнившего тело раскаленным блаженством. Толчки глубокие, неистовые, этот напор сводит с ума, нечто совершенно необузданное и дикое пробуждается во мне. Темп становится еще более быстрым и жестким, заставляя задыхаться и вскрикивать еще громче.

Крепко обхватив руками за плечи, подаюсь навстречу, вскрикиваю, извиваюсь, пока не достигаю наивысшей точки наслаждения. Тело прошивает судорога, заставляя изогнуться, зажмуриться, и я рассыпаюсь, цепляясь за плечи любимого как за единственную опору в этом мире.

— Виленка... — рычанием мое имя срывается с его губ, чувствую, как взрывается во мне, продолжая двигаться, пока не взрывается во мне, изливаясь мощной струей. Тагир медленно выходит из меня, ложится рядом на бок, обнимает меня, прижав к себе. Не открывая глаз, глубоко вдыхаю его запах, наслаждаясь близостью, переживая эхо только что испытанного удовольствия.

— Я люблю тебя, — шепчу, едва шевеля губами, я совершенно без сил, но эти слова просятся наружу. Объятия становятся крепче.

— Я люблю тебя, малышка, — отвечает Тагир, и я погружаюсь в сон абсолютно, бесконечно счастливая.

*****

Время стремительно неслось вперед, даже немного обидно было, что счастливые мгновения пробегают так быстро. Сколько раз мне хотелось остановить, замедлить некоторые из них, чтобы насладиться по полной.

Подготовка к свадьбе превратилась в нечто масштабное. Я думала о скромной церемонии, ведь у нас обоих уже нет родителей, некого в этом плане радовать. Мы оба чужды гламуру и пафосу. И вдруг я понимаю, что в свадьбу вкладываются немалые деньги и все это — желание Тагира. Это удивило меня. Но вместе с тем было что-то невероятно приятное в этом. Что согревало душу. Забота, желание отдать все самое лучшее. Мой любимый буквально носил меня на руках.

Церемония проходила в деревне. Мулла проводил местный обряд, это было невероятно трогательным действием. Собралось очень много гостей, приехали родственники с окрестных деревень, и не только. Некоторые прилетели издалека. Точное количество гостей так и не

подсчитали.

Мое свадебное платье было безумно дорогим и невероятно красивым. Весило оно тоже прилично, я даже пошутила, что мужу не суждено меня сегодня носить на руках. На что Тагир лишь усмехнулся, буркнув что если в следующий раз у нас будет тройня, он вообще меня с рук не спустит. Я немного испугалась этого пророчества. Хотя давно для себя решила, что хочу очень большую семью, чем больше деток, тем лучше.

К свадьбе я купила подарок каждому жителю деревни. Маленькие безделушки, сувениры, мне почему-то это казалось очень важным. Установить со всеми хорошие отношения. Впрочем, ко мне и так все относились очень дружелюбно. Я боялась, что будут смотреть косо из-за изгнания семьи Тамилы. Я все же косвенно была за это виновата. Точнее, чувствовала за это ответственность. Никто ни единым словом об этом не упомянул.

За время подготовки я сблизилась со многими обитательницами дома, даже начала учить язык. Я больше не была испуганным зверьком. Теперь стала женщиной, понимающей, что мне предстоит жить в этом обществе до конца дней. Поэтому важно влиться сюда, узнать, как можно ближе каждого жителя. Чтобы не повторилось то, что случилось с Тамиллой... Конечно же забыть о таком невозможно. Воспоминания будут преследовать, как и кошмары.

* * *

Смотрю на себя в зеркало, и прихожу к нескромному выводу, что невеста выглядит изумительно в пышном платье со шлейфом. Тяжеловато, но оно того стоит. Конечно, не могу сдержать слез.

— Ты прекрасно выглядишь, похожа на принцессу, — говорит Нурпат, с восхищением разглядывая меня. На девочке тоже очень красивое розовое платье. Она — подружка невесты, как и Совгат, и моя сладкая Настена. На всех одинаковые платья, разница лишь в размерах. Настя как раз бежит ко мне, едва не падая, в последний момент ловлю ее, заключая в объятия.

— Не балуйся, детка, ты маме платье порвешь, — ворчливо произносит стоящая возле окна Варвара. Также очень красивая сегодня, в темно-лиловом вечернем наряде. — Рвать платье — это сегодня привилегия твоего папы, — добавляет тихо посмеиваясь.

— Прошу тебя, — шиплю на Варвару. — Не смущай, я и так в полном раздразе эмоций.

— Дать валерьяночки? Я вот приняла и чувствую себя отлично, — снова смешок.

— Да, дай пожалуйста. Нет, одной таблетки достаточно.

— У тебя пульс зашкаливает. Одна не поможет.

— Больше боюсь, еще усну на собственной свадьбе...

Но конечно же в такой день я никак не могла уснуть, адреналин в крови зашкаливал. И это было чистое, незамутненное ничем счастье, которое бурлило, рвалось наружу.

Было много волнений, много радости. И слез, конечно.

Проходила свадьба на улице. Были вынесены дубовые столы, скамьи, проложена дорожка, посыпанная лепестками роз, оборудована большая круглая площадка для танцев.

— Вилена, боже, как же все красиво, я в таком шоке! — Вика Морозова подходит поздравить меня, обнимая крепко. — Еле прорвалась к вам, столько гостей! — смущенно смотрит на Тагира. Он кивает.

— Я ненадолго оставлю тебя с подружкой.

— Да, спасибо...

С Викой я встретила некоторое время назад, случайно. Я бродила по сувенирным магазинчикам в центре, как раз готовила подарки. Мы столкнулись со старой подружкой буквально лоб в лоб. Поначалу я опешила. С нашей последней встречи прошло столько событий, и они калейдоскопом пронеслись перед глазами. Я нахмурилась. Было время, когда я почти поверила, что Вика подставила меня. Наверное, Морозова прочла это на моем лице.

□

— Вилена, я ни о чем не знала! Я когда дозвониться до тебя не смогла, чуть с ума не сошла. И Вадим как в воду канул! Я мужа запилила, заставляла выяснить все об этом человеке... Выяснила на свою голову, к нам бандиты явились. Сказали если будем дальше нос не в свое дело совать — не будет у меня ни мужа, ни ресторана. Я так перетрухнула. А за тебя... Даже свечку ходила ставила. Столько молилась... Я не набожная, но тут просто... просто ужасно паршиво все вышло. Прости ради бога меня... Я не хотела, правда. Прости...

Я поверила Вике, мы отправились в ближайшее кафе, долго разговаривали. Конечно, я не спешила открывать ей свою историю. Больше слушала, пытаюсь понять, говорит ли она правду.

— Если бы я врала, Шахова, то давно бы червей кормила, — кривится Вика. — К нам и Валиев твой приезжал. Жестко допрашивал, я уже с жизнью попрощаться успела. Он хотел узнать где Вадим, из-под земли готов был достать... Не знаю, нашел ли он его...

— Нашел. Забудь об этой истории. Больше Тагир не приедет к вам, — говорю спокойно.

— Что? Откуда такая уверенность? Ты общаешься с Валиевым? — удивляется моим словам Вика.

— Я за него замуж выхожу, — признаюсь, не сумев сдержать улыбку.

— Ну ты... Издеваешься? Как? — захлебывается эмоциями Вика. — Ты меня не разыгрываешь?

— Разве я могла когда-нибудь шутить про Тагира? — снова улыбаюсь.

— Нет... Ты в него по уши влюблена была. Он тебе предложение сделал?

— Он меня спас. Он вернул мне дочь. Он подарил мне ребенка, — провожу ладонью по животу. — И сделал самой счастливой на свете...

— Господи, Шахова, поздравляю! Вот новость! С нее то и надо было начинать! А я тут сиюю слова подбираю. Боюсь что-то не то брякнуть. Как же все вышло? Расскажешь?

— В другой раз.

— А он будет? Мы с тобой годами не видимся...

— Приглашаю тебя на свадьбу, — достаю из сумочки приглашение, прямо перед Викой подписываю его.

— Я даже не знаю... Муж меня убьет. Он от этих визитов криминальных у меня заикаться начал. Серьезно, Вилен, ничего смешного.

— Вот как раз и вылечим, — смеюсь.

— Ох, Шахова. Умеешь ты с ног на голову жизнь перевернуть, — улыбается Вика.

Я поговорила с Тагиром про старую подружку, рассказала о приглашении.

— Мы ее вдоль и поперек проверили, — кивнул Тагир. — Не замешана она, случайно во все это втянута оказалась. Ваше знакомство сыграло этому Вадиму на руку. И очень все запутало.

Я не хотела говорить про Вадима. Меня не интересовало что с ним стало. Главное, что подруга детства не предавала меня. Это делало меня невероятно счастливой. Вселяло веру, что хороших людей больше, чем плохих.

* * *

— Свадьба шикарна, — обнимает меня Вика. — Вы именно такую заслуживаете. Знаешь, я тут думала о том, какой путь друг к другу вы прошли... и рыдала. Ну, может сыграло роль то, что у меня сейчас сбой гормональный. Но я реально до опухшей морды ревела. Как же вам повезло... несмотря ни на что.

— Спасибо. Хороший тост, Морозова, — слегка посмеиваюсь. — Если серьезно, Вик. Хочу, чтобы ты была крестной нашего первенца.

— Знаешь, я ведь тоже беременна. Всего пять недель срок. Мы с мужем давно решили, что пора...

— Это лучший подарок на свадьбу, — обнимаю подругу. — Мы обе беременны! Это же так классно!

— Ага. Только живем далеко, добираться до тебя замучаешься.

— Значит перезваниваться будем, делиться впечатлениями.

— Отеками, геморроем, — фыркает Вика.

— Надеюсь, до этого не дойдет.

— Вилен, я тоже прошу тебя стать крестной нашего первенца, — заключает меня в объятия подружка.

После разговора с Викой меня перехватывает Маргарита Сергеевна. Конечно же она тоже приехала на свадьбу Тагира.

— Поздравляю тебя, девочка. Я сразу поняла, что этим кончится. Еще когда ты в моем доме жила.

— Правда? — меня удивляют ее слова. В то время, вынужденная даже прислугой в доме этой женщины поработать, я уж точно не думала о том, что мы с Тагиром будем когда-нибудь вместе. — Спасибо вам.

— За что? — удивляется моя собеседница.

— Ну хотя-бы за то, что не говорите, что я не подхожу ему. Вы же ему как мать.

— Ты права, я очень люблю Тагира. И считаю, что ты его половинка. Ты много сделала для того, чтобы быть ему хорошей женой. Я это вижу. Пройшла длинный путь. Приняла его веру. Начала учить его язык, изучать традиции его народа.

На глаза наворачиваются слезы. Маргарита сказала это так просто, буднично. Обронила без малейшего пафоса. Тем сильнее пронзили ее слова.

Стоит подумать о том, что надо в дамскую комнату сходить, поправить макияж, который скорее всего поплыл от всех этих эмоций, как вижу Далхана, его держит под руку Марго!

Замираю, ошеломленная этой картиной. Я не могла добиться встречи с Марго все это время! Спрашивала Тагира и тот мрачнел сразу. Предлагал мне поговорить напрямую с Далханом, говорил, что Марго в компетенции его брата. Я не понимала, что это значит. Мрачный Далхан появлялся редко, все время где-то отсутствовал. В доме многие его за это

осуждали. Дочь с того света выкарабкалась, а он неизвестно где пропадает!

С момента как я стала невестой Тагира, Далхан стал относиться ко мне предельно вежливо, но вряд ли менее холодно. Меня пугал этот огромный бородатый мужчина, и все же несколько раз, набравшись смелости я подходила и задавала ему вопросы о сестре Эрика.

Далхан выслушивал и ничего не отвечал, чем приводил меня в бешенство! Сколько же эпитетов я ему давала мысленно! Твердолобый, упертый!

В конце концов я просто сказала, что без Марго свадьбы не будет. И вот она здесь. Красивая, сияющая. Разве что похудела еще сильнее... Но все равно выглядит невероятно. Неужели у них с Далханом роман? Они смотрятся очень... ярко. Не сказать, чтобы гармонично, но разве это мое дело?

— Привет, как я рада тебя видеть, — улыбаюсь девушке, затем посылаю Далхану благодарный взгляд.

□

— Красивая свадьба, поздравляю, — голос Марго звучит отстраненно. Впрочем, она такой и была. Если мне она запала в душу, и я волновалась, то это не значит, что Марго чувствовала ко мне то же самое.

— Я волновалась о тебе. Как дела? — спрашиваю смущенно. Почему Далхан не может оставить нас наедине? Как приклеился к девушке! Неужели влюбился?

Но попросить его уйти мне неловко, до сих пор робею перед старшим братом мужа. Ладно, раз они вместе, держатся за руки... значит мы еще увидимся с Марго.

— Очень красивая свадьба, Вилена, — тихо говорит девушка.

— Спасибо...

— Вилена, тебя Тагир зовет, дорогая. Там снова за столом в вашу честь тосты. Ты вообще ела что-нибудь? — подходит Варвара, которая после моего возвращения заботится обо мне, наверное, больше чем о Насте.

— Не ела, — признаюсь смущенно. — Забыла.

— Разве так можно? Ну как пошли быстро.

— Мы обязательно еще поговорим, — извиняюсь перед Марго. — Мне это важно...

— Мы скоро уезжаем, — холодно произносит Далхан.

— Тогда в другой раз. Но обязательно, хорошо?

Марго неопределенно пожимает плечами. Мне хочется понять, что происходит, почему она так холодна, но снова теребит мою руку Варвара.

— Тебе надо кушать, ребеночку надо кушать.

— За столом на всеобщем обозрении кусок в горло не ползет... И где Настя?

— Она с Нурпат и Совгат, фотографируются, красотки наши. Пошли на кухню.

— А как же тосты?

— Пять минут подождут. Они-то уже все сыты да пьяны. А ребеночек питаться должен.

— Ты моя спасительница, — улыбаюсь счастливой улыбкой. Приятно, когда о тебе заботятся...

* * *

Когда торжество перешло к неформальной части, тосты стихли, подошло время первого танца молодоженов.

Мы не репетировали его, как это принято. Просто спокойно двигались по танцполу в удивительно слаженном ритме. Прижавшись к плечу мужа, я впитывала его спокойную силу, наслаждалась романтической мелодией, подпевая тихонько. В голове крутились мысли о том, что я самая счастливая на этой планете. Что сказки иногда случаются и это так прекрасно. Совсем недавно я была одинока, в отчаянии. А сейчас у меня огромная семья. Я скоро стану мамой. Надеюсь, у меня все получится. Я буду очень, очень стараться.

Руки Тагира крепче стискивают мою талию. Чуть отстранившись, смотрю в его чёрные глаза, взглядом обещаю, что буду любить его до последнего вздоха. Глаза начинают щипать от слез, это все гормоны. Со мной последнее время часто такое, перепады настроения иногда утомляют.

— Малышка, гости подумают, что тебя выдают замуж насильно, хотя у нас это древняя традиция. Тут много к приезжих из других мест. Представляешь какие слухи поползут?

— Прости... Я ужасная плакса.

— Нет. Это все гормоны. Ты не ужасная. Ты — самая красивая невеста в мире.

— Ты самый добрый муж в мире, — улыбаюсь сквозь слезы.

— Иди сюда. Тагир быстро касается губами моих губ. Он не любит проявлять свои чувства на публике. — Я люблю тебя, — его руки сильнее стискивают мою талию. А потом он повторяет эти слова на своем языке. Чтобы понять их, мне уже не требуется перевод...

Конец